

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

В. П. Шахеров

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

Монография

УДК ТЗ(2р54)-7

ББК 9(571.5)

ШЗ1

*Печатается по решению ученого совета исторического факультета
Иркутского государственного университета*

**Издание выходит в рамках Программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО «ИГУ» на 2012–2016 гг., Р 121-МИ-001**

Научный редактор

Г. Ф. Быконя, д-р ист. наук, проф.

(Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева)

Рецензенты

Ю. А. Петрушин, д-р ист. наук, проф.

Л. В. Занданова, д-р ист. наук, проф.

Шахеров В. П.

ШЗ1

Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. : монография / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 256 с.

ISBN 978-5-9624-0808-8

Монография посвящена истории формирования социокультурной среды в городах Байкальской Сибири. В книге рассмотрены вопросы развития городского общества, становления социальных отношений в городском социуме, формирование архитектурного облика, роль и место образования и культуры в процессах модернизации сибирских городских поселений.

Предназначается для студентов гуманитарных специальностей, ученых и краеведов.

УДК ТЗ(2р54)-7

ББК 9(571.5)

Научное издание

Шахеров Вадим Петрович

**Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири
XVIII – первой половины XIX в.**

ISBN 978-5-9624-0808-8

Печатается в авторской редакции

Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2013 г. Поз. 72. Подписано в печать 15.10.2013. Формат 60х90 1/16.

Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 14,5. Заказ 71. Тираж 100

Издательство ИГУ

664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0808-8

© Шахеров В. П., 2013

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Города Байкальской Сибири	27
1.1. Формирование и структура городских поселений Байкальской Сибири	27
1.2. Городское управление и хозяйство	39
1.3. Население городов Байкальской Сибири ...	62
Глава 2. Архитектура и благоустройство городов Байкальской Сибири	82
2.1. Формирование планировочного и архитектурного облика	82
2.2. Благоустройство и городское хозяйство ...	123
Глава 3. Социокультурная среда городов Байкальской Сибири	142
3.1. Культура и повседневный быт горожан....	142
3.2. Формирование городского социума и проявление общественных инициатив	203
Заключение	233
Список сокращений	236
Примечания	237

Введение

Становление городского поселения представляло собой сложный социально-экономический и культурно-поведенческий процесс, связанный с формированием городской среды, включающей в себя не только экономическую составляющую, градостроительный образ и природный ландшафт, но демографические и ментальные характеристики городского общества. Городскую среду чаще всего понимают и изучают фрагментарно. Наиболее часто это понятие используется в архитектуре и градостроительстве, где понимается как предметно-пространственное окружение человека в его чувственно данных компонентах, организованное поле для жизнедеятельности людей. В этом контексте оно почти тождественно городскому пространству. Но достаточно часто используются и другие трактовки этого понятия: «культурная среда», «образовательная», «информационная» и т. п. Таким образом, это понятие многомерно и включает в себя несколько уровней, как визуальных, так и умозрительных. На умозрительном уровне городская среда проявляется в том, что называют душой, характером, «конкретной индивидуальностью» города. На жизненную среду города, которая складывалась исторически, влияли особенности природного ландшафта, хозяйственные и общественные связи, образ жизни населения. Совместными усилиями всего городского социума формировался «как пейзаж города, так и самый уклад жизни, присущий ему»¹. Таким образом, городская среда приобретает самостоятельный и саморегулирующий характер, организует креативное пространство городского сообщества, служит одним из источников его дальнейшего развития. Как отмечает Т. В. Паликова, «городская среда, возможно, в большей степени, чем традиция, обеспечивает социокультурную преемственность»². В этом качестве она тесно соприкасается с культурой и совместно формирует культурную среду города. Городская среда исторически формируется населением по мере развития городского хозяйства, социума, культуры, экономики. В тоже время она, включая в себя сложные физические и экологические характеристики, интенсивное информационное воздействие и многообразие социально-экономической структуры, оказывает существенное влияние на образ жизни городского сообщества,

его ментальность и повседневность. Следует отметить, что эта характеристика дополняет сложившееся в литературе понимание города как многофункционального организма. Функциональность городов позволяет определить их внешние характеристики, роль и место в урбанизационном пространстве страны, степень воздействия на сельскую округу. Однако эта характеристика ничего не говорит об уровне и степени развития самого города и городского общества, о внутренних процессах формирования городского образа жизни. Понятие «городская среда» в этом плане является более многомерной и содержательной характеристикой. Необходимо учитывать, что с одной стороны процесс формирования городской среды Сибири происходил более динамично, чем в России. Города здесь появились значительно позднее многих старорусских, но уже к середине XVIII в. такие города, как Тобольск, Томск, Тюмень, Енисейск, Красноярск, Иркутск догнали их по своему развитию, а по насыщенности экономических связей и инфраструктуры обошли. С другой стороны, в силу незавершенности горообразовательных процессов сибирская городская среда была более разнообразной и включала в себя не только официальные города, но и остроги, пригороды, слободы и заводские поселки.

Вопросы формирования и развития экономики городов Байкальской Сибири, количественного и социального анализа горожан и городского предпринимательства уже затрагивались нами в специальных исследованиях³. Настоящая работа продолжает дальнейшее изучение городской среды региона, обращая внимание на характеристику пространственно-архитектурного облика городов и внутренние социокультурные процессы.

Территориально исследование охватывает городское пространство южных районов Восточной Сибири. С точки зрения физической географии выбранный нами для исследования регион можно определить понятием Байкальская Сибирь, т. е. это территория, расположенная вокруг озера Байкал и получившая в географической науке определение Прибайкалье и Забайкалье. Впрочем, при всей важности географических параметров они не единственный критерий, позволяющий выделять отдельные территории в особый регион. В современной науке под регионом принято понимать формирующуюся в процессе исторического развития совокупность исторических областей, взаимосвязанных между собой в некую целостность в экономическом, политическом и культурном отношении. Выбранный нами в ка-

честве объекта изучения регион самым теснейшим образом связан с бассейном озера Байкал, игравшим важную коммуникативную, миграционную и хозяйственную роль в создании своеобразного территориально-экономического комплекса с центром в Иркутске. С административной точки зрения изучаемая территория составляла значительную часть сначала Иркутской провинции, а с 1764 г. самостоятельной губернии.

Хронологические рамки исследования включают более полутора столетий: XVIII – 1860-е гг. При всей условности хронологического деления исторического процесса нельзя не отметить, что в литературе последних лет появились мнения, что традиционное деление истории по векам, тем более круглым датам, не вполне корректно, когда речь идет о длительных исторических периодах. В этом контексте вполне логично согласиться с высказывавшимися в последнее время предложениями некоторых исследователей о рассмотрении отдельных исторических процессов в рамках понятия «долгого XVIII в.», продолжавшегося до 1860-х гг.⁴ Трактовка хронологии отечественной истории, предлагаемая этими авторами, конечно, не бесспорна, но она позволяет более точно определить степень изменений в рамках отдельного исторического периода. Особенно это важно для понимания тех изменений, которые происходили в городской структуре страны, начиная с первых городских реформ Петра I, на протяжении полутора столетий вплоть до начала реализации городской реформы 1870 г., завершившей преобразование феодального российского города в буржуазный.

Изучение проблем, связанных с развитием и деятельностью городов, их первостепенную ролью в экономическом и социокультурном развитии регионов, является одной из важнейших задач исторической науки. История сибирского города представляет интерес на разных этапах развития общества, особенно на стержневых моментах его истории. Говоря в целом о состоянии историографии городов России в период позднего феодализма, следует констатировать, что, несмотря на довольно обширную литературу, многие аспекты изучены крайне слабо, в том числе такие важнейшие методологические и конкретно-исторические проблемы, как определение и сущность позднефеодального города, основные факторы горообразовательного процесса, типология городов и их функции, формирование городского сообщества и его роль в становлении культурных и социальных процессов. Еще в меньшей степени изучены эти

вопросы применительно к историческому развитию сибирского позднефеодального города. Нельзя сказать, что эти проблемы не привлекали внимание сибирских историков, однако до сих пор решаются они на уровне отдельных городов или регионов. Многие аспекты формирования городской среды Сибири подняты даже в постановочном плане и далеко не всегда выходят на необходимый уровень обобщения.

Уже на начальном этапе изучения российского города среди различных топографических и географических описаний появлялись работы, в которых давалась некоторая характеристика состояния городских поселений, статистические данные о населении, городском хозяйстве, торговле. В этот период активно шел процесс накопления и осмысления разнообразной информации. Особенно активно вовлекалась в научное изучение Сибирь. Достоянием научной общественности становились результаты научных экспедиций и отчеты отдельных путешественников, где среди прочего уже были представлены описания некоторых сибирских городов, в том числе и Байкальской Сибири⁵. Сведения о сибирских городах приводились в географических словарях Ф. Полунина, Л. М. Максимовича, А. Щекатого, топографических описаниях Тобольского и Иркутского наместничества, в первых крупных исследованиях по истории Сибири Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера. Кроме общих описаний отдельных мест и городов России в конце XVIII в. были сделаны первые попытки осмысления некоторых процессов формирования городской среды, в первую очередь экономических ее составляющих. В 1780-х гг. появилось многотомное сочинение М. Д. Чулкова «Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах...», в котором содержится богатейший материал по общей экономической географии России.

Основой развития научных знаний, в том числе в сфере изучения городской среды, стал рост краеведческого изучения Сибири. Экономическое развитие сибирских городов, рост благосостояния и самостоятельности местного купечества, возникновение социокультурной инфраструктуры, – все это содействовало появлению новых морально-этических норм и ценностей в сибирском обществе, среди которых приоритет получают просвещение, собирание культурных ценностей, любовь к книге, благотворительная деятельность. В отличие от России носителями новых тенденций в сибирских городах были не дворяне, которых в регионе было совсем немного, а представители бур-

жуазных слоев городского общества и разночинской интеллигенции. Их объединял глубокий интерес к местной истории, географии, культуре. При этом идеологи сибирского возрождения в отличие от областников второй половины XIX в. воспринимали себя россиянами, а свою родину – неразрывной частью России. «Не надо воображать себе Сибирь, – писал Н. А. Полевой, – однообразною, дикою странюю. Она удивительно разнообразна климатом, местоположением, местностью... В гражданственности вы даже не заметите никакой перемены против России: Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск – это русские города. Широкой полосой нашей дороги пролегают до самого Иркутска русское образование, русский язык, русские нравы»⁶. Эту мысль позднее активно отстаивал в своих работах П. А. Словцов. Он подчеркивал, что «Сибирь, рассматриваемая в качестве области политической, есть не что иное, как часть России, передвинувшаяся за Урал своими нравами и поверьями»⁷.

Первые сибирские краеведы публиковали свои заметки и наблюдения в российских газетах и журналах, таких как «Казанские известия», «Северная пчела», «Сибирский вестник», «Московский телеграф» и др.⁸ В статьях представителей сибирской краеведческой мысли, во многом еще любительских и наивных, четко прослеживалась тенденция к формированию региональной идентичности у местного русского населения. Практически во всех исследованиях фиксируются региональные особенности, наложившие определенный отпечаток на жизнь сибирского населения. При этом экономические аспекты уже не являлись определяющими. Сибиряков все больше волновали вопросы нравственные, связанные с саморазвитием и особенностью формирования местного общества, культуры, менталитета.

Официальная историография этого периода не создала сколько-нибудь значительных исследований ни в плане постановки актуальных проблем, ни в привлечении серьезного фактического материала. Для его представителей была характерна описательность, уход к мелким, частным темам, неспособность и нежелание выйти за рамки официальных схем присоединения и освоения Сибири. В основном представителями его были местные чиновники, которые по долгу службы составляли описания вверенных им территорий. В. Г. Мирзоев метко охарактеризовал их труды «губернаторской историографией»⁹. К этой группе можно отнести работы енисейского губернатора А. П. Степанова, иркутских Н. В. Семивского, П. Н. Корнилова,

и близких к ним чиновников М. М. Геденштрома, А. Мартоса, И. Линка¹⁰. Несмотря на отмеченные недостатки, в этих работах содержатся интересные фрагменты наблюдений о развитии сибирских городов, в том числе Байкальской Сибири. В книге Мартоса, например, дается социально-экономическая характеристика городских поселений региона, приводится материал о социальном составе горожан, развитии местной торговли и промышленности. Интересный статистический материал об Иркутске приведен в книге Н. В. Семивского, впрочем, как показали дальнейшие исследования, весь этот материал был полностью заимствован у известного иркутского краеведа и статистика А. И. Лосева¹¹. Следует сказать, что последним было составлено несколько обстоятельнейших историко-экономических и статистических работ по Иркутской губернии, к сожалению, оставшихся неопубликованными. Тем не менее, его работы были широко известны современникам.

К официальному направлению примыкает ряд трудов по географии и статистики России, авторы которых в той или иной мере затрагивали сибирские сюжеты¹². В 1810 г. появилось первое общее статистическое описание Сибири, составленное М. Н. Баккаревичем. Оно преследовало чисто служебные цели – сбор сведений для предполагаемого преобразования управления Сибирью.

В первой половине XIX в. дальнейшее развитие получил буржуазный взгляд на историю Сибири. Он характеризовался отходом от чисто внешних описаний событий и более углубленным изучением внутренних процессов развития сибирской экономики и городского общества. Представителей этого направления из числа местной интеллигенции и купечества отличало обращение к наиболее актуальным проблемам современной им Сибири, заинтересованность в судьбах края, критика действий центральной и региональной власти. Наиболее ярко и комплексно новое видение регионального исторического процесса представлено в фундаментальном труде П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири». В отличие от официальных историографов он смог разглядеть в экономике Сибири ростки новых рыночных отношений, которые посчитал «похвальным направлением к составлению частных богатств»¹³. В его исследовании содержится описание основных сибирских городов, в том числе Енисейска, Красноярска, Иркутска и Якутска. Автор одним из первых определил общую схему построения социокультурного анализа городского пространства, включающую время и обстоя-

тельства основания, географическую среду и природу, численность, занятия и сословный состав жителей города, число зданий и особенности планировки и застройки, отличительные особенности городского образа жизни и городского пространства. Таким образом, его работу отличает стремление исследовать отдельные элементы городской среды и рассматривать город в качестве единого целого. Современники очень высоко оценили работы П. А. Словцова, особенно отмечая его сибирский патриотизм. Н. М. Ядринцев вообще считал, что это был «первый историк, у кого прорывалось первое теплое чувство к краю, кому стала понятна ее (Сибири – В. Ш.) судьба... Словцов не был сухим летописцем и историком Сибири. По его способу изложения видно, что это был человек с душой, патриот своей родины»¹⁴.

Различные стороны экономической и общественной жизни Байкальской Сибири были затронуты в статьях представителей местного купечества П. П. Баснина, Н. О. Трапезникова, А. М. Курбатова, И. А. Носкова и др.¹⁵ Ряд интересных работ был посвящен Забайкалью¹⁶. Несмотря на все слабости краеведческого подхода, в этих работах приведен значительный фактический материал, а некоторые наблюдения и характеристики не потеряли значение и до настоящего времени.

Событием в историографии XIX в. стало издание в 1854 г. капитального труда известного экономиста и статистика Ю. А. Гагемейстера¹⁷. Ценной составляющей его работы является использование значительного количества статистических данных, показывающих динамику роста городского населения, а также изменения в социальном составе горожан. Ему удалось затронуть практически все стороны хозяйственной деятельности русского населения Сибири. Широкий территориальный и хронологический охват, огромный статистический материал, сгруппированный в большое количество таблиц, стремление выйти за рамки описательного подхода, – все это выделяет труд Гагемейстера из массы посредственных работ официального направления.

В целом первая половина XIX в. имела определенные достижения в изучении дореформенного сибирского города. Был собран и частично опубликован богатейший фактический материал о формировании городской среды, включая архитектурное пространство, демографические процессы, образ жизни населения, повседневный характер деятельности и т. п. Большое значение имело становление сибирского краеведения, в поле зрения которого неизменно были процессы, происходившие в городах

региона. Вместе с тем, научное осмысление региональной городской специфики еще не вышло за рамки сбора и публикации фактического материала.

Следующий этап в изучении сибирского города проходил под влиянием процессов, связанных с реформами 1860–1870-х гг. и формированием новых социально-экономических, общественно-политических и ментальных структур, с одной стороны, и под знаком ведущих тенденций, происходивших в российской исторической науке, с другой. Господствующим направлением в официальной историографии российского города становится государственная школа. Ее представители абсолютизировали роль государства в появлении и развитии городов, опираясь на юридические аспекты. В их понимании город представлял собой искусственную конструкцию, созданную только для реализации административных функций. Пожалуй, наиболее обстоятельным исследованием стала двухтомная монография И. И. Дитяткина¹⁸. Она была написана с позиций либерального народничества и стала значительным явлением в историографии конца XIX в. Автор сосредоточил свое внимание на слабых сторонах городского развития России, подчеркивая бесправность и беспомощность городских сословий. Это, полагал автор, и являлось первостепенной причиной того, что города России находились в жалком положении, и большинство их ничем не отличалось от деревень. По мнению автора, в России не было активного, энергичного промышленного городского сословия и, следовательно, общественно-городской жизни, городских интересов, независимых от интересов общегосударственных.

Структуру городского самоуправления, социальный состав населения, анализ городского положения Екатерины II и его реализацию на местах изучал А. А. Кизеветтер¹⁹. Заслугой вышеперечисленных авторов являлась выделение юридического аспекта жизни русских городов как предмета научного исследования. При этом, вне поля их зрения остались аспекты экономического и культурного развития городов.

Из сибирских историков дань государственной школе отдал В. К. Андриевич, чьи работы основаны на законодательных актах и положениях. При этом автор основное внимание уделил внешней стороне событий, не затрагивая внутренних процессов, определявших формирование городской среды региона²⁰. Более интересной и информационной работой стал труд иркутского исследователя В. И. Вагина, посвященный деятельности сибир-

ского генерал-губернатора М. М. Сперанского²¹. Работу Вагина отличает широкое привлечение как архивного, так и актового материала. Причем он использовал не только документальные источники, но и воспоминания современников, дневники, переписку. Особую ценность представляют материалы об экономическом и общественном положении иркутского купечества, его роли в развитии городского социума и культуры. Работа Вагина, поставившая проблему государственного переустройства управления Сибирью и дальнейшего реформирования всех сфер экономической и общественной жизни, вызвала широкий общественный резонанс. Фактически впервые после записки декабриста В. И. Штейнгейля «Сибирские сатрапы» эти вопросы стали предметом специального обсуждения. В центре развернувшейся дискуссии стояли вопросы о характере социально-экономического развития края, роли и месте сибирской буржуазии в сибирском обществе. Против идеализации Вагиным иркутского купечества, стремления представить его как выразителя интересов всего населения в целом, выступили представители демократического лагеря С. С. Шашков и А. П. Щапов²². Анализируя иркутское общество начала XIX в., авторы пришли к выводу о значительном уровне его социального расслоения. По мнению Щапова в этот период ведущие позиции в сибирском обществе занимала «буржуазная олигархия довольно могущественной купеческой партии»²³. Столкновения купеческой элиты с местной властью, по их мнению, были вызваны борьбой за монопольное право контролировать городское сообщество.

Заметный вклад в изучение сибирского города XIX в. внесли представители областничества, близкие по своим взглядам к мелкобуржуазному направлению. Они признавали роль городских поселений как основной фактор развития сибирской общест-венности и культуры. «Города в Сибири, – писал Г. Н. Потанин, – это точки на общественном теле Сибири, которыми она воспринимает лучи света, идущие с Запада: в Сибири, вследствие отсутствия земских учреждений, деревня живет без интеллигенции. Поэтому вся умственная и культурная жизнь в Сибири ограничивается городами, в деревнях же сплошная умственная пустыня»²⁴. Интересна его попытка классификации сибирского города на буржуазный, бюрократический и смешанный, в котором присутствуют элементы того и другого. Ряд ярких характеристик городской жизни Сибири, особенностей ее экономического развития, роли предпринимательских кругов в

общественной и культурной жизни был представлен в работах видных деятелей сибирского областничества Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, П. М. Головачева²⁵.

На рубеже XIX–XX вв. было опубликовано несколько обобщающих работ, посвященных главному административно-экономическому центру региона Иркутску²⁶. Отдельные аспекты экономического и культурного состояния городов Байкальской Сибири представлены в статьях и очерках краеведов Н. С. Щукина, А. М. Серебренникова, В. В. Птицына и др.²⁷ Названными авторами, конечно, не исчерпывается круг дореволюционных исследователей, оставивших свой след в изучении тех или иных проблем сибирского города. Но большинство этих работ представляли собой достаточно поверхностные очерки экономической или общественно-культурной жизни отдельных городов Сибири, основанные на крайне узкой документальной базе и не имевшие глубокого анализа.

В заключении обзора дореволюционной историографии городов Байкальской Сибири необходимо отметить, что региональная историческая наука достигла в этот период серьезных успехов в изучении города и городского пространства: сумела накопить значительный фактический материал, определить объект исследования, выработать перспективные теоретико-методологические подходы. Однако преобладание географического, социально-экономического и историко-юридического подходов не позволило выделить городскую среду в качестве самостоятельного объекта исследования. В тоже время крупных комплексных исследований на последнем этапе дореволюционной историографии так и не появилось, что было связано с общим кризисом дореволюционной методологии и историографии.

Становление советской историографии происходило в борьбе со старой методологией, приемами и методами исторического исследования. В советской историографии можно выделить два периода: 1) 1920–1950-е гг. и 2) 1960–1980-е гг. Для первого периода было характерно снижение интереса к истории российской урбанизации, да и экономические сюжеты привлекались только для обоснования материальных предпосылок революции, критики самодержавия и основных эксплуататорских классов – дворянства и буржуазии. В тоже время 1920-е гг. стали временем расцвета советского краеведения, которое дало массу новых направлений, подходов, исторического материала для формирования отечественной науки. Отход от изучения

экономических аспектов городской жизни с лихвой компенсировался более пристальным вниманием к социальным и культурологическим проблемам российского города. Именно в этот период И. М. Гревсом был сформулирован комплексный подход к рассмотрению города как «своего рода цельного организма, который должно познавать в его индивидуальном развитии – от рождения через весь его рост до современного состояния»²⁸. И. М. Гревс и его ученик Н. П. Анциферов наметили и конкретные пути его изучения. В их работах был сформулирован подход к городской среде как целостной системе. «Только комплексный подход может привести к познанию города как социального организма», – писал Н. П. Анциферов²⁹. Совокупность всех сфер – экономической, политической, социальной, художественной, религиозной, рассмотренных в отдельности и единстве, составляет рисунок города, а его история должна быть наполнена людьми, её творящими, то есть изучаться «по следам его великих людей»³⁰. Методологически к ним был близок Н. К. Пиксанов, который поставил вопрос о роли провинции («культурных гнезд») в русской культуре. Он справедливо писал о необходимости «перестройки изложения истории русской культуры», в которой провинция наряду со столицами должна быть равноправным субъектом «общероссийского культурного процесса»³¹. По концепции Н. К. Пиксанова, именно в регионах находится свой пласт культуры, в частности «литературные гнезда», изучение которых необходимо включить в планы краеведной работы для последующего использования в описании истории в целом. Последователи школы И. М. Гревса выделяли понятие «культура города» в качестве целостного объекта исследования в отличие от уже набирающего силу отраслевого подхода, который разрывал единое социокультурное пространство города на отдельные «независимые» составляющие. Их подходы оказывали существенное влияние и на «историческую провинцию», в том числе на сибирских краеведов и исследователей. Во многом под воздействием школы Гревса сформировались взгляды М. А. Азадовского на сибирскую культуру и литературу³².

Разгром краеведения в начале 1930-х гг. во многом определил дальнейший кризис исторической науки, попавшей в жесткие и узкие рамки марксистской теории. Комплексный подход к исследованию культурной среды города был на многие десятилетия отброшен в сторону и только в настоящее время вновь взят на вооружение историками, социологами и философами. В

академической науке, интерес к истории дореформенного Сибири почти пропал, если не считать работ, посвященных коренным народам. Однако, сосредоточив основные усилия на решении данной проблемы, сибирская историческая наука вновь допустила заметный перекокс, ослабив внимание к хозяйственной деятельности и социокультурным процессам в среде русского населения региона. В эти годы, по мнению Д. Я. Резуна, утвердился взгляд на сибирский город, прежде всего, как на «на военно-административный форпост самодержавия и в связи с общей негативной оценкой русской буржуазии недооценивались и хозяйственные функции городов Сибири, не говоря уже о культурных и общественных»³³. В советской историографии вопросы предпринимательства и связанная с этим деятельность купечества вообще были вычеркнуты из исследовательской проблематики. Отдельные исследования не могли изменить ситуацию, да и представляли предпринимательство в ярко выраженном критическом свете³⁴. Забытыми оказался целый слой людей, с именами которых связано развитие сибирской экономики и городов, формирование сибирского социума, феномен сибирского меценатства и благотворительности.

В конце первого этапа в сибирской историографии появилось несколько монографических работ, отличающихся большей глубиной и оригинальностью изложения материала, выходящей за привычную трактовку сибирского города, распространенную в советской историографии. В обстоятельном исследовании Е. П. Силина были проанализированы процессы формирования русско-китайской торговли через Кяхту и роль внешнеторговых оборотов в становлении местных крупных капиталов³⁵. В работе приведено много фактического материала о становлении и развитии Кяхты и Троицкосавска, отличающихся насыщенной торговой и таможенной инфраструктурой. В книге В. Н. Шерстобоева наряду с подробным рассмотрением истории земледельческого освоения Илимского края в XVII–XVIII вв. приводился обширный материал о развитии промыслов, торговли и промышленности в этом районе Байкальской Сибири. Автор значительное место уделяет социальным и демографическим проблемам, дает описание городских и сельских поселений, монастырского хозяйства, поднимает социокультурные сюжеты. Много места уделяется проблеме соотношения центра и окраин, причем подчеркивается значительная хозяйственная и

административная самостоятельность последних на ранних этапах освоения сибирских территорий³⁶.

В этот же период появилась первая обобщающая работа по истории г. Иркутска³⁷. В обстоятельном исследовании Ф. А. Кудрявцева и Г. А. Вендриха дан прекрасный образец комплексного изучения городского хозяйства и быта. Несомненный интерес представляют сюжеты, посвященные анализу социального состава населения, развитию городской торговли и ремесла, становлению городского самоуправления и хозяйства, социокультурной инфраструктуры. Материалы о городах региона были широко представлены в неопубликованной диссертации историка «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX вв.»³⁸. Это исследование стало первым опытом комплексного изучения Байкальской Сибири в советской историографии. Проблемы сибирского города рассматривались Ф. А. Кудрявцевым и в последующих работах. Им были написаны соответствующие разделы во втором томе «Истории Сибири», в которых давалась характеристика основных путей сообщения, развития сибирского рынка и городов, превращение их в торговые и ремесленные центры. Истории городов Байкальской Сибири была посвящена одна из последних работ сибирского историка³⁹.

Новый этап советской историографии, начавшийся с конца 1950-х гг., характеризуется ростом числа теоретико-методологических исследований, расширением источниковой базы, созданием новых научных центров, а также определенным развитием и углублением проблематики исследований. Тон серьезному осмыслению проблем российского дореформенного города задала фундаментальная монография П. Г. Рындзюнского⁴⁰. В центре его исследования находились вопросы социально-экономического развития городов России, правовое положение городского населения, сопоставление отдельных прав и обязанностей городских сословий в первой половине XIX в. В дальнейших работах он конкретизировал свои положения, определяя город не столько экономической категорией, сколько социально-экономической «во всей ее полноте», включающей общественно-правовую, идеологическую и культурную сферы⁴¹. В сибирском городоведении этого времени подобных работ еще не было. Можно отметить лишь ряд изданий краеведческого характера об отдельных городах Забайкалья. Так, истории Улан-Удэ были посвящены работы Ф. М. Шулунова, Н. В. Кима, М. М. Шмулевича, Кяхте не-

большой очерк Р. Ф. Тугутова, о Нерчинске писали Е. Д. Петряев и Н. Д. Мурзин⁴². Из этих работ, пожалуй, можно выделить работу Н. В. Кима по истории Верхнеудинска. По сути это первая серьезная работа об этом забайкальском городе. Автор приводит значительный фактический материал, характеризующий экономическое и социокультурное развитие города в XIX в.

Наиболее серьезная попытка комплексно проанализировать развитие сибирского города в динамике была предпринята в многотомной «Истории Сибири», ставшей важным этапом в сибирской исторической науке. Во втором томе, посвященном дореформенному периоду, проблемы городов Сибири были выделены в самостоятельные разделы, которые подводили своеобразный итог проделанной работе и намечали новые ориентиры⁴³.

Закономерным итогом роста интереса к проблемам сибирской урбанизации стало оформление региональных научных центров. Одним из первых по времени стал Новосибирск. Усилиями таких исследователей, как О. Н. Вилков и Д. Я. Резун, в институте истории, филологии и философии СО АН СССР с середины 1970-х гг. начинают выходить тематические сборники статей по истории сибирского дореволюционного города, значение которых для развития сибирской урбанистики трудно переоценить⁴⁴. Они не только определили новые подходы и направления, открыли неизвестные страницы сибирского города, но, прежде всего, объединили вокруг себя историков – городоведов. Подобные же задачи преследовали научные конференции, достаточно регулярно проводившиеся в Новосибирске с 1980-х гг. Итогом их стало появление нескольких сборников, посвященных проблемам историографии, демографии сибирского населения, торговым операциям, взаимодействию города и деревни⁴⁵. Подавляющее большинство статей было посвящено общим и частным проблемам сибирского города XVII–XVIII в.

В советской историографии 1970–1980-х гг. кроме традиционных социально-экономических сюжетов стали появляться новые, расширяющие восприятие городской среды в целом. Монография В. А. Нардовой была посвящена проблемам городского самоуправления пореформенной России⁴⁶. На новом фактическом материале и методологии автор проанализировал основные законодательные акты в отношении городов и практику их реализации на местах. Большое внимание была уделено взаимоотношению власти с органами городского самоуправления и другими общественными организациями. Наблюдается

более пристальное внимание к социокультурным процессам в городской среде. Этим проблемам был посвящен ряд работ сибирских историков и этнографов, в том числе обобщающие исследования А. Н. Копылова⁴⁷.

Повседневная жизнь, быт, традиционные обряды и праздники – эти и подобные аспекты жизнедеятельности горожан стали предметом изучения этнографов⁴⁸. Основателем историко-этнографического подхода к изучению городского населения стал М. Г. Рабинович, перу которого принадлежали серьезные исследования по истории материальной культуры и образу жизни населения феодального города⁴⁹. В качестве самостоятельного объекта изучения выделилось историко-архитектурное направление, представители которого поднимали вопросы строительства, планировки и архитектуры городской среды. В работах Б. И. Оглы, В. И. Кочадамова, Л. К. Минерта, А. Н. Копылова поднимались различные аспекты развития городской застройки, планировочных решений, характеристики отдельных памятников архитектуры, но, в тоже время, почти не затрагивались социально-экономические сюжеты сибирского градостроительства⁵⁰.

Подводя итоги историографическому обзору советского периода, следует отметить его неоднозначность и значительные перекосы, связанные с определенными этапами развития страны и марксистско-ленинской идеологии. Советскими историками была проделана огромная работа по выявлению новых источников, их систематизации и выделению приоритетных направлений исследования. Наиболее плодотворным с точки зрения изучения процессов формирования городской среды был второй период, особенно 1970–1980-е гг. Они во многом наметили и определили дальнейшие пути исследования и основные проблемы современного городоведения.

В начале 1990-х гг. происходят радикальные перемены в истории нашего государства. Использование новых приемов и методик, пришедших из западной общественной науки не только позволило по-иному взглянуть на традиционные для отечественной историографии проблемы, но и выдвинуло ряд новых направлений и сюжетов, которые в настоящее время активно осваиваются исследователями: историческая демография, история повседневности, макро и микроистория, историческая социология, антропология и психология, гендерная история и ряд других. Переход от изучения преимущественно общественных процессов и структур к антропологическому взгляду на историю, в

центре которого находится человек во всем многообразии своего бытия, позволил выделить в качестве новых аспектов городской среды повседневный образ жизни населения, менталитет различных социальных слоев города, информационное и коммуникативное пространство города и социокультурные процессы.

Первой крупной работой нового периода в отечественной урбанистике стала монография Б. Н. Миронова, в которой впервые был представлен комплексный анализ развития дореформенного русского города⁵¹. В этой работе впервые был использован не только марксистский подход, но и современные зарубежные подходы к истории города – цивилизационный и теория модернизации. Вслед за П. Г. Рынзюнским автор попытался дать свою классификацию городских поселений на основе многофункциональности проявления городской жизни. Большой интерес представляет его попытка определить в исторической динамике уровень развития городской жизни России в дореформенный период, показать системность городской сети, которая, по мнению автора, содействовала превращению большинства городских поселений в торгово-промышленные центры и объединению их в рамках единого национального рынка⁵². Дальнейшее развитие отмеченная тематика получила в его фундаментальном труде, посвященном социальной истории России на протяжении более чем двух столетий⁵³. На огромном и разнообразном материале представлено развитие основных сфер страны в период модернизации. Среди прочего много место уделено месту и роли города в этом процессе, становлению гражданского общества, менталитету сословий как важному фактору социальной динамики.

В постперестроечное время заметные изменения произошли в изучении городского культурного пространства. При этом обнаружилось смещение фокуса исследований с истории социальных институтов культуры на социокультурные процессы, протекавшие в разных социальных средах и в отдельных регионах. Л. В. Кошман, отмечала, что приоритетным становится рассмотрение культуры «не как суммы ее отдельных отраслей, а как функционирующей системы, через выработанный механизм ее распространения – школу, книгу, культурно-просветительные учреждения, информационную коммуникацию и т. д.»⁵⁴. Эти перемены отчетливо проявились в «Очерках русской культуры», издаваемых МГУ. Если в томах, охватывающих XVIII в. традиционно превалировал отраслевой подход изложения материала, то в томах по XIX в. отраслевой подход сочетается с попытками

рассмотреть культуру как целостность, использовать системно-функциональный подход. Город как полифункциональный организм, создающий геокультурное пространство, представлен в недавно изданной монографии Л. В. Кошман⁵⁵. В монографии активно используется сравнительно новый для изучения истории культуры системно-функциональный подход, который предполагает изучение общественно-культурной среды, определяющей наполненность и многообразие духовно-интеллектуальной жизни. На материалах Сибири подобный подход был использован А. И. Куприяновым⁵⁶. Автор сосредоточил внимание на сословном характере городского общества, определил вклад каждого в развитие городского образа жизни. Впервые в сибирской историографии он смог раскрыть деятельность общественных организаций, конфессиональные аспекты городского быта, факторы формирования городского менталитета. Культура рассматривается им как коммуникативное пространство, которое формируется культурной средой города, с одной стороны, и социальными практиками горожан, с другой. Особенностью провинциального города, по его мнению, являлось одновременное сосуществование различных пластов традиционной и модернизированной культуры.

Одним из центров сибирского городоведения в последние десятилетия заслуженно стал Барнаул. Усилиями В. А. Скубневского, Ю. М. Гончарова, А. В. Старцева, В. Н. Разгона, А. Р. Ивонина, Т. К. Щегловой и других исследователей была создана историческая школа сибирской урбанистики и исследованы различные аспекты городской среды Западной Сибири и Алтая. В центре интересов Ю. М. Гончарова находятся история сибирского предпринимательства, развитие городов Сибири в период капитализма, социальная структура горожан. Интересны его обращения к проблемам повседневной жизни и бытовой культуры горожан, истории городской семьи, гендерным аспектам сибирского общества⁵⁷. Заметным вкладом в развитие сибирского городоведения стали исследования А. Р. Ивонина⁵⁸. Он первым в сибирской историографии предпринял комплексное изучение городских поселений Западной Сибири. В его последнем исследовании основное внимание привлечено к изучению взаимосвязи развития городского пространства и городских функций, а также вопросов благоустройства.

Изучение проблем формирования городской среды продолжается в Иркутске. Новая коллективная монография по его

истории стала первым комплексным исследованием по истории сибирского города, отвечавшим современному научному подходу и историческим традициям⁵⁹. Нельзя не отметить появление в Иркутске межвузовского сборника «Сибирский город XVIII–XX веков»⁶⁰. Заметным вкладом в историческую урбанистику Байкальской Сибири дореформенного периода стали работы С. В. Евдокимовой, В. П. Шахерова, А. Р. Артемьева⁶¹. В исследовании С. В. Евдокимовой рассмотрено возникновение и развитие городов Забайкалья, проанализировано их экономическое развитие, структура населения и специфика социокультурной среды⁶². Вопросы культурного развития городов Забайкалья привлекли внимание Т. В. Паликовой⁶³. Отдельно следует остановиться на ее последней работе, посвященной социально-экономической и культурной среде забайкальских городов второй половины XIX – начала XX вв.⁶⁴ Работа эта хронологически не связана с нашим периодом, но интересна как первая попытка комплексно представить городскую среду Забайкалья, сосредоточив внимание на структуре и особенностях городского экономического и социокультурного развития.

При изучении проблем позднефеодального города невозможно обойтись без характеристики демографических процессов. Определенный вклад в их освещение внесли исследования известных демографов В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, проанализировавших общее состояние и динамику численности городского населения Сибири, миграционные процессы, соотношение естественного и механического прироста⁶⁵. В дальнейшем исследователи не отваживались на столь широкие обобщения, ограничиваясь рассмотрением демографических процессов на примере определенных регионов или городов. Так, на материалах Восточной Сибири построено исследование В. В. Воробьева, где дана количественная характеристика городского населения, социальный состав, определены главные факторы формирования, размещения и миграции⁶⁶. Однако проблема формирования населения рассматривалась им с точки зрения географа, что обусловило некоторые слабости при освещении социально-экономических процессов.

В последние годы интерес к демографическим проблемам сибирского города заметно возрос. И все же данная проблематика нуждается в дальнейших исследованиях. Особенно слабо изучены вопросы социального состава сибирского города, которые тесно связаны с такой методологически важной проблемой,

как формирование новой классовой структуры. Исследования роли и места сибирского купечества, городских слоев только начинается. Отдельные аспекты сословно-классовой структуры городов Байкальской Сибири поднимали в своих работах Л. А. Солопий, В. П. Шахеров и др.⁶⁷

Изменения, происходящие в стране, привлекли внимание специалистов и общества к истории сибирского предпринимательства. Изучение формирования капиталов, роли купечества в городском обществе, взаимоотношение с государством и другими социальными слоями стало заметным явлением в сибирской урбанистике. Особое значение для данной темы имеют региональные особенности предпринимательства, непосредственно связанные с характером территории, природных ресурсов, спецификой экономических и общественных процессов. Исследования сибирских историков последних лет значительно расширили представления о купечестве региона, его месте в структуре формирующегося общероссийского рынка, роли в экономической и общественной жизни сибирского города, культурно-нравственных ориентирах. Проблемы численности купечества, особенности его семейного положения привлекали внимание Е. А. Зуевой и Ю. М. Гончарова⁶⁸. Первым обобщающим исследованием по истории формирования и хозяйственной деятельности сибирского купечества в XVIII – первой половине XIX в. стала монография В. Н. Разгона⁶⁹. На основе значительного комплекса источников автор смог показать, как происходило зарождение в недрах феодальной экономики предпринимательской среды нового типа, соответствующей процессам модернизационного развития страны. Заметное место уделено выявлению ментальных особенностей сибирского купечества, возникновение в их среде новых ценностных ориентаций и установок.

В середине 1990-х гг. новосибирскому историку Д. Я. Резуну удалось скоординировать усилия сибирских исследователей по изучению истории предпринимательства и купечества, сплотив их в творческий коллектив 4-томной «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции в Сибири»⁷⁰. Издание энциклопедии заметно активизировало процесс изучения роли и места сибирского купечества в развитии городской среды. Ценные наблюдения о предпринимательстве и предпринимателях Байкальской Сибири представлены в работах и диссертационных исследованиях Е. В. Комлевой, В. П. Шахерова, Е. Г. Швеца, И. А. Шукиной, Н. И. Гавриловой, Л. В. Кальминой и

О. Э. Мишаковой⁷¹. Целый ряд исследователей обратился к изучению отдельных купеческих родов Сибири⁷². Пожалуй, наиболее интересным и комплексным примером данного направления стала обстоятельная работа, посвященная династии купцов Басниных⁷³.

Внимание исследователей привлекают также проблемы становления буржуазного менталитета, особенности социально-психологической характеристики купечества, их участие в общественной и культурной жизни. Проблему эту поставила в свое время еще М. М. Громыко⁷⁴. Но только в последнее время можно говорить об определенных успехах в ее освещении⁷⁵. Исследования последних лет проявили заметный интерес к купеческой благотворительности и меценатству. В ряде работ и статей сибирских историков определялись причины и характер благотворительности, ее роли в социализации городского общества и самих предпринимателей, давались характеристики наиболее известным меценатам⁷⁶.

Тесно с социальными вопросами связана проблема управления и самоуправления сибирского города. Впервые эти сюжеты были поставлены в многотомной «Истории Сибири». Дальнейшее изучение проблемы связано с именами двух сибирских исследователей Л. С. Рафиенко и В. В. Рабцевич. В ряде работ первой затрагивались вопросы развития городского законодательства и его реализация в Сибири XVIII в., роли и месте посадской общины, деятельности выборных городских органов самоуправления⁷⁷. Но наиболее значительный вклад внесли исследования В. В. Рабцевич и, прежде всего, ее монография, посвященная месту сибирского города в дореформенной системе управления⁷⁸. Наиболее серьезная попытка обобщить традиции общественного самоуправления в Сибири была предпринята в коллективной монографии «История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века», изданной под редакцией известного сибиреведа М. В. Шиловского⁷⁹.

На материалах Байкальской Сибири проблемы городского самоуправления рассматривались в работах С. В. Евдокимовой и В. П. Шахерова, а также в коллективном труде по истории Иркутской городской думы⁸⁰. К сожалению, серьезных исследований в этом направлении по Байкальской Сибири нет. В какой-то степени этот недостаток компенсирует объемная статья Н. И. Гавриловой, всесторонне рассматривающая избирательную процедуру, состав избирателей и гласных муниципальных органов Иркутской губернии во второй половине XIX в.⁸¹ Поднимались эти сюжеты в работах И. Ю. Замулы и Т. В. Паликовой⁸².

В период перехода от феодализма к капитализму город становится средой распространения новых явлений общественно-культурной жизни, связанных с утверждением буржуазной по своей ментальности культуры, основанной на началах светскости и рационализма. Для новейшей исторической литературы характерен более обостренный интерес к различным сторонам духовной жизни населения городов Сибири: развитию системы просвещения, распространения книги и литературы в крае, другим учреждениям культуры. Несмотря на сравнительно большую литературу, посвященную социокультурным проблемам позднефеодального города, говорить о позитивных сдвигах в изучении данной проблемы достаточно сложно. Прежде всего, необходимо констатировать почти полное отсутствие обобщающих работ. Единственной такой работой является монография А. Н. Копылова, изданная в начале 1970-х гг.⁸³

К изучению процессов культурного развития сибирского города обращались не только историки. Участие в этих исследованиях историков архитектуры, искусствоведов, этнографов, филологов, специалистов библиотечного дела позволило расширить круг изучаемых проблем, наполнить их новым фактическим материалом и осмыслением. Историко-архитектурное направление в сибирской урбанистике позволило определить своеобразие сибирского градостроительства, его стилевые направления. Материалы о сибирской городской архитектуре регулярно печатались в сборниках «Города Сибири». Ряд сборников был посвящен проблемам сохранения, реконструкции и изучения градостроительного наследия прошлого, его включения в материальную и духовную культуру современного города⁸⁴. Кроме того, в разных регионах Сибири издавались труды о местных памятниках истории и культуры⁸⁵.

В работах последних лет явно делается акцент на значимость воздействия социально-экономических и общественно-политических процессов на общественную жизнь городов и их культурно-бытовое развитие. Неслучайно поэтому в современном городоведении одной из актуальных проблем является характеристика городского образа жизни, изучение складывания особого типа личности, отличающейся большей мобильностью, инициативой, предприимчивостью, кругозором. Именно создание и распространение специфического городского уклада жизни, городского менталитета считается многими специалистами основным содержанием процесса горообразования.

Между тем, эта стержневая проблема едва обозначена в сибирской историографии. Расширение тематики исследовательских проектов за счёт ранее слабо изученной повседневности городов привело к новому взгляду на достаточно традиционные научные направления. Интересным опытом стало издание тематического сборника, посвященного сибирской повседневности⁸⁶. Интерес к подобной тематике растет, но полный и обстоятельный анализ повседневного образа жизни, являющегося крайне сложным социальным феноменом, представляет серьезные трудности для проведения конкретно-исторических исследований. Одной из первых работ подобного типа стало исследование Ю. М. Гончарова, посвященное бытовой культуре горожан Сибири в период капитализма⁸⁷. Несомненным достоинством работы кроме постановки проблемы является привлечение широкого круга источников, прежде всего личного происхождения, а также стремление связать микроисторический уровень городской жизни с макроисторическими процессами, влияющими на развитие городской среды.

Еще одной интересной работой подобного направления стала монография Е. А. Дегальцевой, впервые в отечественной историографии на основе анализа широкого круга разноплановых источников предпринявшей попытку изучения специфики повседневной жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в⁸⁸. Автор комплексно рассмотрел ментальную и материальную стороны обыденной жизни городского населения, дал анализ различных аспектов повседневности. Одним из важнейших компонентов формирования городской повседневной жизни является информационное поле, способы передачи информации, коммуникативные каналы и взаимодействия. Это тема до недавнего времени вообще не рассматривалась как самостоятельное направление в историческом исследовании. Считалось, что информационная среда появляется только в XX в. Между тем, как показал в одной из своих последних статей Д. Я. Резун, и у первых сибиряков был свой информационный мир⁸⁹.

Одним из новейших направлений исторического городоведения является изучение ментальности горожан. Впрочем, некоторые авторы предпочитают оперировать другими более традиционными понятиями – «психология» и «социальная психология». Разделы о ментальности горожан стали важной частью исследований последних лет, посвященных купечеству. Так, В. Н. Разгон в своей монографии останавливается на предпри-

нимательской ментальности купцов и выделяет социально-психологические типы предпринимателей. Автор справедливо пишет, что содержание и сущностные черты купеческого предпринимательства определялись не только «экономическими и политическими условиями, но и системой материальных и духовных ценностей, интересов и потребностей купечества, определявших его социально-психологический облик, а также его мировоззрением и строем мышления», на который влияли как реалии времени, так и обычаи и традиции, предшествующего периода. По мнению В. Н. Разгона, специфические черты ментальности определялись положением, «которое занимало купечество в системе феодального общества и выполнявшимся им экономическими функциями»⁹⁰.

В современной сибирской историографии наблюдается подход к городу как к многофункциональному организму в социально-экономической структуре общества, что позволяет раскрыть его новые характеристики и аспекты. Процесс исторического познания неисчерпаем, поэтому расширение проблематики и новых подходов ведет к выявлению все новых граней городской среды. В тоже время, историографический анализ позволяет сделать вывод, что проблема формирования городской среды Сибири в целом, и ее отдельных территорий, таких как изучаемый нами регион, несмотря на определенные результаты, еще не стала приоритетным научным направлением. Многие ее аспекты требуют освещения или переосмысления, а сама тема далеко не исчерпана и до сих пор не получила комплексного научного отображения. Отмеченные нами пробелы и некоторые спорные, нерешенные вопросы сами по себе являются показателем такого развития, так как могут возникать лишь в процессе более углубленного изучения этой большой и сложной темы. На современном этапе возникает необходимость выхода на качественно новый уровень решения городоведческих проблем, который сопровождался бы появлением работ монографического характера.

Глава 1

ГОРОДА БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

1.1. Формирование и структура городских поселений Байкальской Сибири

Официальная статистика относила к городам только административные центры губерний и уездов или являвшиеся таковыми в прошлом. Многие из них ни по числу жителей, характеру их занятий, ни по экономическим параметрам не соответствовали понятию «город». В то же время в стране было значительное количество населенных пунктов с достаточным количеством жителей, развитой торговлей и промышленностью, которые причислялись к сельским или иным поселениям. Так, в Сибири на правах города существовали остроги с посадским населением, пригороды, подгородные слободы, горнозаводские промышленные поселения. Они отличались более сложной, чем сельские поселения, социальной структурой своих жителей и вместе с крупными городскими поселениями играли важную роль в формировании и реализации товарно-денежных отношений. Все эти поселения были не только тесно связаны с окружающей их сельской округой, но и являлись важным звеном в межлокальных хозяйственных связях крупных городов и территорий в целом, поэтому «около крупнейших экономических городских центров быстро вырастают вспомогательные, более или менее значительные города»¹. Более того, в тех территориях, где город только формировался или был слабым, эти малые города и поселения брали на себя выполнение хозяйственных функций, формируя экономическую иерархию поселений в рамках существующего регионального рынка. Ибо, как отмечал Ф. Бродель, «не было ни одного города, ни одного городишки, у которого не было бы своих деревень, своего подчиненного клочка сельской жизни, который бы не навязывал своей округе своего рынка, пользование своими лавками, своими мерами и весами, своими ростовщиками, своими законниками и даже развлечениями»².

Кроме того, сибирские города находились в значительном территориальном отрыве друг от друга, что затрудняло не только экономическое, но даже личностное общение горожан. Еще иркутский губернатор начала XIX в. А. М. Корнилов писал о необходимости радикального увеличения городских поселений в крае. «Ныне города в Сибири так редки, что в самых населеннейших местах один от другого отстает от 250 до 500 верст. Какое неудобство, какое затруднение предстоит крестьянам того края на торжищах их сбывать свои продукты! На сколько времени должен он оставить дом свой! Сколько времени потеряет он в одних проездах!»³. Поэтому остроги и поселки, даже самые малые, наполняли сельскую округу «городским сознанием» и отчасти возмещали недостаток городов в регионе.

Основная часть городских поселений Байкальской Сибири возникла в ходе присоединения и освоения территории Восточной Сибири в середине и второй половине XVII в. Многие из них появились вначале как ясачные зимовья или острожки, выполняя на первом этапе своего становления чисто военно-административные задачи, заключающиеся в сборе ясака с коренного населения и охране подведомственных и пограничных территорий. Постепенное превращение таких крепостных сооружений в крупные остроги, а затем в города свидетельствовало об умело выбранном месте, жизнеспособности поселения, формировании вокруг него устойчивых хозяйственных связей. Дальнейшее их развитие было теснейшим образом связано со спецификой социально-экономических, общественных и культурно-бытовых процессов, ролью и местом в истории края. Различной была судьба городских поселений Байкальской Сибири. Одни рано оформились как значительные административные и торговые центры локальных территорий (Верхнеудинск, Нерчинск), другие выдвинулись в ряд крупнейших городов Сибири (Иркутск) или получили даже общероссийское значение (Троицкосавск с Кяхтой). Большинство же городов региона оставались небольшими пунктами уездного управления и транзитной торговли (Киренск, Нижнеудинск, Баргузин). Некоторые из них лишь короткое время числились городами (Балаганск, Верхоленск, Сретенск, Доронинск), другие знали в своей жизни лучшие времена, но постепенно превратились в сельские поселения (Илимск, Селенгинск).

В конце XVIII в. на территории Байкальской Сибири размещалось 11 городов с общим числом жителей до 17 тыс. человек⁴.

К 1830-м гг. численность городского населения возросла в 1,5 раза и достигла 26,2 тыс. человек. Наиболее крупным административным и торгово-промышленным центром в течение всего периода оставался Иркутск. В нем проживало две трети всего городского населения региона. В губернском центре было сконцентрировано более 60 % купечества и мещанства, 83,5 % цеховых ремесленников⁵. В течение XIX в. наблюдался стабильный рост численности городского населения Иркутска. Если в 1833 г. в нем насчитывалось чуть более 16 тыс. жителей, то уже к 1864 г. их количество выросло до 26,5 тыс. человек⁶.

Большое значение для развития горообразование процессов Байкальской Сибири имело социально-экономическое развитие Иркутска. Счастливым обстоятельством в судьбах Иркутска было то, что здесь административные преобразования удачно сопутствовали наметившимся тенденциям городского развития: в 1682 г. Иркутск становится центром самостоятельного воеводства, в 1686 г. он утверждается в звании «города», в 1722 г. становится провинциальным, с 1764 г. – губернским городом, а после реформ М. М. Сперанского центром крупнейшего Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В результате в Иркутске сложилось не только многочисленное предпринимательское население, но и довольно значительный слой дворянства, чиновничества и военных, которые своими запросами и потребностями еще в большей степени способствовали разнообразию городской жизни⁷.

Наиболее крупными городами Забайкалья были Верхнеудинск и Селенгинск. Объединяло их то, что они располагались на берегах одной и той же реки и были тесно связаны торговыми отношениями с Монголией и Китаем. Пока существовала караванная торговля с Китаем, центром которой был Селенгинск, город был на подъеме. Здесь находилась резиденция воеводы, при котором действовали канцелярия пограничных дел, таможенное управление, военные и артиллерийская команды. Долгое время военных здесь было даже больше, чем гражданского населения. Городской магистрат Селенгинска управлял делами подведомственных ему жителей Верхнеудинска и Кяхты. С отменой караванной торговли и переносом всех обменных операций в Кяхту, Селенгинск постепенно теряет роль экономического центра Забайкалья, уступив Верхнеудинску в 1783 г. главенство и в административных делах. На развитии города

сказалось также его неудачное местоположение на низком и песчаном месте, постоянно затапливаемом разливами реки. «Невозможно выбрать худшего местоположения как сие», – отметил в своих записках англичанин Дж. Белл, проехавший через Селенгинск в мае 1720 г.⁸ Довершили упадок города два страшных пожара 1780 г., уничтоживших почти все постройки⁹. Несмотря на то, что город удалось в основном восстановить, даже построить новый каменный собор и гостиный двор, в нем уже не было «видно ни благородства, ни достатка».

В 1822 г. он был переведен в разряд «заштатных» городов Верхнеудинского уезда. Почти всю первую треть XIX в. обсуждался вопрос о переносе города на левый берег Селенги. Пока шла переписка, новое наводнение 1838 г. привело к значительным разрушениям. По официальным сведениям, вода «некоторые дома засыпала до половины песком, другие разрушила и опустошила почти весь город»¹⁰. В октябре 1840 г. последовало, наконец, распоряжение Сената о переносе Селенгинска на новое место в урочище Тоенское.

Верхнеудинск же, напротив, постепенно становился главным торговым центром Забайкалья, направляя товаропотоки как в верховья Селенги, так и по Уде в Восточное Забайкалье. Возвышение его было во многом обусловлено выгодным географическим местоположением: город расположился на р. Уде в таком месте, что ни один караван, идущий с Байкала в Даурию или наоборот, не мог его обойти; причем соседние города находились примерно в равном расстоянии от него – до Иркутска 295, до Нерчинска 665, до Селенгинска 110, до Кяхты 203, до Баргузина 308, до Доронинска 554 версты¹¹. В 1768 г. в городе была учреждена ежегодная ярмарка, которая сыграла значительную роль в формировании торговых связей региона. С 1783 г. Верхнеудинск приобретает статус уездного центра. С этого времени начинается его быстрый рост. Уже к 1805 г. численность жителей возросла в три раза и продолжала расти. Торговый характер Верхнеудинска подчеркивал даже герб, утвержденный в 1790 г. На нем были изображены жезл Меркурия и рог изобилия «в знак того, что в сем городе производится знатный торг и условия о торге»¹².

В отличие от других городских центров Байкальской Сибири, выросших в основном из острогов, появление Кяхты было вызвано необходимостью упорядочить русско-китайскую тор-

говлю и привести ее в соответствие с международными договорами. В июне 1727 г. в пустынной широкой долине небольшой речушки Кяхты была заложена крепость Ново-Троицкая. Затем в четырех верстах от нее была основана торговая слобода Кяхта. Торговля наложила заметный отпечаток на застройку и характер домостроения в Троицкосавской крепости и Кяхтинской слободе. Фактически они представляли собой единое городское пространство. В 1805 г. Троицкосавск получает статус города и здесь формируется основная городская инфраструктура. После того как с 1809 г. в Кяхтинской слободе было запрещено проживать всем жителям, за исключением купечества, непосредственно участвующим в торговых операциях, она превращается в элитный пригород города, застроенный добротными купеческими особняками, в том числе и каменными. Следует отметить, что благосостояние жителей и самого города всецело зависело от состояния торговых дел на границе. Эта взаимосвязь, несомненно, сказывалась на внешнем облике города и слободы. Как отмечали современники, трудно было не заметить, «что от многомиллионных оборотов на границе немало рублей перепадает и горожанам»¹³. В 1829 г. в Троицкосавске насчитывалось 4054 жителя и 542 дома, а в Кяхтинской слободе – 326 человек и 82 здания¹⁴.

В середине XIX в. Троицкосавск и Кяхта фактически составили своеобразную агломерацию, объединенную одним экономическим пространством и задачами. С 1851 г. они и административно были сведены в единое Кяхтинское градоначальство. К этому времени в Троицкосавске проживало 5,8 тыс. жителей и еще 594 человек в Кяхтинской слободе. Город отличала насыщенная торговая инфраструктура, включавшая два деревянных и два каменных гостиных двора, в которых насчитывалось 155 лавок, хлебный, сенной и «съестной» рынки, купеческие лавки и магазины. Словом, сам вид города и его роль в развитии русско-китайских торговых отношениях вполне отвечали утвержденному в 1846 г. гербу Троицкосавска в виде рога изобилия, из которого сыпались золотые монеты. По удельному весу купечества Кяхта была самым торгующим городом не только Сибири, но и России. В 1850-х гг. торговый оборот градоначальства составлял более 30 млн руб. в год. Здесь официально было зарегистрировано 58 торговых фирм¹⁵. С переносом таможни в Иркутск в 1861 г. и изменением самого хода торговли России и Китая было упразднено особое управление Троицкосавском. Город

вместе с Кяхтинской слободой вошел в состав Забайкальской области и был передан под ведение областного начальства, как и другие города края.

Самый восточный город Байкальской Сибири Нерчинск, бывший когда-то воротами в русскую Даурию, переживал в XVIII в. не лучшие времена. Его былая слава и роль главного центра русско-китайского торгового обмена осталась в прошлом столетии. Уже к 1726 г. острог обветшал, а часть крепостных сооружений была унесена водой во время частых разливов р. Нерчи. Г. Ф. Миллер в 1735 г. отмечал, что крепость «... большей частью сгнила и развалилась и совершенно не в состоянии служить городу защитой при вражеском нападении»¹⁶. Вне крепости находились две церкви – каменная Троицкая и деревянная Воскресенская, городская ратуша, таможня с купеческими лавками и 145 жилых дворов. Некоторое оживление городской жизни в Нерчинске происходит в середине XVIII в., когда он становится местом пребывания секретной Нерчинской экспедиции, целью которой было выяснение возможностей плавания по Амуру для снабжения морских портов на Тихом океане. В это время были восстановлены крепостные сооружения и открыта навигационная школа. С упразднением экспедиции город снова захирел. На его положении негативно сказалось образование в эти годы Нерчинского горного округа, принадлежавшего Кабинету. В 1765 г. по указу Екатерины все крестьянское население Восточного Забайкалья было приписано к Нерчинским заводам, что практически остановило переход какой-либо его части в городское сословие¹⁷.

Развитие города осложнялось постоянными разливами реки, что приводило к проседанию почвы, разрушению и порче домов. Местные власти неоднократно ставили вопрос о переносе Нерчинска на другое место. Наконец в 1805 г. было получено разрешение на перенос, и с 1812 г. начинается его официальное существование на новом месте. Уже к 1830 гг. в новом городе проживало до 3,8 тыс. обывателей и насчитывалось 459 строений, из которых каменными были лишь одна церковь, гостинный двор да пять частных зданий¹⁸. Старый город к этому времени совсем запустел. Здесь оставалось всего несколько домов, да старая полуразвалившаяся каменная церковь.

Расположенный на окраине Иркутской губернии, вдали от оживленных торговых путей, Нерчинск развивался крайне мед-

ленно. Заметным событием в жизни города стало строительство на средства купцов и мещан в 1845 г. нового каменного гостиного двора «приятной архитектуры». Открытие его сопровождалось пышными торжествами, закончившимися китайским фейерверком. Некоторое оживление экономической и общественной жизни в Нерчинске происходит в конце 1840-х гг. в связи с присоединением к России Амурского бассейна. Став своеобразными воротами на Амур, город даже пытался претендовать на статус столицы Забайкалья. Но и здесь сыграло свою роль неудачное местоположение. С 1851 г. центром Забайкальской области была определена Чита, а роль перевалочной базы снабжения и колонизации новых территорий на Амуре отошла к Сретенской станции. Случай с Читой – яркий пример бюрократического решения вопроса. Несмотря на то, что в Забайкалье находились такие города, как Верхнеудинск и Нерчинск, имевшие достаточно развитую городскую инфраструктуру и экономику, губернская власть остановила свой выбор на Чите, которая была всего лишь крупным волостным центром, но географически находилась почти в центре Забайкалья. Решение свое забайкальские власти объясняли очень просто и в то же время показательно, считая, что «экономическое значение известного пункта и удобство его, как административного центра, далеко не одно и то же»¹⁹.

С приданием Чите статуса областного центра начинается рост ее как города. Уже в 1850 г. сюда из Красноярска был переведен сибирский линейный батальон, а с открытием области созданы административные органы управления. Для привлечения податного городского населения в новый областной центр Чите были дарованы льготы в платеже податей и повинностей на 10 лет. В течение трех лет жителей вообще освобождали от налогов, а в последующие годы устанавливали половинный оклад. В результате, к концу XIX в. население города возросло в 17 раз и составило 11,5 тыс. жителей²⁰.

Одно из самых ранних городских поселений – Илимский острог – возникло на севере Байкальской Сибири в районе Ленского волока в середине XVII в. В течение столетия Илимск выполнял роль транспортного узла, через который шли основные грузопотоки и переселенцы на Лену и в Якутию. В дальнейшем, однако, рост других городских поселений и прежде всего Иркутска, развитие земледелия на Лене и в Забайкалье и как след-

ствие формирование местных аграрных и торгово-промышленных рынков, изменение путей сообщения привели к тому, что Илимск во второй половине XVIII в. перешел в разряд «малых» городов, обслуживающих в основном пределы своей округи. Его функции административного уездного центра были перенесены в Киренский острог, который с 1775 г. начинает играть заметную роль в экономической жизни края.

Судьбы Илимска и Киренска вполне характерны для малых городских поселений Сибири. Темпы их развития, динамика населения и его социальный состав, особенности хозяйственной деятельности во многом зависели не от их роли в экономической структуре региона, а от решений сибирских и российских властей, наделяющих то или иное поселение административными правами и тем самым ускоряющих их становление в роли городских центров. Заметную роль в развитии Киренска сыграло то, что он был важным промысловым и транспортным пунктом в транзитной торговле Ленского бассейна. Ленская сплавная ярмарка определила ряд особенностей экономического развития края. Специализация сплавной ярмарки на скупке ленской и якутской пушнины привела к тому, что промыслово-предпринимательская деятельность заняла ведущее место в экономике города и уезда. Становление Киренска в этом плане шло интенсивнее, чем земледельческая колонизация. Почти полное отсутствие ремесла и промышленности лишь подчеркивало однобокую специализацию города. Но, как отмечают исследователи малого города, «будучи главным, путь индустриализации не является ни единственным, ни даже основным не только для целого ряда конкретных городов, но и для определенных типов городов в целом»²¹.

Внешний вид малых городов региона менялся крайне медленно. Все они были небольшими деревянными поселениями с населением в несколько сотен жителей. Жилая застройка в них мало чем отличалась от деревенских усадеб. Приметами города могли служить лишь церкви, кое-где каменные, да несколько торговых лавок и казенных строений. Даже то, что некоторые из них (Киренск, Баргузин, Нижнеудинск, Сретенск, Доронинск) на какое-то время становились уездными центрами, почти не сказывалось на их развитии. Так, Нижнеудинск, получивший в 1783 г. статус города благодаря тому, что таковым перестал быть Балаганск, вплоть до середины XIX в. оставался одним из самых небольших городов края. Он был настолько мал, что даже

присутственные места находились в основном в расположенной на другом берегу Подгородной слободе. Несмотря на то, что в городе были построены деревянный гостиный двор и мещанские ряды, учреждены базарные дни, центром деловой активности была Подгородная слобода, лежавшая на Московском тракте. «Соперничество Подгородноудинской слободы, – отмечали официальные источники, – подрывает выгоды города. В селении этом сосредоточилась вся промышленность и торговля»²². Если город почти не развивался, то динамика застройки слободы просто впечатляет. В 1811 г. в Нижнеудинске насчитывалось всего 74 жилых построек, а в слободе – более 130. Спустя полвека город занимал в длину менее одной версты на правом берегу Уды, имея всего три улицы и 118 деревянных домов. Напротив него раскинулась на 2,5 версты слобода, в которой находилось почти 300 частных домов²³. В первой половине XIX в. неоднократно делались предложения присоединить слободу к городу, но только указ Сената от 12 февраля 1851 г. официально объединил поселения на двух берегах Уды в один город. Присоединение хозяйственно развитой слободы придало Нижнеудинску необходимый социально-экономический потенциал и содействовало его развитию как уездного центра. Показательна динамика роста его населения. Если еще в 1840-х гг. в городе проживало 800 жителей, то к 1860 г. их количество возросло почти в 6 раз и составило 4689 человек. В конце же XIX в. население города выросло до 5725 чел., проживавших в 782 домах²⁴.

Наряду с поселениями, получившими официальный статус города, на территории Байкальской Сибири насчитывалось немало острогов, которые по своим функциям и составу населения более соответствовали городским, нежели сельским поселениям. По существу, они представляли собой переходное состояние между собственно сельским и городским населенным пунктом и играли заметную роль в формировании урбанистической среды региона. Возникнув как сугубо военные крепости, они имели определенные возможности перерасти в малые городские поселения. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, мещане, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1775 г. посадское население острогов насчитывало более 2 тыс. человек, что составляло 32,6 % всего торгово-промышленного населения края²⁵. Ильинский острог в Забайкалье по численно-

сти населения уступал только Иркутску. Всего же на территории Байкальской Сибири числилось 22 сельских населенных пункта с посадским населением, в том числе 14 острогов. Некоторые из них (Киренск, Верхоленск, Балаганск, Баргузин, Чита, Сретенск, Доронинск) были преобразованы в города пусть даже и на короткое время, но основная их масса постепенно все более превращалась в сельские поселения.

В северо-западных уездах Иркутской губернии заметную роль играли остроги, находившиеся на пересечении водных путей. Так, от Братского острога расходились пути в Забайкалье и на Енисей, через Ленский волок – в Якутию. Заметную роль на Лене в качестве транспортных и хозяйственных центров играли Усть-Кутский и Чечуйский остроги. Усть-Кут был не только важнейшей ленской пристанью, где сосредотачивались грузы, шедшие с Илима и верховий Лены, но и крупнейшим центром солеварения. Другим значительным поселением был Чечуйский острог, стоявший на важном транспортном волоке с Нижней Тунгуски на Лену.

В Верхнеудинском уезде наиболее заметными были Кабанский, Ильинский и Итанцинский остроги. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. По данным верхнеудинского городского управления, в 1792 г. в этих острогах числилось 356 купцов, мещан и цеховых, что составляло почти 29 % всего торгово-промышленного населения Верхнеудинского уезда²⁶. Однако строительство Кяхты, развитие Нерчинских горных заводов и связанных с ними поселений, изменение путей сообщения привели к тому, что эти «городские» функции забайкальских острогов не смогли развиваться, и они в демографическом и хозяйственном отношении сформировались как сугубо сельские населенные пункты, сохранив, однако, за собой функции административно-хозяйственных центров деревенской округи. Следует отметить также, что развитие рыночных отношений оказывало заметное влияние и на инфраструктуру сельских поселений региона. Речь идет, конечно, о крупных селах, ставших узловыми транспортными или торговыми центрами. Например, ряд больших и богатых сел, расположенных вдоль Московского тракта, «особенно поражал своим городским характером»²⁷. Население таких селений, как Тулунского и Куйтунского, превы-

шало две тысячи человек. Более трех с половиной тысяч числилось в Тельме. В этих селах проходили оживленные торги, были десятки магазинов, лавок, небольших промышленных заведений, трактиров и постоянных дворов. Так, по сведениям П. А. Ровинского, в Тулуе находилось до 40 кабаков²⁸. В этих селах уже в середине XIX в. появились каменные здания и некоторые другие элементы городского обустройства. «Замечательно, – восхищался один из путешественников, – что села Иркутской губернии, от Черемховой, украшены деревянными тротуарами, а с Кимильтейского селения даже довольно кокетливо, с тумбами»²⁹.

Анализ городских поселений Байкальской Сибири будет не полон, если обойти молчанием поселки, возникшие вокруг казенных заводов и предприятий кабинетского ведомства. Как полагают некоторые исследователи, «горнозаводские поселки отчасти сами выполняли роль городов»³⁰. Конечно, поселения при горнодобывающих заводах не могли быть идентичны городу, так как не имели соответствующего юридического статуса. Кроме того, значительная часть их населения состояла из людей подневольного состояния – ссыльных мастеровых и каторжан. В то же время в таких поселениях концентрировалось большое количество людей, занятых в обслуживании производства и фактически оторванных от сельскохозяйственных операций. Если к ним добавить представителей администрации, охрану и инженерно-технический персонал, то социальный состав поселения окажется несравненно более сложным и многофункциональным, нежели в любом самом многочисленном селе. Нередко заводские поселки отличались более организованной застройкой, планировкой усадебного пространства и благоустройством. Так, одним из наиболее обустроенных поселений был поселок при Тельминской казенной мануфактуре. «По устройству своему и населенности, – писал о Тельме В. Паршин, – она походила уже на небольшой уездный город. В ней улицы прямые и широкие, много домов выстроено по городскому фасаду, некоторые из них с торговыми лавками»³¹. Так же как и города, поселки при горных заводах притягивали к себе окрестное крестьянство, предоставляя возможности для заработка и для сбыта сельскохозяйственной продукции. В середине XIX в. Ю. А. Гагемейстер отмечал, что базары большого Нерчинского и Шилкинского заводов превосходили ассортиментом и оборотом уездный город Нерчинск. Всего же в этих заводских поселках насчитывалось около 4,5 тыс. жителей³².

Следует отметить, что городообразовательные процессы в таких специфических территориях, как горные округа, находившиеся в ведении кабинетского управления, во многом зависели от позиции и задач Горного ведомства. Не только хозяйственная, но и вообще вся административно-общественная жизнь подобных поселений была жестко регламентирована. В результате из заводских поселений в города были преобразованы лишь единицы. Официально понятие «горного города» и его особый статус было введено в России Горным положением 1806 г. Таковым городом считался Екатеринбург и еще ряд заводских поселений на Урале. В Сибири после ряда административных преобразований конца XVIII – начала XIX вв. городской статус получили Бийск (1782, 1804), Колывань (1822), Барнаул (1822), но это было скорее исключением из правил. Так, жители большого Нерчинского завода в 1873 г. обращались с ходатайством о преобразовании заводского поселения в город. После длительной переписки с министерством императорского двора рассмотрение вопроса в итоге было передано местному Горному совету, который посчитал, что отвод земельных участков под усадебные и выгонные земли будущего города нанесет ущерб интересам Кабинета³³.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода на территории Байкальской Сибири шли урбанизационные процессы, приведшие к созданию разнообразной структуры городских поселений от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков. Определяющими для их развития факторами стали специализация на промысловых и обменных операциях, а также формирование торгово-промышленного населения. «Для страны колонизируемой, – справедливо замечал Д. Я. Резун, – какой являлась Сибирь в XVII–XIX вв., главным двигателем городского развития все же выступала торговля, которая успешно справлялась со своей градобразующей и регулирующей функцией не только тогда, когда уровень развития городского производства был еще недостаточным, но и тогда, когда города Сибири вышли на «мануфактурно-промышленную» стадию развития»³⁴.

Изменения в других городах Байкальской Сибири были не столь показательны. Пожалуй, только Верхнеудинск и Троицко-савск с кяхтинской слободой, где заметно преобладала торговая сфера, в целом соответствовали новым тенденциям организации городского пространства. Очень низкими темпами развития отли-

чались уездные Нерчинск, Нижнеудинск, Киренск и другие малые города региона. Практически все они в той или иной степени сохраняли сельский вид. Связан он был в основном с хозяйственными занятиями городских жителей, многие из которых имели огороды, пашни, держали скот и домашнюю птицу. Конечно, все это более было характерно для окраин и предместий городов, но и в центральных кварталах было немало замкнутых усадебных комплексов. Важно отметить, что внешний вид даже самых малых «сельских» городов региона отличался от облика крестьянских поселений, прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки, а также обязательным наличием ярмарок и торжков, лавочно-магазинной торговли и производственно-потребительских интересов городского населения.

1.2. Городское управление и хозяйство

Первоначально интересы посадской части городов представлял земский староста. Избираемый посадом, он ведал сбором податей, следил за выполнением распоряжений воеводской приказной избы. Реформа 1699 г., впервые вводящая в России органы городского самоуправления, на Сибирь не была распространена. И только с введением в 1721 г. Главного магистрата на правах коллегии в России была создана система городского управления. В городах создавались городские магистраты и ратуши. В Иркутске городская ратуша была открыта в 1722 г. Первыми бургомистрами были избраны купцы М. Сухой и И. Гранин, ратманами П. Верховцев, И. Толмачев и С. Котов. Иркутская ратуша на первых порах была подведомственна Тобольскому магистрату, но уже через год в Иркутске учреждается свой магистрат, а ратуша упраздняется. После ликвидации в 1728 г. Главного магистрата были закрыты и подчиненные ему городские магистраты. В Иркутске вновь открыли ратушу во главе с бургомистром купцом Трифоном Бречаловым. Бесправное положение ратуш, их полная зависимость от воеводской власти тормозили развитие городского общества, вызывали социальные конфликты. Тобольский купец Я. Маслов в 1734 г. писал, что сибирское купечество «от губернаторов и воевод имеет без заступления многие обиды... отчего пришло в немалый упадок и истощение»¹.

Указом 21 мая 1743 г. был восстановлен в прежнем основании Главный магистрат, а уже на следующий год были воссозданы магистраты в Тобольске, Томске, Тюмени. В 1745 г. вновь открыт губернский магистрат в Иркутске. Количественный состав городских органов управления зависел от величины города и количества «купеческих дворов». Так, в Тобольске магистрат состоял из 7, в Томске из 4, в Тюмени – 3 человек. Иркутский магистрат занимал второе место в Сибири по численности членов, которых насчитывалось 5 человек: президент, два бургомистра и два ратмана². В ратушах состав руководства был значительно меньше. Например, в Илимске ее членов насчитывалось всего 3 человека.

Иркутский магистрат ведал городскими ратушами открытыми на территории Байкальской Сибири в Илимске, Селенгинске и Нерчинске. Развитие городских поселений, значительные расстояния между ними, отягощения различными службами вызвали желание горожан приблизить органы городской власти к своей территории. Так, жители кяхтинского форпоста в своем Наказе в Уложенную комиссию настаивали на учреждении пограничного магистрата в Кяхте под контролем Иркутского, «а селенгинской ратуше ничем не ведать». В данном случае кяхтинские жители просто стремились восстановить историческую справедливость. Еще в 1857 г. был издан указ о создании в форпосте ратуши, подконтрольной кяхтинской таможне. Она просуществовала до 1766 г., после чего была переведена в Селенгинск.

Одной из основных функций магистратов была фискальная. Создавая эти органы, правительство стремилось сформировать более или менее стройную систему сбора податей с городского населения. На магистраты была возложена обязанность контроля за правильной раскладкой и сбором государственных податей. Основным сбором с городского населения был подушный оклад, введенный в 1724 г. Большой удельный вес среди городских служб принадлежал повинностям, связанным с казенной продажей вина и питейными сборами, а также соляной продажей. В этой связи из числа посадских ежегодно избирали большое число выборных голов, целовальников, счетчиков, надсмотрщиков. Они обеспечивали казенные интересы не только в Иркутске, но и по всей территории региона. Не меньшее значение уделялось полицейскому надзору над населением. Магистратам предписывалась строгая регистрация прибывающих и

отъезжающих, запрещалось принимать на ночлег беглых и беспаспортных. С целью охраны города от «воров» на улицах ставились рогатки, и горожане по очереди несли караульную службу. Городским властям поручалось размещение войск в городах. Для этого выбирались квартирмейстры, которые по очереди отводили обывательские дома под постой. Особенно тяжело приходилось жителям тех городов, где на постоянной основе были размещены военные подразделения. Так, в Селенгинск, где находился карабинерный полк в 1767 г. был направлен еще и пехотный. При норме не более 3 солдат на избу, здесь приходилось определять в один покой до 10 человек и более.

В обязанности городского самоуправления входила и организация противопожарные мероприятия. Устанавливался строгий порядок действий на случай пожара, которые были частыми явлениями в сибирских городах. На каждую улицу определялся староста, на 10 дворов – десятский, на 50 – пятидесятник, на сто – сотский. Магистраты должны были наблюдать за санитарным состоянием города – чистотой на улицах и торговых рядах, а также за исправностью мостов. Главная полицмейстерская контора вновь подтвердила это требование в 1750 г., указывая, чтобы «каждый обыватель против своих дворов и в рядах, и в рынках, и в прочих местах имели чистоту и всякий помет и сор чистили и возили в удобные места далее от жилья и закапывали в землю, и мосты, где были старые и обветшалые, то починять, а где мостов не было, а быть надлежит, те построить обывателям, каждому против своего двора»³.

Надо отметить, что в это время в сибирских городах параллельно существовало два полицейских ведомства. С одной стороны, полицейские функции возлагались на магистраты, с другой, часть из них осуществляла местная администрация. Напомним, что в сибирских городах еще в XVII в. из казаков назначались городничие, которые следили за ремонтом и возведением казенных зданий, сбором налогов и поддержанием порядка. В 1733 г. была учреждена полиция в 10 губерниях и 13 провинциальных городах России. Тогда же были открыты полицмейстерские конторы в Тобольске и Иркутске. В 1740-х гг. полицмейстером в Иркутске был поручик Иван Замощиков. В 1757 г. состоялся указ Сената об учреждении в Иркутске полиции и назначении полицмейстера. Им оказался все тот же И. Замощиков, но уже в чине секунд-майора. В дальнейшем четко

прослеживается тенденция сосредоточения полицейских функций в руках коронной администрации. Логическим завершением стал указ 1762 г. об упразднении в городах должности полицмейстера и о передаче городской полиции в ведение губернских, провинциальных и воеводских канцелярий.

Еще одной важной сферой деятельности городских органов власти были судебные дела. На протяжении всего периода существования магистратов посадское население особенно упорно отстаивало свое право судиться в них. Регламентом Главного магистрата было определено городовым магистратам ведать «судом и расправою» над купцами и ремесленниками. В их компетенции были гражданские и уголовные дела, за исключением государственных преступлений. Но, как и воеводский, городской суд был неповоротливым, страдал от судебной волокиты. Кроме гражданского и уголовного суда с 1754 г. магистратам был передан словесный суд. Это был чисто торговый суд для разбора и решения споров и исков по обязательствам и договорам о торговых сделках. В обязанности городских властей входила забота об экономическом развитии города, умножении его товаров и ярмарок, ограждение купечества от иногородней конкуренции и от лиц других сословий. Магистрат был и своеобразным статистическим органом. Им предписывалось собирать сведения о числе городского населения, о состоянии торговли и ремесла, о размерах капиталов, о состоянии цен на городском рынке и т. п.

В целом деятельность городских магистратов была своеобразной уступкой усиливающейся роли городов. С одной стороны, они не обладали необходимой самостоятельностью и зависели от центральных и местных органов. Они не только не могли самостоятельно распоряжаться своим бюджетом, но даже запись в цех и купечество должна была утверждаться в Главном магистрате. Он же решал все дела, касающиеся перевода купцов из одного города в другой. С другой стороны, создание структуры городского управления выделяло торгово-промышленное население городов из общего звена местной власти и ограждало в какой-то мере от их произвола и притеснений. Первоначально все члены магистратов были несменяемы. Их могли заменить только в случае смерти или болезни. С 1773 г. выборы стали проходить тайным голосованием, особыми шарами. Как правило, бургомистрами и президентами магистрата избирались наи-

более уважаемые и богатые жители города. К примеру, Иркутский магистрат возглавляли первостатейные купцы и заводчики М. Глазунов (1744–1755), И. Ворошилов (1759–1760), С. Самойлов (1764–1766), М. В. Сибиряков (1779–1780). Бургомистрами и ратманами в эти годы служили М. Мясников, И. Елезов, Н. Бречалов, Ф. Дудоровский, З. Щегорин и др.⁴.

В связи с подготовкой деятельности Комиссии об Уложении правительство провело реорганизацию городского управления. Города получили право для составления своего наказа в Комиссию, а также выбора депутата, представляющего их интерес. В соответствии с «обрядом выбора жителям городским» право посылать депутата получили те города, где имелось более 50 дворов, остальные – по желанию. Для подготовки наказа и выборов депутата в городах создавалась новая должность – городской голова, избираемый всеми домовладельцами из своей среды. Кандидат должен быть не моложе 30 лет, иметь недвижимость и пользоваться доверием общества. В Иркутске первым городским головой был избран Михаил Афанасьевич Сибиряков (ок. 1726–1795). Он имел рудники и завод в Нерчинском горном округе, чин берггешворена, а в 1767 г. получил личное дворянство. Именно при его непосредственном участии составлялся наказ от Иркутска, и проводились мероприятия по его подписанию и выбору депутата. В дальнейшем на должность городского головы также избирали богатейших иркутских купцов. В 1781–1784 гг. городским головой служил И. Н. Саватеев, а при открытии наместничества в должность городского головы был выбран Н. П. Мыльников, а ратманами при нем – А. Калмынин, И. Зонов и И. Чеченев. В других городах региона городскими головами были выбраны также представители купечества: в Селенгинске – Т. Поламошный, Кяхте – П. Дернякин, Нерчинске – А. Тайшин. Только в отдаленном Якутске, где сильны были позиции служилого населения, на пост городского головы выбрали сибирского дворянина А. Новгородова.

Для усиления административного аппарата на местах в 1775 г. были изданы «Учреждения для управления губернией». Для суда и управлением городским населением учреждались губернские и городские магистраты. Губернские магистраты становились правительственными органами и подчинялись наместническим правлениям. В их структуру входили два департамента: уголовный и гражданский. Функции магистрата охва-

тывали все вопросы правительственной политики по отношению к городам. Магистрат наблюдал за выполнением указов вышестоящих властей, контролировал органы городского самоуправления, выполнял роль второй, высшей после городских магистратов, судебной инстанции, представлял интересы государства в раскладке и сборе налогов, занимался учетом городских сословий и т. д. В соответствии с этим в Иркутске был учрежден губернский магистрат, которому были подведомственны городские магистраты в Нерчинске и Верхнеудинске. В остальных городах региона в силу малочисленности посада действовали ратуши. Но в целом губернские магистраты просуществовали недолго и в 1797 г. были упразднены⁵. В дальнейшем правительство отказалось от попыток бюрократизации городского управления, оставив за собой лишь функции контроля за выборными городскими органами. Они ложились на губернское правление и губернатора.

С преобразованием в 1783 г. Верхнеудинска в уездный город Иркутской губернии в нем было учреждено магистратское управление. По административной линии Верхнеудинскому магистрату подчинялись Ильинская, Кабанская, Селенгинская и Кяхтинская земские избы. Интересно отметить, что некоторым другим уездным городам Иркутского наместничества (Киренск, Нижнеудинск) в такой привилегии было отказано. В решении Иркутского наместничества на этот счет говорилось так: «пока купечеством не обзаведется, городской магистрат не утверждать». Верхнеудинский магистрат ведал городскими доходами, содействовал развитию ремесел и торговли, заботился о городском благоустройстве и порядке, способствовал организации школ. При нем существовал сословный орган по опеке – сиротский суд. По торговым делам суду магистрата подлежали иногородние и местные купцы, мещане, записанные в гильдию, и крестьяне, промышленяющие торговлей. Таким образом, несмотря на сословное деление, вплоть до создания специальных коммерческих судов, магистраты исполняли роль общественных, сословных инстанций по торговым тяжбам.

Крупной вехой в реформах местного управления было утверждение 8 апреля 1782 г. «Устава благочиния или полицейского», определившего устройство полицейского аппарата городов. На основе этого Устава вместо магистратов на местах стали появляться городские управы, во главе которых стоял городни-

чий и думы. Бургомистра сменил городской голова из «имени-того купечества». На управу возлагались полицейские и административно-хозяйственные задачи на территории города. Управа охраняла порядок в городе, принуждала жителей к исполнению законов и постановлений, ведала городским благоустройством. В ведении управы находились школы, городская торговля, кредит, попечительство и опека. Она выполняла также судебные функции: рассматривала гражданские дела и мелкие уголовные. «Жалованная грамота городам» 1785 г. еще более усложнила сословное деление горожан и систему городского самоуправления. Официально все домовладельцы получили статус горожан, в том числе и из неподатных сословий. Аппарат самоуправления усложнился за счет вновь созданных органов: «собрания общества градского», общей градской думы и шестигласной думы. При этом магистраты и ратуши не отменялись. Собрания или сходы созывались раз в три года для проведения выборов на основные должности общегородского управления. Уточнялась и проверялась обывательская книга, т. е. собрание решало дела о приеме и исключении из состава обывателей. Здесь же заслушивались предложения губернатора по городским вопросам. Кроме того, сами горожане могли делать «представления» о своих общественных нуждах.

Право голоса на собрании, выбирать и быть избранным представлялось формально всем сословным группам города. Нужно было только достичь 25 лет, быть записанным в обывательскую книгу, то есть иметь недвижимость и капитал не ниже 5 тыс. руб. Всем этим требованиям удовлетворяло только купечество, да и то не ниже второй гильдии. Словом, в решении наиболее значительных вопросов и замещении высших должностей могла участвовать только купеческая верхушка. Так как в сибирских городах купечество первой и второй гильдий было немногочисленно, и были города, где их не было вообще, приходилось пользоваться оговоркой к Положению, которая гласила, что при отсутствии крупных капиталов голос мог присваиваться и менее состоятельным горожанам «доброй совести и не бывшим в пороках»⁶.

Общая градская дума задумывалась как совет представителей граждан, избранных от каждого разряда населения. Ей отводилась распорядительная функция в управлении городом. Эти же вопросы были возложены и на шестигласную думу, которая

рассматривалась как исполнительный орган общей думы и избиралась из ее состава. Столь сложная иерархия городского управления на практике зачастую упрощалась. Обычно постоянно действовала только шестигласная дума в составе городского головы, двух ратманов и шести гласных (по одному от всех шести разрядов горожан).

С разделением граждан на шесть частей в Сибири, и в Иркутске в частности, также было не так просто. «Жалованная грамота» выделяла «настоящих городских обывателей», то есть всех имевших в городах недвижимость, купечество всех трех гильдий, цеховых ремесленников, иногородних купцов и иностранцев. К пятой категории относились именитые граждане – крупные предприниматели с капиталом свыше 50 тыс. руб. и люди свободных профессий, получившие высшее образование (ученые, художники, писатели и т. п.). Шестую категорию образовывали посадские – «старожилы или поселившиеся, или родившиеся, как в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работой кормятся в том городе». Основные податные сословия – купечество, мещанское и цеховое общества сохранили корпоративную структуру и действовали через своих выборных представителей – старост. Такая структура отделяла податные слои от остальной части города, разделяла население на сравнительно замкнутые категории, предоставляя им разный объем прав. Судебные дела оставались в ведении городского магистрата, в состав которого выбирали бургомистра, двух ратманов и четырех заседателей. Помимо прежнего словесного суда был учрежден еще сиротский суд, который разрешал вопросы, связанные с опекой, наследованием имущества и усыновлением.

Функции магистрата и думы не были четко разграничены, что приводило к дублированию административно-хозяйственных и фискальных задач. К тому же они полностью подчинялись государственным учреждениям. Рядом с «всесословной» думой с 1782 г. была поставлена «управа благочиния», возглавляемая городничим. Обоим учреждениям законом поручался ряд одних и тех же задач. Городское хозяйство было подчинено как управе благочиния, так и думе. На практике выходило, что городская дума собирала сборы и платежи с горожан, а распоряжалось денежными суммами губернское начальство.

В 1788–1790 гг. общие городские думы были образованы в четырех областных городах Иркутского наместничества: Иркут-

ске, Нерчинске, Якутске и Охотске, а шестигласные думы во главе с городским головой создавались там, где уже действовали городские магистраты. Состав их формировался с учетом местных особенностей⁷. На территории Байкальской Сибири такие были только в Иркутске, Верхнеудинске и Нерчинске. Как и в целом по стране, во главе городского самоуправления в основном находились представители крупного капитала. В дальнейшем государство более четко ранжировало замещение руководящих должностей в органах городской власти в зависимости от гильдейской принадлежности. Так, только купцы первой гильдии могли исполнять должности городского головы, заседателей палат, совестных судов, приказов общественного призрения, депутатов торговли, директоров банков и их контор, церковных старост. От иных должностей они были вправе отказаться. Купцы второй гильдии могли выбираться на должности бургомистров, ратманов, гласных. Также гласными городских дум и городскими старостами могли быть купцы третьей гильдии. Так, в конце XVIII – первой половины XIX в. в органах городского управления Верхнеудинска практически все должности занимали представители местного купечества: М. Курбатов, Д. Пахолков, В. Гирченко, Ф. Сотников, Д. Лосев, Налетов, Мордовский и др.

Торжественное открытие Иркутской городской думы нового образца состоялось 1 января 1787 г. Церемония была обставлена весьма торжественно. По свидетельству «Иркутской летописи», купечество дало «великолепный обед для всех чинов города и граждан, а к вечеру был бал с маскарадом и пушечной пальбой»⁸. Вскоре выяснилось, что при выборах была допущена серьезная ошибка. Вместо шести гласных было избрано 20: по два человека от купцов, настоящих обывателей и посадских, 14 человек от цеховых (по одному от каждого цеха). В феврале состоялись перевыборы, и дума приступила к работе. В первый состав городской думы вошли: Андрей Шалев – от настоящих городских обывателей; Григорий Трушков – от иркутских мясчан; Петр Попов – от городских обывателей; Андрей Саватеев – купец второй гильдии; Михаил Родионов и Андрей Фереферов – от цеховых. Иркутским городским головой был избран купец первой гильдии Михаил Васильевич Сибиряков (1744–1814).

Городское самоуправление в Сибири со временем упрощалось. Так, в 1804 г. магистраты с полным штатом остались только в наиболее крупных городах, а в остальных, «по малости оных»,

надлежало быть ратушам. Поскольку посадское население Илимска было более многочисленно, то даже после переноса в Киренск уездного управления, в бывшем воеводском центре была сохранена ратуша, подчинявшаяся иркутскому магистрату. Киренские купцы и мещане были подведомственны илимской городской ратуше. Текущие дела возлагались на земского старосту, назначаемого ратушей. Подобное положение дел оставалось неизменным до начала XIX в., несмотря на то, что илимское мещанское общество приходило в упадок, а киренское, напротив, неуклонно росло. В 1806 г. было принято решение о переносе ратуши в Киренск. Об этом, кстати, просило и само илимское общество, для которого содержание ратуши было обременительно⁹.

Следующий шаг в упрощении городского самоуправления сделала реформа М. М. Сперанского. Согласно Уставу 1822 г. сибирские города разделялись на три разряда в соответствии с количеством проживающего в них населения: многолюдные, средние и малолюдные. Иркутск был отнесен в число многолюдных, где общественное управление определялось по полной схеме. В состав городского управления входили: полицейское и хозяйственное управления, а также городской суд (вместо магистрата). Полицейское управление подразделялось на общую управу, куда входили городничий и частные приставы (по числу частей города). Ограниченная роль городской думы подчеркивалась ее новым названием – хозяйственное управление. Она состояла из городского головы и четырех гласных. Делопроизводство осуществляла канцелярия. В ведении городской думы было управление городскими доходами и расходами, раскладка и сбор налогов, рекрутский набор, содержание городских и сиротских судов и опека, выдача гражданам паспортов для отлучек по торговле и промыслам, содержание и исправление общественных зданий, мостов, площадей и улиц, городское благоустройство и санитарное состояние, надзор за производством торговли, деятельностью мещанской и цеховой управ и т. п.¹⁰

Первые выборы по новому «Учреждению» прошли 2 декабря 1822 г. Городским головой на новый трехлетний срок был избран Ксенофонт Михайлович Сибиряков. В помощь ему было выбрано пять гласных – по двое от купечества и мещан, один от цеховых. Следует отметить, что в документе речь шла только о городской шестигласной думе. «Общая градская дума» была официально отменена еще в 1819 г.

Управление средних городов – Нерчинска, Якутска, Верхнеудинска и Троицкосавска заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Сюда же входила частная управа – городничий и квартальные надзиратели, а также медицинская часть. Хозяйственным управлением и судом в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи и двух заседателей. В малолюдных городах – Нижнеудинске, Киренске, Селенгинске, Баргузине – управление осуществляли только городничий (полиция), а также городские старосты (хозяйственное управление) и словесный суд. Данная система органов самоуправления просуществовала вплоть до городской реформы 1870 г.

Становление городского самоуправления в России было невозможно без финансового обеспечения его деятельности, которая отчасти удовлетворялась доходами с городских имуществ, но главным образом либо личными повинностями горожан, либо различными нерегулярными сборами с них. «Города от предков наших и от нас самих, – провозглашала «Жалованная грамота городам 1785 г.», – не токмо для живущих в них, но и для общественного блага основаны суть; умножая доходы государственные, устройством подают подданным способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла»¹¹. Этим же документом юридически закреплялись за городскими обществами основные источники доходов, причем запрещалось их употреблять иначе, «как на законные городские расходы». Таким образом, городской бюджет стал важнейшим нововведением нового городского положения.

Главными источниками городских доходов были определены: сборы с городского общественного имущества и оброчных статей, сборы с городских обывателей (за запись в городскую обывательскую книгу и добровольные взносы, не более 100 руб. с хозяина), поземельный налог (оценочный сбор) со всех жителей города, предназначенный на содержание полиции. Вспомогательные доходы включали 1 % с питейных сборов, доходы случайные от продажи выморочных имений и разного рода штрафов. Необходимо отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. основные источники развития городского хозяйства не были еще в достаточной мере подкреплены ни законодательно, ни материально. Городское общественное управление и вся городская жизнь полностью зависели от местной администрации, которая по собственному разумению пеклась о нуждах города.

С ростом городов и укреплением городского самоуправления заметно расширяется городское хозяйство. Крупнейшим городом не только региона, но и всей Сибири, был Иркутск. Но даже для него острой необходимостью было расширение источников формирования городского бюджета. Город занимал не только территорию, застроенную обывательскими и казенными постройками. Ему была отведена также пашенная и выгонная земля, оброчные статьи, которые сдавались в аренду. Так, в 1790-х гг. не менее 602 десятин оброчных сенных угодий были в аренде у различных людей. Территория Иркутска и его окрестностей быстро росла. В конце 1780-х гг. городу было отмежевано 2493 десятины удобной земли и еще почти 1,5 тыс. десятин неудобной, занятой лесами и водами. К 1798 г. общая площадь городских земель выросла до 7230 десятин¹². При новом размежевании 1826 г. городу было отведено уже 10 855 десятин. Часть этих земель ежегодно сдавалась в аренду по цене от 25 коп. до 2 руб. за десятину. Также в подряды сдавалось содержание городских весов при рынках, подводная гоньба, оброчные рыбные статьи, перевоз людей и грузов через Ангару.

Важной доходной частью бюджета были сборы с торговых помещений. Иркутск отличала насыщенная инфраструктура. На городских рынках и площадях находились сотни лавок, шкафов, столов и балаганов. На Тихвинской площади сдавались места под устройство качелей и каруселей, для мелочной торговли по 3 руб. за квадратную сажень. В общий бюджет поступали сборы с доходов трактирных и питейных заведений, постоянных дворов, доходы от извозного промысла и т. п. Одной из заметных статей доходной части городов был повозочный сбор с каждого воза с кладью, проследовавшего через городские заставы, и речных судов. Для Иркутска, как и для других городов, лежащих на основной торговой дороге, связывающей Россию с Кяхтой, где происходила основная русско-китайская торговля, сборы с транзитных обозов и дощаников ежегодно давали более десятка тысяч рублей. Так, в 1828 г. он составил 13,7 тыс. руб.¹³. Повозочный сбор составлял до 35 коп. с воза. В 1817 г. дума подняла его до 1 руб., считая его «для торгующего купечества, получающего от кяхтинского торгового купечества большие выгоды, не только не отягчительным, но и весьма умеренным»¹⁴.

Иногда в городах региона возникали особые, присущие только им дополнительные бюджетные поступления. Таким, например, была акциденция в Кяхте – особый, добровольно

вносимый в общую кассу сбор с каждого ввозимого ящика чая. Так, за счет сборов, которые платили при вывозе из Кяхты чая (по 15 коп. с ящика кирпичного чая и 30 коп. с ящика байхового) городская администрация собирала значительные суммы, позволявшие финансировать строительство социальных объектов и благоустройство города. В 1818 г. для покрытия городских расходов триоцкосавское городское общество постановило взимать с товаров, привозимых из Кяхты в Триоцкосавск сбор по 25 коп. с воза. За эти деньги общество содержало дорогу между поселениями в «устроенном по возможности виде». В 1827 г. этот сбор прекратили собирать на основании распоряжения высочайшего начальства, что привело к ухудшению состояния дороги, и в 1836 г. этот сбор восстановили, правда, уменьшив его до 7 коп. В итоге, он просуществовал до 1861 г.¹⁵

Не менее половины всех поступлений в общий бюджет составляли различные сборы и повинности с городских жителей. Обременительными для горожан были сборы на содержание полиции, пожарной охраны, благоустройство города, постоянная повинность. По указу 1797 г. устройство пожарной части и вообще содержание полиции было отнесено к обязанностям городского самоуправления. К середине XIX в. постоянные пожарные команды были только в Иркутске и Якутске. В 1851 г. триоцкосавский градоначальник вышел на губернские власти с предложением создать полицейско-пожарную команду из 25 человек за счет местных городских доходов¹⁶. В остальных городах региона полицейские и противопожарные мероприятия оставались натуральной повинностью горожан и выполнялись ими по очереди. Всего же на содержание пожарных команд и инструментов в Восточной Сибири из городских доходов было выделено более 16 тыс. руб., что составило всего 9 % от общей расходной части¹⁷.

Городское общество неоднократно ходатайствовало о сокращении числа казенных служб и платежей. Из-за отсутствия в Сибири дворянства, малочисленности и слабости административного аппарата на плечи «лучшей» части горожан ложились самые различные казенные и общественные службы. Купцов привлекали к оценке казенных товаров, работе в таможенных и магистратах, приему и продаже вина и соли, сбору подушных денег и т. п. Особенно тяжелы были службы, связанные с разъездами по губернии. Они требовали материальных и временных

затрат. В наказе от Иркутска купцы указывали, что от тех дальних служб они лишаются «всей своей купеческой коммерции и в путевых проездах приемлют себе убыток». И это были не пустые слова. В 1760-х гг. из иркутского купечества ежегодно к различным службам привлекалось до 250 человек. Причем все службы, кроме магистратских, они несли собственным «коштом». Перечень служб с течением времени менялся, как правило, в сторону увеличения. В среднем, для заполнения всех вакансий ежегодно требовалось от 130 до 150 человек. Если вспомнить, что в Иркутске по официальным данным к 1766 г. насчитывалось всего 452 посадских двора, то количество служб впечатляет.

Говоря о тяжести и разорительности для жителей городов указанных выборных служб, следует иметь в виду их воздействие на общественную жизнь города. Выборы и службы содействовали расширению кругозора купцов, осознанию их роли в обществе, становлению общественного мнения, ибо, по справедливому замечанию Д. Я. Резуна, «человек, несущий большую ответственность, не может не быть личностью»¹⁸. Выполнение различных общественных служб содействовало укреплению связей между купечеством и губернской администрацией. В ряде случаев эти взаимоотношения приобретали коррумпированный характер.

Помимо постоянного роста числа служб и выборных должностей год от года увеличивались издержки на содержание городского управления и хозяйства. В 1805 г. иркутское городское общество обратилось с жалобой на отягощение их службами и повинностями к полномочному послу в Китай графу Ю. А. Головкину. В частности, они жаловались на то, что должны содержать 59 лошадей для почтовой гоньбы. Из них – 37 в Иркутске, 16 – на Лиственичной станции и 6 лошадей на Тулунской. В этом же документе приводится перечень платежей в пользу города. Содержание магистрата и городской думы обходится в 6150 руб., городских часов – 128 руб., пробирного мастера – 72 руб., полиции и пожарной команды – 2390 руб., 39 будочников – 1404 рубля. Еще 1808 руб. собиралось на ремонт пожарных инструментов и содержание лошадей. Заметную сумму в 3436 руб. 50 коп. составляли расходы на отопление общественных зданий, полиции, военных казарм. Еще 1550 руб. предназначалось для содержания двух перевозов через Ангару. Прочие расходы достигали еще 4974 руб. Всего же только на городские нужды собиралось с податного населения Иркутска 20 362 руб. 66 коп.

В достаточно значительную сумму – 15 003 руб. 79 коп. обходилась городу подводная повинность. Кроме того, на различные нужды собиралось с мещанского и цехового обществ 2800 руб. (по 50 коп. с 901 ревизской души). В результате расходная часть городского бюджета составляла до 38 166 руб. 64 коп.¹⁹

Естественно, такой значительный бюджет мог иметь только самый большой и экономически развитый город Восточной Сибири. В других городских поселениях региона приходно-расходные статьи были гораздо скромнее. Например, в таких заштатных городах, как Баргузин, Балаганск или Селенгинск, доходы не составляли даже тысячи рублей, зачастую уступая расходной части. В 1816 г. доходы городов Иркутской губернии составили 44 916 руб. 63 коп. Из них 80,5 % приходилось на губернский центр. Остальные города были очень маломощны. В Троицкосавске, который жил только за счет обменной торговли с Китаем, доходы составили 2889 руб. 92 коп. В Верхнеудинске – 1617 руб. 90 коп. В Якутске с подведомственными ему ратушами Зашиверска, Средне и Нижнекалымска вся доходная часть составляла 3058 руб. В остальных городах губернии менее тысячи рублей²⁰. Мещанское общество Нижнеудинска, составлявшее чуть больше ста человек, неоднократно ходатайствовало о своем бедственном положении, вызывавшем значительные трудности в собирании средств на казенные и городские повинности. К 1840 гг. доходы города составляли 1615 руб. 82 коп. и постоянно уменьшались. Их не хватало даже на содержание полиции и пожарной части²¹.

В первой четверти XIX в. некоторое сокращение доходов было вызвано значительным уменьшением купеческих капиталов. Одной из причин, наряду с общим ухудшением экономической обстановки в крае в период правления Н. И. Трескина, было увеличение сборов с купеческих капиталов, доходивших до 7 коп. с объявленного рубля. С 1807 по 1823 г. только из иркутского купечества выбыло 144 капитала, из них всего 10 из-за смерти²². Большинство приходилось на самую многочисленную, но в то же время экономически неустойчивую группу – купечество третьей гильдии. Ситуация стала меняться только в 1830-х гг. С 1838 по 1844 г. общее число купеческих капиталов региона выросло с 302 до 372, причем более быстро росла численность первых двух гильдий. Повышение гильдейских сборов положительно сказалось на динамике городских доходов. За этот пери-

од они возросли в Иркутской губернии более чем в пять раз. В 1835 г. все городские доходы губернии составили 125,7 тыс. руб., расходы – 120,7 тыс. руб.²³ Необходимо отметить, что благодаря таким городам, как Иркутск, Троицкосавск, Верхнеудинск, бюджеты Байкальской Сибири были заметно больше, чем в соседних регионах. Так, например, Енисейская губерния собирала в 3,3 раза меньше. Доходы ее городов составили в том же году 39,1 тыс., расходы 38,5 тыс. руб.²⁴ К 1851 г. городские сборы по Иркутской губернии возросли до 187,2 тыс. руб. серебром. Если же учесть официальный курс серебряного рубля (1 руб. серебром составлял 3,5 руб. ассигнациями), то эта сумма составит 655,5 тыс. руб. ассигнациями²⁵.

В 1820-х гг. губернские власти были весьма озабочены отысканием дополнительных средств для увеличения городских доходов. Определенный шаг в этом направлении сделала городская реформа М. М. Сперанского 1822 г., разделившая городские поселения Сибири на многолюдные, средние и малолюдные. В соответствии с этим делением строилось все общественное самоуправление, в том числе и бюджетная сфера, которая была передана вновь образованному хозяйственному управлению. Ежегодно в январе дума должна была представлять городскому обществу отчет о городских доходах и расходах за прошлый год. После утверждения отчет вместе со всеми книгами препровождался в казенную палату на ревизию.

На протяжении всего XIX в. наблюдался медленный, но стабильный рост городских бюджетов региона. Особенно быстро рос бюджет Иркутска. С 1816 по 1888 г. он увеличился почти в 24 раза, что, несомненно, отражало общую динамику его народонаселения и капиталов. Иркутск вообще был самым богатым городом Сибири. Его доходная часть в 1844 г. составляла более 30 тыс. руб. серебром, что в 1,3 раза превосходило сборы Томска (22,6 тыс.), в 3,7 раза Тобольска (8,1 тыс.) и в 5 раз Красноярска (5,9 тыс.)²⁶.

Достаточно динамично рос бюджет Верхнеудинска. В 1830–1870-х гг. он увеличился почти в 5 раз²⁷. При этом основная структура доходов и расходов города во многом соответствовала той, которая сложилась в губернском центре. Очень динамично развивался Троицкосавск, получивший в 1822 г. статус города. К середине XIX в. он фактически слился с Кяхтой, составив единое градоначальство с населением в 7776 чел.²⁸.

Более медленно развивались другие города. Одни из них так и не смогли оправиться после переноса городской застройки на новое место (Нерчинск, Селенгинск), другие только недавно были преобразованы из сельских поселений и не имели возможностей для быстрого роста. Так, образованные при создании в 1822 г. Енисейской губернии новые уездные города Минусинск, Канск, Ачинск, Туруханск «не имели ни той степени устройства, ни тех доходов, которые могли бы их поставить на степень городов»²⁹. Но в целом даже в малых городах региона при всей нестабильности их экономического развития можно отметить некоторый рост доходной части. Если в Киренске в 1807 г. она составляла менее 1,5 тыс. руб., то к 1833 г. достигла уже 9,8 тыс. руб. Значительную часть доходов давали сборы с киренских и илимских мещан, процентные платежи с капиталов купечества, акциз с купцов и мещан, торгующих в городе не в ярмарочное время. Из расходных же статей почти 70 % шло на содержание управленческого аппарата и полиции, на пожарную команду около 23 %, на содержание перевозов – 5 %³⁰.

Следует отметить, что городские власти нередко прибегали к введению новых сборов и штрафов для пополнения доходной части. В 1842 г., например, городская дума Иркутска приняла решение о введении штрафа в 5 коп. за бродячий по улицам скот. Собранные суммы направлялись на благоустройство города. В то же время власти очень неохотно шли на увеличение расходных статей. В том же 1842 г. специально образованный в думе комитет по благоустройству, рассматривая сенаторский указ об устройстве в губернских городах мостовых, посчитал излишним исполнять его в Иркутске, «ибо улицы здесь по твердому грунту земли состоят в хорошем положении»³¹.

К середине XIX в. городские расходы почти повсеместно превысили доходы. Города стали быстрее тратить деньги, чем накапливать. В 1851 г. недоимки составили по г. Иркутску 14 826 руб. 88 коп., по г. Киренску 332 руб. 65 коп., по г. Нижнеудинску 57 руб. 66 коп.³². Такая же тенденция отличала и остальные города региона, за исключением Троицкосавска. Доходы от русско-китайской торговли позволяли ему не только безбедно жить, но и направлять значительные суммы на благоустройство города. В том же 1851 г. доходная часть его бюджета составила 22 220 руб., а расходы всего 8856 руб. 45 коп. Остальные суммы пополняли запасной капитал города.

С другой стороны, власти требовали больших расходов на благоустройство Кяхты и Троицкосавска, считая, что это лицо российского государства. Так, в документах отмечалось, что новое монументальное каменное здание гостиного двора важно «для безопасности занимающимся оной торговлей, а не менее и для виду заграничным в благовидности и устройстве города»³³. Естественно, что для поддержания статуса центра российско-китайской торговли только городского бюджета не хватало. За пятилетие (1854–1858) его доходная часть составила в среднем 17 тыс. руб., расходы же превосходили 16 тыс. Остаток был так незначителен, что город с начала своего существования до 1859 г. имел запасной капитал в 14 тыс. руб. Еще в 1837 г. городское общество предложило в дополнение к городским сборам производить отчисления из пошлинных сборов. По закону это пособие предоставлялось местностям, где казна получала значительные пошлинные доходы (Анапа, Новороссийск, Одесса и др.) По подсчету купечества эта сумма могла составлять до 0,5 % от всех пошлинных сборов³⁴. При этом купечество старалось уклониться от всех попыток контроля за расходованием этих сумм, заявляя, что акциденция имеет характер частного сбора по полпроцента с рубля. Надо сказать, что у городской верхушки были все основания не афишировать свои расходы. Из этих дополнительных сборов ежегодно тратилось до 19,5 тыс. руб. на благоустройство города и до 14 тыс. руб. на представительские расходы (общественные угощения во время праздников, прием китайских делегаций, встречи и проводы духовных миссий в Пекин и т. п.). В конце 1850-х гг. акцидентные суммы заметно увеличились и составляли до 51 тыс. руб. в год. Из этих сумм оплачивалось содержание кяхтинского училища, пожарная команда, ремонт дорог, содержание общественных зданий и т. п. В статьях расходов были и совсем экзотические – на поддержание дружественных связей с Китаем (300 руб.), на содержание оркестра (1,5 тыс. руб.), на угощение приезжих чиновников и китайских купцов (6 тыс. руб.), на коммерческих агентов в Пекине и других городах Китая (3 тыс. руб.)³⁵. Некоторые современники ставили купцам в вину такое распределение средств, считая, что эти сборы должны содействовать развитию торговли или направляться на улучшение дорог.

Обеспокоенные городские власти и губернская администрация искали пути увеличения поступлений в городскую казну. В 1858 г., например, был предложен ряд мер по пополнению

доходной части городов Иркутской губернии. Среди них – создание на Киренге оброчной рыболовной статьи, передача в оброчное содержание городских весов, введение акцизного сбора за причаливание и выгрузку на городской берег различных товаров, а также введение платы за провоз через город грузов на лошадях в зимние время. В Нижнеудинске предполагалось увеличить сборы с владельцев ремесленных мастерских, мелочных лавок, постоянных дворов, с проезжающих и торгующих по дороге предпринимателей. В Иркутске было предложено провести переоценку городской земли, находящейся под строениями, и увеличить сборы с пригородных территорий, отводимых под добычу песка, глины, камня, леса. Кроме того, вводились пошлины за использование берегов Ангары в черте города для складирования леса и других товаров, причаливание и зимовку судов. По предварительной оценке думы введение новых доходных статей должно было принести бюджету Иркутска до 7433 руб. в год³⁶. В целом эти меры способствовали стабилизации городских бюджетов региона.

Однако расходная часть городских бюджетов была более консервативна. По-прежнему большая часть расходов была направлена на административные нужды, в то время как затраты на социальное и культурное развитие городов были минимальны либо вообще отсутствовали. К 1851 г., например, регулярная полицейская команда из 108 нижних чинов была только в Иркутске. Во всех других городах, кроме Якутска, полицейские команды отсутствовали, а обязанности их, как и раньше, исполняли выборные от обывателей³⁷.

В полном забвении находилась медицинская часть. Сами губернские власти признавали, что «вообще медицинская часть в Восточной Сибири весьма недостаточно восстановлена, особенно в отдаленных ее пределах»³⁸. На всю Восточную Сибирь приходилось всего 40 врачей, 5 частных и казенных аптек и 22 больницы. В том числе в городах Байкальской Сибири 12 больниц, которые могли принять в год до 1847 человек³⁹. На этом фоне настоящим оазисом выглядел Троицкосавск. В конце XIX в. в Троицкосавске и Кяхтинской слободе на 9,5 тыс. жителей было 11 врачей⁴⁰. Впрочем, как писал в свое время И. Попов, «в Кяхте все богаче и грандиознее...»⁴¹.

С середины XIX в. наблюдаются заметные изменения в структуре доходной части сибирских городов. Прямые сборы с

населения фактически прекратились, зато резко увеличилось количество «прочих доходов». Сюда входили различные благотворительные пожертвования, сборы с недвижимого имущества, извозного и перевозного промыслов, с документов на право торговли и промыслов, различные второстепенные сборы и штрафы с населения. Одним из ведущих становится налог на недвижимость. Еще в 1831 г. натуральная постоянная повинность в Иркутске была заменена денежными сборами. В конце 1850-х гг. этот сбор превысил все другие поборы. Ежегодно для содержания и размещения все увеличивающихся воинских команд и офицеров требовалось ежегодно до 20 тыс. руб. В 1839 г. губернская администрация предложила составить особый капитал, проценты с которого направить на погашения квартирной повинности. Предполагалось одновременно собрать с купечества по 4 % с объявленных капиталов, а с мещан и цеховых – по 75 коп., но городское общество не поддержало эти шаги администрации. В 1842 г. было принято новое положение, по которому квартирную повинность необходимо было выплачивать в соответствии с оценкой недвижимости, в которую включали не только жилые дома, но и торговые и промышленные помещения, огороды и незастроенные участки. Переоценка городской недвижимости должна была производиться каждые три года. С недвижимости, оцениваемой ниже 50 руб., сбор не производился. Со стоимости остальных строений собиралось в зачет квартирной повинности до 1 %. По первой оценке стоимость недвижимости Иркутска составила чуть более 2 млн руб., что позволило внести в доход города 20 тыс. руб.⁴². К 1859 г. сумма на содержание военных возросла до 37,4 тыс. руб., составляя в среднем до 15 руб. на обывательский дом. В дальнейшем рост населения и города способствовал значительному увеличению стоимости его недвижимости. В 1881 г. она оценивалась в 6,8 млн руб., а в 1904 г. составила уже 13,7 млн руб.⁴³. Одновременно росли и сборы с оценки недвижимости. В 1884 г. Иркутская дума увеличила эти сборы до 10 % с оценочной стоимости городского имущества. В 1897 г. налог с недвижимости составил в Иркутской губернии 54 тыс., Енисейской – 18 тыс., Забайкальской области – 20 тыс., Якутской – 6 тыс. руб.⁴⁴. Сборы с городской недвижимости превосходили реальные затраты на содержание военных команд, поэтому излишки поступали в городской запасной капитал наряду с пожертвованиями и исполь-

зовались для экстраординарных расходов. По прежнему, самым богатым городом края оставался губернский центр. Его бюджеты заметно выросли. В конце XIX в., на одного жителя Иркутска приходилось до 10,7 руб. Это было значительно больше, чем в Красноярске (4,2 руб.), но уступало показателям столицы (14 руб.). Бюджеты остальных городов региона были значительно меньше, но повсеместно имели тенденцию к росту.

Становление городского самоуправления в России содействовало общественному развитию и выработке общесловных ценностей и интересов. Наиболее активной и общественно зрелой силой городского общества выступало купечество. Свое экономическое положение оно подкрепляло ведущей ролью в городском управлении. Наиболее активные и успешные представители купеческой элиты, выделяясь из основной массы, становились признанными лидерами посадского мира, приобретая авторитет и в глазах власти. Государство старалось найти формы дополнительного поощрения крупного купечества, проявившего себя в делах коммерции и на общественном поприще. Еще «Жалованная грамота городам» учреждала почетное звание «именитый гражданин». Первым в Сибири это звание получил М. В. Сибиряков. В своем прошении в наместническое правление в сентябре 1790 г. он подробно перечислил все свои общественные службы, включающие должности гражданского старосты (1766), словесного судьи (1771), президента магистрата (1777–1780), городского головы (1787–1789). «Беспорочность моей в отправлении вышеобъявленной службы,- писал он, – тем доказательна, что общество при новом выборе ни как не унижало, но преимущественно других большинством балов перевес мне давало⁴⁵. За свою общественную службу Сибиряков получил от городского общества «похвальный аттестат» и благодарность.

Кроме него в Иркутске это звание «именитого гражданина» имел только Г. И. Шелихов, удостоенный его по ходатайству Рыльского городского общества. В 1807 г. указом Александра I категория «именитых граждан» упразднялась, а вместо нее было учреждено звание «первостатейное» купечество, которое вносилось в особую «бархатную» книгу⁴⁶.

В книгу вписывалось исключительно российское потомственное купечество христианского происхождения высшей гильдии. Первостатейному купечеству позволялось приезжать к императорскому двору, носить шпагу, а 1-й гильдии – ездить в ка-

рете, запряженной парюю или четвернею. Права не распространялись на детей купца и принадлежали купцу пока он являлся первостатейным купцом.

На практике, однако, далеко не все положения указа были реализованы. Когда, например, иркутский купец первой гильдии Константин Трапезников обратился в 1848 г. в городскую думу с просьбой внести его со всем семейством в бархатную книгу, оказалось что таковую в Иркутске вообще не заводили. Губернские власти обратились в министерство финансов с просьбой разрешить учредить ее в Иркутске. Ответ последовал более чем любопытный. В соответствии с указом подобная книга должна быть открыта в одном месте, а именно в одной из столиц. Но так как таковой так и не было заведено, то и ходатайство из Иркутска не было удовлетворено. Вместо этого иркутским властям сообщили, что для отличия купечества есть другая возможность – звание почетного гражданина⁴⁷.

Звание это было введено манифестом Николая I в апреле 1832 г. «Почетные граждане» составляли привилегированную сословную группу, выделявшуюся от остальной массы купечества освобождением от податного обложения. Для купечества привилегии, даваемые почетным гражданством, не связывались с членством в гильдии, что устраняло опасность скатиться вниз в социальной иерархии в случае невозможности по каким-либо причинам приобрести гильдейское свидетельство на очередной год. Тем самым купеческой верхушке обеспечивалось стабильное общественное положение, не зависящее от возможных неуспехов в делах. «Почетное гражданство» было как личное, так и потомственное, распространяющееся на наследников. Уже в 1830-х гг. получили звание потомственных почетных граждан иркутские купцы Баснины, Трапездниковы, Сибиряковы, Медведниковы и многие другие.

Для поощрения купцов, отличившихся в торговой деятельности, 27 марта 1800 г. было учреждено звание коммерции советника, приравненное к 8-му классу гражданской службы «Табели о рангах», а затем мануфактур советника с аналогичными правами. Среди иркутских купцов звание коммерции советника первыми получили купцы Мыльниковы, впоследствии братья Баснины, Н. П. Трапезников, П. Ф. Медведников, кяхтинский купец Н. Игумнов и некоторые другие. За выборную общественную службу и благотворительную деятельность купцы на-

граждались золотой медалью «За заслуги» и серебряной, на алой ленте – для ношения на шее. Кроме того, нередко они получали и государственные знаки отличия. В частности, орденами Святого Владимира III степени были награждены купцы Е. А. Кузнецов (III и IV степени), П. Т. Баснин; святого Станислава III степени: Д. Ф. Игнатьев, И. Ф. Голдобин, М. Д. Бутин (III и II степени); святой Анны III степени: М. Д. Бутин, Н. А. Полевой, Ю. И. Базанова, Е. А. Кузнецов, И. Ф. Голдобин и др. На этом поприще всех превзошел иркутский купец и городской голова И. С. Хаминов, обладавший орденами Св. Станислава III, II, I степени, Св. Анны II и I степени, Св. Владимира IV и III степени, а также имевший высокий чин тайного советника.

Таким образом, в рассматриваемое время в Байкальской Сибири происходило формирование системы городского самоуправления. Создание городских магистратов и ратуш, а затем городских дум и управ при всей их громоздкости, подконтрольности коронной власти все же значительно изменили структуру и характер городского общества. Несмотря на то, что функции городских органов не были четко определены и часто дублировались, а зависимость от власти зачастую сводила на нет их самостоятельность, они все же достаточно успешно решали вопросы городского хозяйства и обустройства, содействуя экономическому развитию городов. Выборность органов городской власти, многочисленные общественные службы способствовали социализации и сплоченности городского социума, выдвигали лидеров и подвижников общественного служения.

Эволюция бюджетной политики городов Байкальской Сибири была теснейшим образом связана со спецификой их развития и хозяйства. Изменения в структуре городских бюджетов, с одной стороны, проявлялись в тенденциях к росту доходов и постепенному смещению источников пополнения городской казны от прямых сборов с населения к поступлениям от торговли и имущества. Заметную роль в жизни городов стали играть к концу XIX в. доходы на проценты с капитала и недвижимости, а также различные пожертвования граждан. С другой стороны, расходная часть бюджета отличалась консервативностью и устойчивостью своей структуры. По-прежнему крайне невелики были ассигнования на развитие социальной и культурной сферы городов. В свою очередь, недостаточное бюджетное финансирование сдерживало инициативу городского общества и не давало в пол-

ной мере реализовать возможности городского управления. В результате деятельность городских органов власти была направлена преимущественно на решение текущих вопросов городского хозяйства и управления в ущерб перспективному развитию города.

1.3. Население городов Байкальской Сибири

Заселение территории Байкальской Сибири русскими началось в середине XVII в. в процессе вхождения ее в состав Русского государства и строительства первых поселений. К началу XVIII в. в регионе уже складывается устойчивое старожильческое ядро, усилиями которого в основном происходило освоение природных и земельных ресурсов края, развивалась торговля и промыслы. «Дальнейший рост населения, – по мнению В. В. Воробьева, – не приводит к коренному изменению этого ядра. Оно поглощает и преобразует все новые и новые элементы, которые, как правило, усваивают опыт, образ жизни, занятия и расселение старожилов»¹.

Первоначально основными жителями сибирских острогов и городов были служилые люди, которых к концу XVII в. насчитывалось не более 10 тыс. человек². На всей огромной территории от Енисея до Тихого океана состояло на службе 3,5 тыс. чел. Они составляли основу гарнизонов русских острогов, занимались сбором ясака и караульной службой, открывали новые территории. Из их среды рекрутировались низшие чины воеводской администрации. Служилые люди почти все время были в различных «посылках». В 1681 г. из 135 служилых в Селенгинске – 20 находилось на службе в Верхнеудинске, 20 – «для сбережки ясашных по заимкам», 40 были отправлены за хлебными запасами, 16 – в Нерчинск. В Нерчинске из 103 служилых людей в 1683 г. на месте было 46, остальные несли службу в дальних концах уезда³.

Служилое население активно участвовало в хозяйственной жизни края. Многие из них обзаводились пашнями, занимались промысловой и торговой деятельностью. Однако наиболее заметный вклад в хозяйственное освоение сибирских территорий внесли трудовые слои населения – крестьяне, посадские, промышленные и торговые люди. Одной из многочисленных групп являлось промысловое население. Числено оно в несколько раз превышало служилых людей. Так, в Енисейском уезде их число достигало до 1 тыс. и более человек. Такая же картина наблюда-

лась на Лене, где в 1651 г. было всего 453 казака, в то время как промышленных людей насчитывалось до 1,5 тыс. чел. «Промышленные» и «гулящие» люди не имели четкого юридического статуса, нередко переходили в другие социальные группы, пополняя ряды служилых людей, посадских и крестьян.

О соотношении различных слоев податного и неподатного населения наглядно свидетельствуют данные по Илимскому уезду за 1723 г. Мужское население насчитывало 7,8 тыс., из числа которых на долю крестьян приходилось 5,8 тыс. человек, то есть 74,6 %. Служилых считалось всего 699 человек (8,9 %), духовенства – 256 (3,2 %), посадских – 286 (3,6 %), «гулящих» и другого деклассированного элемента – 764 (9,7 %)⁴. Следует учитывать, конечно, что Илимский уезд был одним из основных очагов земледелия в Восточной Сибири. В других уездах, особенно северных, крестьянство не было столь преобладающей частью населения. Тем не менее, практически везде податное население заметно преобладало. По данным Я. Е. Водарского в 1710 г. податные слои населения составили 23,5 тыс. чел. (67,6 %), неподатные – 11,2 (32,4 %). В 1719 г. соответственно 30,3 тыс. (68,3 %) и 14 тыс. (31,7 %)⁵.

К концу XVIII в. Иркутская губерния становится чисто крестьянским краем, где крестьяне составляли более 80 % русского населения. В основном оно было сосредоточено в уездах Байкальской Сибири. Здесь в 1775 г. находилось 99,2 %, а к концу века – 97,9 % всего земледельческого населения губернии⁶. К середине XIX в. численность крестьянства выросла более чем вдвое. Особенно быстрыми темпами заселения выделялся Верхнеудинский уезд, где сельское население возросло с 7,4 тыс. до 22,8 тыс., т. е. в 3 раза. В два с лишним раза увеличилось население Нижнеудинского и Нерчинского уездов. В то же время темпы роста такого северного уезда как Киренский были замедлены миграцией населения в южные, более благоприятные для земледелия земли. Еще медленнее росло крестьянство в Якутии. В 1860 г. оно составляло здесь всего 17,4 % русского населения или 2,3 % от общей численности населения⁷.

По сравнению с сельским, городское население края на протяжении рассматриваемого периода было весьма невелико. К тому же темпы роста его значительно уступали динамике крестьянского населения. За полтора века городское население Байкальской Сибири выросло примерно в 3 раза и составило в

1851 г. 51,4 тыс. человек, т. е. около 5 % всего населения региона⁸. Города в целом росли крайне медленно. Естественный прирост населения в них был гораздо ниже, чем в сельской местности. В значительно большей степени, чем села, их население росло за счет прироста населения извне. Как правило, в города переселялся торгово-промышленное население из северных губерний России. В середине XVIII в. переселенцы из северорусских городов и уездов составляли до 80 % всех вновь причисленных в городские поселения Байкальской Сибири. Доля посадского населения из городов Западной Сибири составила ок. 13 %. Приток же населения в город из сельской округи почти не ощущался. На росте городов сказывалось их географическое положение, экономическая и административная роль. Следует отметить, что вообще городское население Сибири было весьма незначительным и составляло в середине XIX в. всего 3,2 % от общей численности горожан России⁹.

Уже в конце XVII в. в Иркутске появляются торговые и промысловые люди и формируется его посад. Причем значительная часть переселялась из городов северо-востока России. Среди тех, кому посчастливилось обрести здесь значительные капиталы и основать купеческие династии, были выходцы из сольвычегодского и тверского купечества Яков Дудоровский и Максим Ворошилов, устюжский посадский Никифор Трапезников, поморские черносошные крестьяне Бречаловы, Стрекаловские, Медведниковы, Баснины, Пахолковы. Из северорусских крестьян происходил и основатель одного из самых знаменитых иркутских купеческих родов Афанасий Сибиряков. Выходцы из северорусских территорий положили начало формированию купечества и в других городских поселениях региона. Исключением была Кяхта, которая изначально создавалась как основное место пограничной русско-китайской торговли. В 1743 г. вновь поселившихся жителей торговой слободы освободили на несколько лет от уплаты податей и рекрутского набора, а с 1745 г. разрешение на поселение получили купцы, ремесленники и крестьяне из Московской, Казанской, Архангельской губерний и сибирских городов. В 1767 г. в Кяхте уже числилось 299 чел., больше, чем, например, в Якутске или Кузнецке того времени, причем купцов первой гильдии насчитывалось 48 (больше даже, чем в Тюмени!), второй гильдии – 109 и третьей гильдии – 103 чел. В Кяхте пришлый капитал составил до половины

(42,4 %) всех гильдейцев. Причем значительная часть их была выходцами из различных мест Байкальской Сибири. Иркутяне, например, составляли до трети всего иногороднего купечества или около 12 % кяхтинских купцов¹⁰.

Численность городского населения в первой половине XIX в. постепенно росла, но удельный вес в общей массе населения края оставался незначительным. Да и по уездам региона он очень серьезно разнился. Приводимая ниже таблица показывает, что удельный вес городского населения неизменно сокращался, что объяснялось в первую очередь более заметным увеличением крестьянского населения.

Таблица¹¹

Динамика численности городского населения
Байкальской Сибири в первой трети XIX в. (число ревизских душ)

Уезды	1798			1816			1830		
	всего	город	%	всего	город	%	всего	город	%
Иркутский	60 345	4558	7,5	67 866	3141	4,6	72 707	3232	4,5
Верхне-удинский	40 055	2909	7,3	52 200	1618	3,1	58 478	1685	2,9
Нижнеудинский	7369	150	2,0	13 031	84	0,6	12 911	95	0,7
Киренский	6960	121	1,7	9417	322	3,4	9489	319	3,4
Нерчинский	7442	794	10,7	8738	941	10,8	12 933	962	7,4
Всего	12 2171	8532	7,0	15 1252	6106	4,0	16 6518	6293	3,8

Состав городского населения отличался от сельского значительно большей социальной и сословной пестротой и сложностью. Особенно наглядно это проявлялось в крупных городах, таких как Иркутск. В малых городах и острогах состав населения был более однороден.

Жители городов делились на две большие группы. В первую входили неподатные сословия: чиновники, духовенство, военные, выполнявшие в основном административные функции. В губернских и окружных уездных центрах эти слои составляли до половины населения, в остальных городах – не более трети. Ведущая роль в развитии городской экономики принадлежала податным сословиям (купцы, мещане, цеховые) и отдельным межсословным группировкам, по своему положению и занятиям

тяготевшим к податному населению. К ним относились отставные нижние чины, осевшие в городах крестьяне и ссыльные, разночинцы. Вместе они составляли торгово-промышленное население городов. Численность их постоянно колебалась. В конце XVIII в. на их долю приходилось 58 % горожан, в 1820-х гг. – 44 %, а в середине XIX в. до 55 %¹².

Городское население по территории Байкальской Сибири было распределено крайне неравномерно. В течение всего рассматриваемого периода основная масса горожан проживала в Иркутске, который уже в середине XVIII в. становится крупнейшим административным и экономическим центром Сибири. За XVIII в. население Иркутска выросло почти в 9 раз. Если в 1700 г. в городе считалось 726 ревизских душ, то к 1798 г. здесь проживало уже 6255 человек, а если считать с женским населением, то около 11 тыс. человек¹³. Прирост населения Иркутска заметно колебался в разные временные периоды. Если в первой трети XVIII в. население выросло в три раза и составляло к 1740-м гг. около 4 тыс. человек, то в середине века наблюдается относительный застой и даже снижение численности. Так, в 1762 г. III ревизия зафиксировала в городе всего 3 798 ревизских душ. Отток населения был вызван административными мероприятиями правительства. Стремясь быстрее заселить работными людьми Нерчинские заводы, правительство предписало направить для этих целей часть посадских из ряда сибирских городов. Из Иркутска в 1758 г. была отправлена первая партия в 345 человек. Указом от 12 декабря 1760 г. городские власти должны были подготовить к переселению еще 256 посадских (с женами и детьми)¹⁴. Новый рост наблюдается с 1780-х гг. В конце XVIII – начале XIX в. число жителей Иркутска удваивается. К началу 1820-х гг. число иркутян составило более 14 тыс. человек только мужского населения.

В XVIII в. все заметнее становится роль и значение посадского населения, особенно купечества. Если в первые десятилетия истории города в составе горожан численно преобладал служилый контингент, то уже в первой половине XVIII в. посадский мир города становится ведущей силой в развитии городского хозяйства и торгов. Уже в середине столетия Иркутск вышел на 3-е место в Сибири и на 17 в России по числу посадского населения¹⁵. Особенно наглядно преобладание податных слоев города проявлялось в соотношении домовла-

дельцев. Если в 1769 г. на их долю приходилось 54 % обывательских домов, то в 1816 г. им принадлежало уже 67 % жилых строений. Необходимо учитывать, правда, что значительная часть нижних военных чинов не имела собственных домов и проживала в казармах. Да и многие из чиновников снимали дома или квартиры. В результате доля домовладельцев из числа неподатного населения постоянно сокращалась. В среднем соотношение между податными и неподатными слоями городского общества составляло 60 % и 40 %.

В течение XIX в. наблюдался стабильный рост городского населения. Если в 1833 г. в Иркутске насчитывалось 16,2 тыс. жителей, то уже к 1864 г. их количество выросло до 26,6 тыс. человека¹⁶. В административном центре региона было сконцентрировано почти две трети городского населения Байкальской Сибири. В 1820-х гг. в столице региона проживало около половины всего купечества и мещанства Байкальской Сибири и 83,5 % всех цеховых ремесленников, что свидетельствовало о превращении Иркутска в один из крупнейших центров ремесла и торговли Сибири¹⁷.

С учетом вышесказанного анализ сословной структуры Иркутска и особенностей формирования его как крупнейшего административно-экономического центра Сибири позволяет более наглядно проследить демографические процессы и тенденции развития сословного состава населения в городах региона.

Ещё в середине XIX в. в Иркутске, как и во всех губернских центрах Сибири, значительную часть составлял военно-чиновничий элемент. В 1833 г. на его долю приходилось 43,5 %, в 1864 г. – 40,5 %. В Иркутске кроме значительного штата чиновников размещались также штабы морского и сухопутного военного ведомства, других военных учреждений Восточной Сибири. Если в 1830-х гг. город обеспечивал проживание, не считая нижних чинов, 10 штаб- и 94 обер-офицеров, то в 1859 г. – уже 5 генералов, 50-ти штаб- и 125 обер-офицеров¹⁸. В этой связи постоянная повинность для податного населения города превратилась в непосильное бремя. С 1831 г. натуральная повинность была заменена денежным сбором. И если первоначально он составлял с купечества по 10 руб., с мещан и цеховых – 5 руб. в год, то уже спустя два десятилетия этот налог с домовладельцев вырос в 4 раза, и для мещан превзошёл все другие вносимые ими подати. Губернские власти с беспокойством отмеча-

ли, что «крайнее положение жителей Иркутска по отнесению квартирной повинности препятствует развитию их благосостояния и устройства города»¹⁹. В дальнейшем удельный вес неподатных слоев города заметно сократился. Причем речь идет не о сокращении присутствия военных и чиновников в городе, а о более быстрых темпах роста податного населения и постоянно увеличивающегося контингента поселенцев, крестьян и ссыльных. За вторую половину XIX в. удельный вес податного населения Иркутска заметно увеличился. Более чем в два раза возросла численность купечества, в три – цеховых, но наибольший прирост произошел в мещанском обществе. Оно увеличилось в 6 раз.

Увеличение доли мещан было напрямую связано с возрастанием значения Иркутска как торгово-промышленного центра, так как именно они давали основную массу мелких производителей, занятых в различных сферах торговли и промышленности. В середине XIX в. произошли некоторые изменения в системе внутрисословного управления иркутских мещан и цеховых. До 1854 г. они имели отдельные управления и своих выборных представителей. Городская дума считала, что «мещане все полагаются в одной степени, не зависимо от того, производят ли они предоставленный им торг или занимаются другим промыслом, следовательно сословия здешних мещан и цеховых должны соединиться в одно общество под названием мещанским и иметь одно управление»²⁰. В 1855 г. на общем собрании оба общества подтвердили своё стремление к образованию одного управления. Из числа цеховых были выведены все лица, не занимающиеся ремеслом. Они пополнили мещанское общество. Цеховое общество было упразднено, а в ведении ремесленной управы остались только те, кто реально производил ремесленную продукцию. В 1857 г. в 15 цехах состояло 230 мастеров, 146 подмастерьев и 32 ученика²¹.

Для первой половины XIX в. был характерен незначительный приток сельчан в Иркутск. В 1833 г. здесь проживало всего 144 душ обоего пола, да ещё 266 числилось за монастырскими хозяйствами²². Но уже в 1860-х гг. крестьяне составляли ок. 11 % жителей города, а к концу века их доля возрастает в три раза. Медленно, но неуклонно росла среди иркутского населения группа инородцев, представленная в основном бурятами. Ещё в начале XIX в. десятки бурят проживали в городе, выполняя различную чёрную работу. В 1864 г. их насчитывалось уже

до 600 чел. В основном они занимались в домашние работы, занимались плотницким ремеслом, обработкой кожи. В начале XX в. их число превысило 1 тыс. человек. Также заметное воздействие на формирование рынка рабочей силы оказывала ссылка. В Иркутске всегда была значительная прослойка ссыльных, искавших здесь возможность заработать. В 1904 г. их вместе с членами семей насчитывалось 3.675 чел., что составляло почти 5 % всего иркутского населения.

Условия формирования и деятельности купечества Сибири заметно отличались от ситуации в Европейской России. Сибирь не знала крепостного права и помещичьего землевладения. Не играло здесь такой значительной роли, как в центре страны, дворянское предпринимательство, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов.

Начало обособлению торгового населения сибирских городов в отдельную сословную категорию положил принятый в 1721 г. Устав Главного магистрата, согласно которому все городские жители страны были разделены в зависимости от капитала и рода занятий на две группы – «регулярных граждан», состоящих из двух купеческих гильдий, и «подлых людей», куда входили чернорабочие, поденщики и тому подобные наемные работники. В 1742 г. в дополнение к двум купеческим гильдиям была образована третья, в которую вошли выходцы из упраздненной категории «подлых людей». Таким образом, в первой половине XVIII в. в купечество входило практически все дееспособное городское население, так или иначе связанное с торговлей, промыслами и ремеслом. Только в Иркутске в 1724 г. в купечестве числилось почти 2,5 тыс. человек, что составляло более 80 % всех жителей города. Запись в гильдию была во многом формальной. Этому способствовал и низкий имущественный ценз, что приводило к тому, что в составе купечества оказывалось немало лиц, вообще не занимавшихся предпринимательством. В середине столетия реальное число сибирских купцов, занимавшихся коммерцией, составляло в разных городах всего 35–45 % от общей численности гильдейцев. Остальные были ремесленниками, приказчиками, наемными работниками или вообще значились среди «старых, дряхлых, увечных и малолетних»²³. Все они находились в купечестве только в силу

наследственного принципа, характерного для сословного деления российского общества.

В 1765 г. в городах Иркутской губернии числилось 4711 ревизских душ, состоящих в купечестве. В развитии внешнеэкономических связей были заняты 651 человек (13,8 %) на общую сумму в 232 510 руб. Наиболее состоятельными считались иркутские купцы, капитал которых в среднем на одного торгующего доходил до 2029,8 руб. Заметно меньше было у нерчинских (1646,7 руб.) и селенгинских (451,7 руб.) купцов²⁴. Несмотря на то, что абсолютное большинство кяхтинских купцов (87,3 %) были связаны с русско-китайской торговлей, они в основном были представлены небольшими капиталами в 150–200 руб. и главным образом, обслуживали торговые интересы крупных российских предпринимателей. Еще около 1478 человек (31,4 %) были включены в структуру регионального рынка, обеспечивая развитие торговых связей региона. В то же время значительная часть купцов лишь числилась в сословии, занимаясь различными ремеслами, хлебопашеством, работой по найму. Таковых по губернии насчитывалось 2582 души мужского пола, или 54,8 % всех купцов Байкальской Сибири.

Высокая степень социального разложения купечества, отсутствие четкого определения его правового статуса вызвали специальные распоряжения и указы правительства. Реформа 1775 г. официально закрепила раскол купечества. Преследуя цель «очистить» его ряды от малоимущих, она в десять раз подняла имущественный ценз. Все купцы, имевшие капитал менее 500 руб., образовали новое сословие мещан. Граница между ними определялась лишь наличием необходимого капитала, т. е. фактором несословного характера. В то же время, чтобы повысить авторитет предпринимателя, за ним закреплялись чисто сословные привилегии. Купечество исключалось из подушного обложения, с него были сняты рекрутская повинность, ряд обременительных казенных служб, а первые две гильдии освобождались от телесных наказаний. Разделение на гильдии осуществлялось согласно размеру объявленного капитала, минимум которого составлял для третьей гильдии 500 руб., для второй – одну тыс., для первой – 10 тыс. руб. В дальнейшем правительство неоднократно повышало минимальные размеры капитала, доводя их к 1807 г. соответственно до 8, 20 и 50 тыс. руб.

«Чистка» купеческих рядов привела к резкому сокращению купечества. До реформы 1775 г. в Иркутске числилось более 2 тыс. купцов. По новому разделению в сословии осталось всего 77 капиталов. Наибольшие потери понесли первые две гильдии. По первой гильдии на весь регион был зафиксирован всего один капитал, по второй – 19, по третьей – 145²⁵. Впрочем, подобная картина имела общероссийский характер. По сведениям Сената, в Российской империи в составе купеческого сословия осталось только 12,2 % прежней численности.

Формирование купеческих капиталов сопровождалось острой конкурентной борьбой и разорением мелкого купечества. Периодическое повышение минимума объявленного капитала «очищало» купеческие ряды от малосостоятельных и случайных лиц. Социальная мобильность купечества характеризовалась высокой степенью внутри сословного передвижения. Из 122 семей, числящихся в иркутском купечестве в 1795 г., смогли сохранить свои позиции спустя два десятилетия всего 44, а остальные перешли в низшие сословия²⁶. Многие разорившиеся купцы, выходя в мещане, продолжали заниматься предпринимательской деятельностью и не оставляли надежды восстановить свое положение. Значительная часть их оседала в верхней прослойке мещанства, представляющей вполне сложившуюся мелкую буржуазию. Более 80 % иркутских купцов были либо потомственными, либо вошли в гильдию из мещан²⁷.

Реформы последней четверти XVIII в. укрепили правовое положение купечества, его главенствующую роль в городском самоуправлении, способствовали росту его рядов. По сравнению с 1780-ми гг. численность иркутского купечества к 1807 г. утроилась, правда рост происходил в основном за счет третьей гильдии. В дальнейшем наблюдается сокращение численности купечества. Оно объяснялось очередным возрастанием минимума объявляемого капитала и следствием манифеста 1807 г., передавшего всю внешнюю торговлю в руки первогильдейцев, что особенно больно ударило по мелкому и среднему купечеству, связанному с русско-китайской торговлей. Манифест 1807 г. способствовал еще большему размежеванию иркутского купечества. Капиталы первой гильдии в течение года выросли в четыре раза. Рост первогильдейцев наблюдался и в других городах региона. В Верхнеудинске, например, до 1807 г. не было ни одного купца первой гильдии, а после реформы объявили капитал

сразу четыре семейства²⁸. Рост первой гильдии происходил главным образом за счет купечества второй и в меньшей степени третьей гильдий. Из 16 капиталов, объявленных по первой гильдии в 1809 г. в Иркутске, восемь перешли из второй, пять – из третьей²⁹.

Особенно чувствительно реагировало на налоговую политику правительства мелкое купечество. Его численность к 1823 г. сократилась более чем в четыре раза. За период с 1807 по 1823 г. иркутское купеческое общество покинуло около 144 капиталов³⁰. Подавляющую часть банкротов – 94 % составляли мелкие купцы. К концу первой четверти XIX в. правительство начинает беспокоить постоянное сокращение процентных сборов, и оно предпринимает ряд мер по обеспечению роста капиталов. С 1825 г. численность купечества третьей гильдии начинает возрастать. Этому способствовало понижение цены гильдейского свидетельства, а также меры, ограничивающие возможность торговой деятельности для лиц некупеческого сословия.

Следует сказать, что отмеченные тенденции были более характерны для немногих крупных городов региона, прежде всего Иркутска. В малых городах с их неторопливым экономическим и социальным развитием формирование купеческого капитала проходило более медленно и имело существенные особенности. Так, купеческое сословие Киренска, лежащего на крупной транспортной артерии края – Лене, хотя и начало формироваться в конце XVIII в., сложилось только к 1820–1830 гг. По своим капиталам киренские купцы принадлежали в основном к самой низшей категории – третьей гильдии. Лишь во второй четверти XIX в. в городе появляются купцы второй, а затем и первой гильдий, но таковых было 1–2 семейства, в 1855 г. в городе проживало 18 купеческих семейств, в том числе двое купцов второй гильдии³¹.

Доля купечества Иркутской губернии была неизменно выше среднесибирской, иногда значительно. Так, в 1816 г. на 100 мещан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень. Если на долю региона приходилось всего 0,5 % населения страны, то удельный вес купечества здесь достигал почти 3 % от общероссийского³². Основная их масса была сосредоточена в Иркутске. Уже в XVIII в. Иркутск по количеству купечества превосходил все другие си-

бирские города. В первой половине XIX в. здесь проживало более 60 % всех восточносибирских купцов³³.

К концу XVIII в. сибирское купечество превратилось в ведущую силу городского общества и значительно выделялось из общей массы российского купечества, которое радикально меняется только во второй половине XIX в. после отмены крепостного права. Так, характеризуя иркутское общество начала XIX в., исследователи отмечали, что здесь «господствовала монополия купеческая, эксплуатация буржуазная, хотя еще и самая патриархальная»³⁴. Несмотря на значительную социальную мобильность и колебания численности купечество играло ведущую роль в формировании сибирской буржуазии. О сибирском купечестве с большим уважением отзывались многие современники. Так, известный экономист Г. Пейзен отмечал, что «купечество здешнее по своим умственным понятиям, сметливости, стоит несравненно выше купечества Европейской России»³⁵.

В середине XIX в. в правовом положении купечества происходят значительные изменения. После отмены в 1863 г. третьей гильдии заметно сокращается число сибирских купцов. В то же время появляются другие возможности для занятия торговлей и промышленностью. Возникает, например, категория так называемых «временных купцов». В нее входили предприниматели из других сословий, которые могли приобрести торговые права купечества без изменения своего сословного статуса. Таким образом, расширялся слой предпринимателей, занимающихся бизнесом без записи в купеческое сословие.

Торговый капитал выступал, прежде всего, как капитал купеческий. Монопольное право купечества на производство торговли закреплялось рядом правительственных постановлений и указов, обобщением которых стала «Жалованная грамота городам» 1785 г. Однако свои привилегии им приходилось отстаивать в острой конкурентной борьбе как с иногородними предпринимателями, так и с местными торговцами из числа крестьян, городских низов и других слоев общества. Уже в середине XVIII в. иркутские купцы жаловались властям на то, что крестьяне и буряты из близлежащих селений имеют в городе свободный мелочный торг и, «перекупая выменом товары российские, разношивают по улицам и по домам продают»³⁶. Среди нарушителей правил торговли особенно часто встречались торгующие крестьяне из северорусских губерний. Особенно широкую из-

вестность в Сибири получили крестьянские предприниматели из Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии, так называемые «вязниковцы». Это были типичные представители развозной торговли, стремившиеся ускользнуть от всяких форм контроля, постоянно отыскивающие новые рынки сбыта, налаживающие новые цепочки экономических связей. Этим они создавали серьезную конкуренцию сибирским купцам, сбивая цены и показывая примеры оборотистости. Обычно они начинали распродажу своих товаров уже по дороге. А по приезде в города старались уклониться от досмотра и реализовывать привезенные партии вне стен гостиных дворов. Очень часто они производили торговлю на значительно большие суммы, чем определялось их свидетельствами. Были случаи, когда некоторые из них пытались торговать по просроченным свидетельствам. Как правило, эти оборотистые мелкие предприниматели стремились «ускользнуть от всяких форм контроля, перенося свою деятельность подальше от городских центров, отыскивая новые рынки сырья и сбыта продукции, налаживая новые цепочки экономических связей, взламывая скорлупу натурального хозяйства»³⁷.

Не менее активным было участие в предпринимательской деятельности местного сельского населения. На иркутские и верхнеудинские ярмарочные торги съезжалось большое количество русских и бурятских крестьян. Они привозили сюда хлеб, мясо, масло, мед, мыло, дрова, рыбу, пушнину, сырые скотские кожи и предметы крестьянского промысла. Уже в начале XIX в. губернские власти констатировали, что «зажиточные крестьяне из корыстных видов захватывают в одни руки все избытки хлеба». Пытаясь бороться с хлебной монополией перекупщиков, администрация предпринимала меры к ограничению их деятельности вплоть до конфискации незаконно приобретенного товара.

Изданные М. М. Сперанским в ноябре 1819 г. «Правила о свободе внутренней торговли» значительно расширили возможности поступления крестьянских товаров на городской рынок и способствовали развитию межрайонных рыночных связей. Надо сказать, что купечество по-разному относилось к предпринимательству местных сельских жителей и торгующих крестьян из Европейской России. Если коммерческие права первых, занимавших свою нишу в системе сибирского рынка и часто выступавших в качестве доверенных лиц купцов, они готовы были признать, то деятельность российских крестьян,

привозивших мануфактурные товары и тем самым конкурировавших с купечеством в той же сфере коммерции, вызывала у них активное неприятие³⁸.

Практически вся мелочная и разносная торговля в городах осуществлялась посадским населением. Среди мелочных торговцев было много женщин, торговавших со столов и полок предметами рукоделия, табаком, кондитерскими изделиями, овощами. В конце 1790-х гг. только на иркутском хлебном рынке торговало 92 человека. Их социальный состав был достаточно пестр: мещан – 50, цеховых – 28, купцов – 2, ссыльнопоселенцев – 2, солдат – 7, прочих – 3³⁹. Зажиточная верхушка мещанства достаточно успешно конкурировала с купечеством, особенно в розничной торговле. В Иркутске, например, торговлю, свойственную купечеству, производило около 30 мещан. В Верхнеудинске непозволительной для мещан торговлей занималось 20 человек: 12 по домам, а 8 – в лавках гостиного двора⁴⁰. В документах многих сибирских городских дум зафиксированы жалобы купечества на незаконную торговлю в городах посадского населения и разночинцев, крестьян, представителей коренных народов, ссыльных.

Городской рынок привлекал крестьянское население окрестных деревень, а также представителей коренного населения, прежде всего бурят, которые привозили в город продукцию скотоводства, кожи, пушнину. Традиционно, как отмечала Е. А. Авдеева–Полевая, в Иркутск на зиму оставалось много бурят, которые жили по домам, выполняя разнообразную дворцовую работу. «Многие, сами перекупая у своих товар, носят его по домам, а обыкновенно принесут товару рублей на сто, и придет их человек пять»⁴¹. И в дальнейшем присутствие представителей коренного населения среди городского населения было обычным делом для городов региона. Так, в 1850-х гг. до 30 бурят с осени до весны постоянно проживали в Иркутске, занимаясь перекупкой пушнины и разносной торговлей по улицам⁴². Со временем некоторые из бурят пополняли состав городских жителей. В 1825 г. к верхнеудинскому мещанскому обществу был приписан бурят Петр Лосев, а в 1838 г. в городе числилось уже девять бурят мещан⁴³.

Занятия трудового населения городов Байкальской Сибири были многообразны. Мещане и цеховые участвовали в мелочной торговле, обслуживали купеческие предприятия, занима-

лись промыслами, земледелием. Относительная слабость словесных перегородок в Сибири приводила к тому, что городское население часто меняло сферу деятельности, переключалось на другие хозяйственные занятия, причем не только внутри своего города. В 1787 г., например, цеховые Иркутска насчитывали 1273 ревизских душ. Но реально в 14 ремесленных управах состояло всего 468 человек (36,8 %), да еще 195 иркутских цеховых (15,3 %) производили ремесло в различных уголках губернии⁴⁴.

Внутри мещанского и цехового обществ отчетливо проявлялась дифференциация имущественного положения. Мизерные обороты розничной торговли, полная зависимость от крупного капитала, конкурентная борьба – все это приводило к банкротству многих мелких собственников. Только в течение 1823–1829 гг. в Иркутске разорилось 64 мещанина и 16 цеховых⁴⁵. Документы показывают сокращение количества мещан, занимающихся мелочной торговлей и ремеслом. Это было следствием, как общего сокращения численности купеческих капиталов, так и возрастающей конкуренции со стороны российского капитала и местных разночинцев и крестьян.

Многие из мещан занимались обслуживанием торговых операций в качестве приказчиков и доверенных лиц. В 1819 г. мещане составляли 88,6 % всех приказчиков, торговавших в Иркутском гостином дворе⁴⁶. В заметке «Взгляд на Иркутскую губернию», относящейся к началу 1830-х гг., сообщалось, что городские низы почти не заняты в промышленности и ремесле, «находясь большею частью в приказчиках и услугах у купцов, а другие в мелочных занятиях и работе»⁴⁷. Многие из торговых служащих, скопив капитал, со временем переходили в купечество. Большинство же мещан и цеховых вынуждено было кормиться собственным трудом.

Несмотря на то, что иногородним предпринимателям право осуществлять торговые операции разрешалось только во время ярмарок, а для производства постоянного торгового оборота они должны были записываться в иногородние гости с выплатой определенных сумм в доход города, обычной практикой было нарушение установленных постановлений. Иркутские купцы неоднократно указывали, что многие иногородние торговцы, имеющие лавки в гостином дворе, незаконно торгуют в них после окончания ярмарок, часто по просроченным свидетельствам, а также продают товары прямо из домов, в которых квартируют.

Особенно большие размеры приняло проникновение пришлого капитала на рынки Иркутска. В начале XIX в. только в мещанском гостином дворе иногородним торговцам принадлежало почти 35 % торговых помещений.

Существенным конкурентным фактором для купечества была торгово-промысловая деятельность местного казачества. Так, неоднократно на протяжении рассматриваемого периода забайкальские купцы жаловались властям на «подрыв» местным казачеством их монопольных прав на торговлю. А Иркутская городская дума рассматривала возросшую конкуренцию со стороны казаков в таких важных для местного купечества сферах предпринимательства, как подряды на перевозку казенных и частных грузов по Байкалу и рыбопромышленность, в качестве одной из причин сокращения численности местных купцов, наблюдавшегося в первой четверти XIX в.⁴⁸

К концу первой четверти XIX в. явно выявилась тенденция к постепенному сокращению купеческих капиталов на фоне заметного роста числа предпринимателей из других социальных групп. Например, в 1817 г. в Иркутске по данным городской думы, из 168 представителей торгового капитала только 53 торговца были купцами, в числе остальных: 47 торгующих мещан, 44 приказчика из тех же мещан, 13 иногородних гостей и 11 цеховых⁴⁹.

Упадок гильдейских капиталов в первой трети XIX в., ухудшение положения мещанства и цеховых сопровождалось противоположной тенденцией – ростом конкурентоспособности разночинцев, крестьян, ссыльных, возрастанием их роли в хозяйственной жизни города. Часть из них прочно обосновалась в городе, другие приходили сюда в поисках работы. Они активно включались в хозяйственную жизнь городов, конкурируя не только с мещанами и цеховыми, но даже с мелким купечеством. Кроме того, в городах было много временных и нелегальных жителей. Только в 1800 г. в губернском центре было задержано 592 человека, у которых не было паспортов, среди них – 44 крестьянина, 157 поселенцев из разных уездов, 391 беглый ссыльный⁵⁰. Эти люди брались за любую работу и вместе с городскими низами составляли основную среду, из которой в дальнейшем формировался сибирский пролетариат. В исторической литературе неоднозначно оценивают роль и место этой категории населения. Формально входившие в нее социальные группы не составляли основные податные городские сословия, но по

своему положению, образу жизни и хозяйственным занятиям были чрезвычайно близки к ним. С. И. Сметанин определял эту группу как «примыкающее самодеятельное население»⁵¹. «Именно в росте этой «внесословной группы, – справедливо замечает исследователь, – проявлялось разложение сословий, разрушение сословного принципа»⁵². Численность и удельный вес «примыкающего самодеятельного населения» за рассматриваемый период значительно выросли. В 1835 г. они составляли до 15 % всех предпринимателей Иркутска⁵³.

Группа, выделенная в «примыкающее население», состояла из лиц, фактически утративших определенное сословное положение и вынужденных искать новые источники существования. Они активно включались в хозяйственную жизнь городов, конкурируя не только с мещанами и цеховыми, но даже с мелким купечеством. Именно они в основном составляли значительную часть малого городского бизнеса. В 1857 г. в Иркутске, например, только разносчиков мелочных товаров было до 40 человек. Заметную группу составляли ломовые извозчики и развозчики речной воды. Их насчитывалось более 30 человек на 70 лошадей. Еще около 70 человек на 150 лошадей занимались булыжным извозом⁵⁴.

Активное участие в предпринимательской сфере самых разных социальных групп размывало сословный монополизм купеческого капитала и заставляло правительства искать компромиссные решения. Так, в 1812 г. была учреждена сословно-податная группа торгующих крестьян, получившая торговые права, сравнимые с купеческими. Утвержденные в 1824 г. дополнительные постановления «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» расширили круг лиц, которым разрешалась предпринимательская деятельность, введя категории мещан и крестьян, торгующих по свидетельствам различного рода. Этими же правилами были конкретизированы взаимоотношения между местными предпринимателями и иногородними. Городские власти получили возможность более действенного контроля за незаконными торговыми операциями на городских рынках. Функции по проверке незаконной и неуставной предпринимательской деятельности были возложены на специально создаваемые при городских думах торговые депутации. Первая такая депутация в Иркутске в составе купцов Я. Солдатова, Е. Сапожникова, М. Мягкоступова, Г. Саломатова присту-

пила к работе уже в 1825 г.⁵⁵ Сразу же члены депутации столкнулись с многочисленными нарушениями правил торговли со стороны приезжих торговцев. Среди нарушителей были иногородние купцы, крестьяне из российских губерний, бурятские перекупщики. Нередко нелегальная торговля принимала значительные объемы. Так, у илимского крестьянина М. Погадаева, квартирующего в доме мещанина Баженова было обнаружено около 7 тыс. беличьих шкурок, у киренского купца Сычева их было более 2 тыс. штук⁵⁶. По ходатайству депутации городская дума приняла решение запретить торговлю из частных домов, а крупные партии товаров складировать только в гостиных дворах и на бирже, где их можно было освидетельствовать и обложить акцизом.

Даже в самых отдаленных и маловажных городах региона местные власти стремились контролировать правильность производства торговли в ярмарочное и внеярмарочное время, взимать штрафы с нарушителей, облагать сборами все торговые сделки. Далеко не во всех городах были торговые депутации, поэтому проверки носили разовый характер. Сохранились сведения о подобной проверке киренской торговли, производимой чиновниками из Иркутска. Почти половину предпринимателей не удалось застать на месте. Они находились в отлучке в различных местах края. Поэтому были освидетельствованы торговые помещения купцов Маркова, Лаврушина, Полоскова, Синицына, С. Пежемского, А. Курбатова и П. Курбатова. Особых нарушений торговли не было отмечено. Торговые обороты киренских купцов сильно различались. Если у купца 2-й гильдии В. Маркова имелось 8 приказчиков, то у большинства остальных купцов приказчиков не было вообще, и они сами производили торговлю⁵⁷.

Существенное влияние на сословную структуру сибирского города оказывала ссылка. Среди основных занятий ссыльных были батрачество, промысловые работы, обслуживание водного и гужевого транспорта, ремесло. Хозяйственная деятельность их сдерживалась рядом правительственных постановлений. Выступая как один из отрядов наемной рабочей силы, ссыльные в то же время продолжали оставаться поднадзорными со значительными ограничениями свободы передвижения. Несмотря на противодействие властей, часть ссыльных оседала в городах. Со временем некоторые из них закрепляли свое положение переходом в городские сословия. В конце 1780-х гг. в обывательской

книге Иркутска было зафиксировано 50 домохозяев из ссыльных. Из них в мещанство было записано 10 человек, в цех – 32⁵⁸. Активно участвовали ссыльные в товарообмене с сельским населением. Иркутская городская дума неоднократно обращала внимание администрации на то, что ссыльные и разночинцы фактически захватили в свои руки развозной торг по уезду, превратившись в скупщиков крестьянского хлеба⁵⁹. Значительная часть ссыльных была задействована в мелочной торговле, объемы которой были невелики, но давали возможность прокормиться. Труд поселенцев и ссыльных широко использовался в городском товарном производстве. Многие нанимались к богатым ремесленникам, работали на промышленных предприятиях, но среди ссыльных были и такие, которые сами имели работников, нередко из числа своих же товарищей по несчастью. Свои изделия на рынок поставляли также мещане, крестьяне, разночинцы, ссыльные, которые, по признанию местных властей, «гораздо удобнее и дешевле готовят для городских жителей вещи всякого мастерства». По данным иркутской ремесленной управы, в 1828–1829 гг. в городе, помимо цеховых, занимались ремеслом 142 человека, большую часть которых составляли мещане и ссыльные⁶⁰.

Значительные размеры принимало участие забайкальских жителей в мелочной и контрабандной торговле вдоль российско-китайской границы. Обороты ее составляли до полумиллиона рублей в год, а участие принимали сотни человек с обеих сторон. Крупное купечество не без основания видело серьезных конкурентов в мелких торговцах, которые в обмен на свою продукцию приобретали китайские товары и развозили их по всей Байкальской Сибири. После введения беспошлинной пограничной торговли между Россией и Китаем в середине XIX в. в городах Байкальской Сибири наблюдается заметное расширение китайской диаспоры.

Таким образом, развитие торгово-промышленного хозяйства в Сибири и близость к китайскому рынку привели к возникновению купеческого капитала в городах Байкальской Сибири уже в первой половине XVIII в. Формирование регионального купечества в целом отвечало процессам и сословно-общественной организации городского населения, произошедшим в России в дореформенный период. Особенностью было отсутствие дворянского сословия и предпринимательства в Сибири, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским

купечеством и определило его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов. Несмотря на то, что в сибирском городе, как и по всей стране, численно преобладало мелкое купечество, лидирующие позиции в экономической и общественной структуре города принадлежали купцам-первогильдейцам, которые во многом определяли социальную активность и зрелость городских обществ. Качественные изменения, произошедшие в составе сибирского купечества на рубеже XIX вв. содействовали его консолидации и повышению роли в городском сообществе.

Купечество составляло лишь верхушку предпринимательского айсберга, в то время как малый и отчасти средний бизнес был значительно шире по своему социальному составу, включая в себя представителей практически всех податных сословий, а в Сибири еще и таких специфических групп, как ссыльные, инородцы, торгующие бухарцы, китайские предприниматели.

Отмеченные тенденции были характерны для крупных городов региона, прежде всего Иркутска. В малых городах с их неторговым экономическим и социальным развитием формирование городского населения проходило более медленно и в целом соответствовало тенденциям российского провинциального города.

Глава 2

АРХИТЕКТУРА И БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

2.1. Формирование планировочного и архитектурного облика

Вопросы социокультурного развития сибирского города в контексте его повседневной жизни в различные исторические периоды представляют несомненный научный интерес. В то же время далеко не все проблемы сибирской урбанистики в равной степени получили освещение в литературе. Так, почти не затрагивалась специалистами тема формирования пространственного и архитектурного облика города, становления среды обитания и городского обустройства. Между тем, как в свое время писал Н. П. Анциферов: «город дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени»¹. Образ этот включал в себя своеобразие городского ландшафта, особенности застройки и обустройства, связанные с индивидуальностью формирования каждого городского поселения. В основном данная проблематика рассматривалась с точки зрения истории архитектуры². В то же время социально-экономические и историко-культурные аспекты развития городской среды, позволяющие полнее и нагляднее представить этапы и динамику сибирского градостроительства, изучены слабо.

Основная часть городов региона возникла в ходе открытия и присоединения территории Восточной Сибири в середине и второй половине XVII в. Они выполняли на первом этапе своего становления чисто военно-административные задачи, заключающиеся в сборе ясака с коренного населения и охране подведомственных территорий. Превращение таких крепостных сооружений в крупные остроги, а затем в города свидетельствовало об умело выбранном месте, жизнеспособности поселения, благоприятных условиях его развития. В отличие от истории собственно сибирского города особенностям деревянной ост-

рожной архитектуры Сибири XVII в. посвящено немало работ³. Материалы этих исследований убедительно показывают, что первые сибирские города и остроги представляли собой сложное техническое сооружение, выполненное в лучших традициях русского градостроительного искусства.

В связи со сложной международной обстановкой в Приамурье и Забайкалье и началом маньчжурской агрессии против монгольских княжеств военное значение приграничных поселений заметно возросло. В 1680–1690-х гг. были расширены и перестроены укрепления Иркутска. Новая крепость была построена в Удинском остроге, контролировавшем как долину р. Уды, так и заселенгинские степи. Одновременно башни Селенгинска были укреплены обрубам, а вокруг посада сооружены надолбы и ров. Новые оборонительные острожные стены были возведены и в Нерчинске.

Очередной этап активного крепостного строительства на территории Байкальской Сибири был связан с уточнением границы между Россией и Китаем в 1726–1728 гг. Были проведены работы по укреплению Иркутска и Верхнеудинска. Они были обнесены с суши деревянными палисадами и рвами. Кроме того, изыскивались возможности для переноса крепостных сооружений Нерчинска и Селенгинска, местоположение которых было крайне неудачно. Также были разработаны проекты строительства новых крепостей Петропавловской на Чикойской стрелке и Троицкой на речке Кяхте.

Качественно новым в сибирском градостроительстве было присутствие на планах этого периода практически всех административных и гражданских построек. «Можно сказать, – отмечал А. Р. Артемьев, – что каждый из этих проектов, по существу, предопределял основные функции и официальный статус строящегося поселения»⁴. Под контролем российского посланника в Китай С. Л. Владиславича-Рагузинского были подготовлены первые планы городов региона. На плане Иркутска 1729г., выполненном М. Зиновьевым, городские кварталы показаны схематично, так как жилая застройка еще не заполнила все пространство внутри палисада. Планировка города выглядела бессистемной за исключением района острога, прямоугольный план которого определял сравнительно четкую стратификацию прилегающей территории с рыночной и соборной площадями. Не все планы С. Л. Владиславича-Рагузинского были претворе-

ны в жизнь. Так, Селенгинск и Нерчинск были перенесены на другие места только спустя столетие. Однако Петропавловская и Троицкая крепости, а также Кяхтинская слобода были построены солдатами Тобольского полка во главе с полковником И. Д. Бухгольцем почти в полном соответствии с проектными чертежами. Столь знаменитый в последствии город Кяхта возник на базе двух отдельных поселений. Сначала была заложена в июне 1727 г. в пустынной широкой долине небольшой речушки Кяхты крепость Ново-Троицкая. Затем в четырех верстах от нее была основана торговая слобода Кяхта. Хотя в официальных документах XVIII в. Кяхта называлась форпостом Троицкой крепости и действительно имела укрепления, ей суждено было длительное время играть важнейшую торговую роль как единственного пограничного пункта всей обширной меновой торговли между Россией и Китаем. В этом качестве Кяхта заметно отличалась по своему статусу и даже внешнему виду от других городов региона, являясь общероссийским центром международной торговли. В отличие от других городских центров, выросших из острогов, с самого своего основания Троицкая крепость и слобода Кяхта застраивались по специально разработанным планам.

Планировочная структура ранних городских поселений Сибири напрямую была связана с их военно-административной функцией. Практически все они представляли собой укрепленные остроги, или позднее крепости, выстроенные в форме квадратов или правильных прямоугольников. Особенностью было и раннее формирование элементов регулирования застройки, отличавшее городские поселения от сельской застройки. Прямоугольные острожные укрепления предопределили соответствующую им прямоугольно-параллельную сеть улиц. Несмотря на некоторые элементы правильной регулярной планировки, строительство все же велось в основном по принципу свободной застройки, а регулировка сводилась преимущественно к разделению городского поселения на острог, где размещались главные административные и общественные здания, и посад. Острог или крепость достаточно долго оставались заметным элементом городского пространства, организуя его вокруг себя. Среди городских строений этого времени несколько выделялись по размерам и архитектурному оформлению таможенные и приказные избы, гостиные дворы, воеводские дома. Застройка же посадской части города носила более естественный, хаотичный ха-

ракти и исходила, в основном, из рельефа местности. На начальном этапе формирования городского посада застраивалось пространство между крепостью и рекой. Отдельные усадьбы, смыкаясь друг с другом, образовывали более или менее компактные линии застройки с подбором улиц между ними. Обычно квартал застраивался по периметру с таким расчетом, чтобы жилые дома выходили на улицу фасадом. Интервалы между ними застраивались глухими высокими заборами. Разрывы между домами выполняли противопожарную функцию. Документами предписывалось оставлять между строениями разрыв в 8,5 метров, но обычно было заметно меньше⁵. В первой половине XIX в. между жилыми усадьбами стали иногда выстраивать каменную противопожарную стену.

Определяющее воздействие на формирование уличной сети оказывали реки и проходившие через город транспортные магистрали. Надо признать, города и остроги конца XVII – начала XVIII в. имели выразительный силуэт, удачно вписываясь в излучину или устье реки, либо находясь на высоком ее берегу. Как подчеркивала Э. Г. Истомина, «город легко «ложился» на рельеф местности, плавно входил в природное окружение. Его доминанты – башни крепости, храмы, колокольни – обычно располагались свободно и царили над низкой жилой и общественной застройкой»⁶.

Значительным событием в жизни первых острогов и городов края было строительство часовни или церкви, так как оно свидетельствовало об устойчивости данного поселения, его стабильности и административной значимости. Эту тенденцию церковного строительства точно подметил П. А. Словцов: «Где зимовье ясачное, там и крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное, там церковь и пушка... А где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь, кроме церкви»⁷. В среднем деревянные городские церкви стояли не более 25–30 лет. Одни быстро ветшали и требовали капитальной перестройки, другие оказывались маловместительными для постоянно растущего прихода, но больше всего они, как и другие деревянные постройки городов, страдали от пожаров. Уже с середины XVIII в. коронная администрация рекомендовала в сибирских городах строить каменные храмы. Окончательную точку в этом вопросе в 1800 г. поставил указ Павла I, предписывающий: «Вместо погоревших или обветшавших деревянные

церкви не строили бы, но строили бы везде каменные». Каменное культовое строительство производилось только в городах. В Иркутске уже к концу XVIII в. все городские храмы были перестроены в каменные. Всего же в губернском центре к началу XIX в. действовали 13 каменных церквей: 10 приходских, Богоявленский собор, по одной домовая и кладбищенская. Кроме того, рядом с городом были расположены Вознесенский мужской и Знаменский женский монастыри. Столь значительный размах церковного строительства в Иркутске был связан не только с ролью крупнейшего административно-торгового центра Восточной Сибири, но, прежде всего, с его предпринимательскими кругами, частично или полностью взявшими на себя бремя финансовых расходов по строительству каменных церквей. Многие из иркутских храмов послужили своеобразным образцом при строительстве приходских церквей в других населенных пунктах региона.

Для сибирских городов, так же как и для большинства русских, свойственно было прибрежное расположение, так как речные артерии в это время выступали главными магистралями, по которым, собственно, и шло освоение новых территорий. На берегах Ангары были воздвигнуты Иркутск и Балаганск, на Лене Верхолениск и Кирениск, на Селенге – Верхнеудинск и Селенгинск. На небольших реках Уде, Илимке, Баргузине, Нерче появились соответственно Нижнеудинск, Илимск, Баргузин и Нерчинск. Во всех этих городах набережные становились главными фасадными частями. О них заботились, старались выделить из общей застройки. Реки играли ведущую роль в организации городской застройки, которая, так или иначе, ориентирована была на береговую часть, создавая выразительную панораму сибирского города. Особенно живописными выглядели набережные Иркутска и Верхнеудинска, удачно сочетавшие рельеф местности с высотными доминантами острожных башен и церквей.

В то же время прибрежное расположение большинства острогов и городов Сибири приносило дополнительные трудности жителям. Частые разливы рек сопровождались разрушением берега, подтоплением и сносом жилых построек. Вообще, следует сказать, что выбор места для основания того или иного города был больше связан с общим местоположением его как стратегического и административного центра, а не с конкретными условиями местности. Даже Иркутск, быстро ставший

важнейшим общесибирским центром, по мнению некоторых историков, был построен далеко не на идеальном месте. Так, П. А. Словцов отмечал, «что низменная площадь, на которой уселся острог с селитьбою, есть речной намыв Ангары, известковый и холодный, едва ли к концу лета нагревающийся до +7–0. Действительно, физическое положение этого места неважное: горизонт зрения перегорожен береговыми кряжами, с одним просветом к Тобольску, почва беспокойная по смежности вулканических Байкальских гор, быстротекущая Ангара и Иркут безрыбны, одна Ушаковка дает легкую воду и целебное купанье»⁸. Из-за неудачного расположения некоторые остроги и города региона были позднее перенесены на другое место. Еще в XVII в. были перенесены Верхоленский острог и Якутск, в следующем столетии – Балаганский острог. На длительное время затянулось перемещение на более удобные места Селенгинска и Нерчинска.

История планировки и застройки каждого города была теснейшим образом связана с особенностями социально-экономических, общественных и культурно-бытовых процессов, ролью и местом в истории края. Различной была судьба городских поселений региона. Одни рано оформились как значительные административные и торговые центры локальных территорий (Верхнеудинск, Нерчинск), другие выдвинулись в ряд крупнейших городов Сибири (Иркутск) или получили даже общероссийское значение (Кяхта). Большинство же городов региона оставались небольшими пунктами уездного управления и транзитной торговли (Киренск, Нижнеудинск, Баргузин). Некоторые из них лишь короткое время числились городами (Балаганск, Верхоленск, Сретенск, Доронинск), другие знали в своей жизни лучшие времена (Илимск, Селенгинск).

Первоначально жилая застройка в Иркутске формировалась по берегу Ангары справа и слева от острога. Причем, быстрее она росла в Идинском направлении, где берег был выше и в меньшей степени подвергался затоплению при разливах Ангары. Именно в эту сторону от острога начинает формироваться торговый центр с деревянным гостиным двором и таможней. Развитию этой части города содействовало ее положение: сюда выходила переправа, соединявшая город с Московским трактом, а также выход к берегу р. Ушаковки (Иды), где уже с конца XVII в. располагались мукомольные мельницы, лежали сенокосные и пашенные угодья горожан. Противоположная Ангар-

ская сторона развивалась более медленно. Территория здесь была низменная, покрытая небольшими болотцами. Местность в районе будущей Троицкой церкви получила в народе название «Потеряхиха». В топких болотцах и озерах ее часто терялся домашний скот иркутян.

В 1726 г. Иркутск был обнесен палисадом с тремя воротами. Два из них находились в Идинской части (Мельничные и Монастырские), еще одни – Заморские – открывали путь вверх по Ангаре к Байкалу. Сам палисад стал заметным градоформирующим фактором, определяя направление части улиц на выходы из города. Другим фактором стала береговая планировка, заставлявшая улицы искать выход к воде. В середине XVIII в. застройка переходит за палисад и начинает подходить к нагорной части города. По традиции город еще долго делился на две части: Ангарскую и Идинскую. Границей между ними была Заморская улица, шедшая от острога к Заморским воротам. Эти две части делили город почти наполовину. В Ангарской насчитывалось 4 квартала, в Идинской – 5. К концу XVIII в. начали формироваться еще два района города: Нагорный, охвативший застройкой территорию за палисадом, и Знаменский, протянувшийся узкой полосой вдоль правого берега Ушаковки.

Расширение территории города сопровождалось ростом обывательской застройки. Уже в 1735 г. в городе насчитывалось 939 домов. К 1769 г. количество домов выросло до 1153, к концу века их было уже более 1500, а 1823 г. – 1736⁹. Всего за рассматриваемый период городская застройка возросла почти вдвое. Городские усадьбы были сплошь деревянные и включали в себя хозяйственные постройки, огороды и сады. В административные и жилые здания постепенно проникали элементы классицизма, внося некоторое оживление в патриархальные постройки старомосковского типа. Так, при перестройке в 1725 г. дома губернатора в нем были сделаны большие окна на «петербургский или итальянский манер». Преобладанию деревянной застройки способствовали близость хорошего строевого леса в окрестностях города, облегчавшая его заготовку и доставку, и сравнительная дешевизна этого материала. В середине XVIII в. на Кае была построена казенная пильная мельница для приготовления из бревен теса. Но, несмотря на это, по-прежнему, широко использовался «топорный» лес, «ибо здесь в лесе никогда впрядь и никакому недостатку... быть не уповательно»¹⁰.

Начало каменного строительства в Сибири было связано с рядом царских указов конца XVII в., предписывавших возводить церковные и казенные здания: приказные избы, таможи, «каменные анбары» для «всяких нужд и кладки», из камня или кирпича в целях борьбы с частыми пожарами. Грамоты Сибирского приказа детально разъясняли технологию кирпичного производства и растворов, правила кладки. Так, осенью 1697 г. в Нерчинске было получено предписание строить стены гостиного двора и таможенной избы из «дикого камня», либо из жженого кирпича на глинистом растворе, смешанном с песком, «буде извести нет»¹¹. Для возведения каменных зданий и обучения сибиряков «каменному строению» практиковалась отправка из Москвы опытных мастеров и каменщиков. Первые каменные строения появились в Тобольске и Верхотурье. Затем мастера, здесь работавшие, были отправлены в другие города Сибири. Так, в Иркутске появились Моисей Долгих и Куприян Андреев, построившие первое в городе каменное здание Приказной избы в 1701–1704 гг.¹² Правительство и в дальнейшем поощряли каменное строительство в российских городах, в том числе и в Сибири. Так, указ Сената от 12 декабря 1765 г. предписывал «во всех городах канцелярии, архивы, губернские и воеводские дома и прочие публичные строения для лучшей безопасности и крепости делать каменные»¹³.

В первой половине XVIII в. в Иркутске было всего пять каменных строений: воеводская канцелярия, пороховой погреб, казенная пивоварня и два храма – Спасская церковь и Собор Богоявления. Первый частный каменный дом построен в 1745 г. купцом М. И. Глазуновым. В конце XVIII в. в губернском центре, по подсчетам А. Н. Гаращенко, было уже 34 каменных постройки, 24 из которых были частными. Дома были разные: одноэтажные, как, например, у Сизых, Харинского; порой – крупные двухэтажные жилые дома с лавками, принадлежавшие именитым богатейшим купцам того времени С. Дудоровскому, Мыльникову, Медведникову, Киселеву, Иванову, и даже трехэтажный дом М. В. Сибирякова¹⁴. Среди собственников каменных домов были и состоятельные мещане. Так, владельцем каменной постройки был мещанин М. Красногоров, служивший приказчиком у московского купца В. Я. Жигарева и имевший собственную меховую торговлю. Дочь свою Елизавету он выдал замуж за купца первой гильдии Медведникова. Эти изменения в

быту зажиточных иркутян отметил один из первых краеведов А. И. Лосев. «Первостатейные купцы, – писал он, – имеют огромные каменные хорошо устроенные дома с выгодным внутри расположением, на дворе службы, погреба и амбары, есть и садики в огородах. Мещане строят дома хотя менее, но порядочны, имеют зал, столовую, гостиную, спальню и кабинет»¹⁵. Купеческие особняки как деревянные, так и, особенно, каменные, образовывали особую структуру, формирующую торговые зоны города, обычно входящие в состав делового центра. Роль купечества в формировании городской топонимики выражалась и в том, что многие улицы и переулки сибирских городов получили свое название по тем или иным купеческим усадьбам. В Иркутске, например, в честь крупных купеческих фамилий были названы улицы Мыльниковская, Трапезниковская, Баснинская, Медведниковская, Саломатовская и др.

Каменное строительство оказало заметное влияние на изменение привычного представления о городе. Прежде всего, это серьезно повлияло на развитие городской экономики, так как почти в каждом городе появились кирпичные заводы и ремесло каменщиков становилось достаточно престижным. Во-вторых, это серьезно изменило ритмичность восприятия города. Если деревянный город воспринимался только в одноэтажной плоскости, за исключением церквей, то сейчас появилась уже двух – трех – этажная вертикаль и горизонталь. При этом у горожанина возникло ощущение праздничности, ибо все эти здания строились в привычном стиле барокко – весьма нарядном и праздничном. Частные каменные дома были разными по этажности, объему, с лавками и без оных, поэтому и цена их при постройке была различной. Так, двухэтажный дом Лычагова в 1809 г. оценивался в 2110 р. В тоже время такой же двухэтажный дом купца С. Дудоровского, значительно больший по размерам стоил уже 10 тыс. руб. Двухэтажный дом С. Киселева с лавками на толкучем рынке оценивался в 14 тыс. руб.¹⁶ Деревянными домами стоили на порядок меньше. Так, в 1809 г. деревянные дома купцов П. Березина и В. Котельникова, мещан М. Торлопова и братьев Бречаловых оценивались в 500 руб., мещанина В. Суханова в 300 р., К. Куроптина, П. Абрамова и И. Смагина в 150 руб., Л. Моисеева и цехового Х. Кислицина в 100 руб. и т. д.¹⁷

Медленный рост частного каменного строительства объяснялся не только большими затратами. Помимо материального фак-

тора сказывалось некоторое негативное отношение горожан к каменным постройкам. Как отмечал один из современников: «В Иркутске жители и по экономии и по предрассудку не любят строить каменных домов: они полагают, что каменные дома всегда сохраняют в себе сырость, и потому вредны для здоровья»¹⁸. Причиной была также нехватка мастеровых. В Иркутске существовали смирительный и рабочий дома учрежденные первый – в 1787, а второй – в 1789 гг. Их квартиранты занимались различными ремеслами, в том числе и работой с камнем, но не могли полностью закрыть потребности горожан. Иркутский военный губернатор Б. Б. Леццано, объясняя причины «по коим терпит город крайнюю нужду в мастерствах», просил разрешение «из числа присылаемых в Иркутскую губернию преступников выбрать мастеровых, как то: каменщиков, плотников, столяров, кузнецов, слесарей и других, знающих разные ремесла, до 100 человек»¹⁹.

В относительно крупных масштабах каменное строительство шло лишь в Иркутске, где была сосредоточена почти половина всех частных строений Сибири. В начале XIX в. в Сибири насчитывалось 222 каменных постройки, из них 113 культовых, 4 крепостных, 33 административно-хозяйственных, 72 частных. Из них в Иркутске – 16 церквей, архиерейский дом, семинария, 10 административно-хозяйственных зданий, в том числе два гостиных двора, 31 частный дом. В Верхнеудинске – 3 церкви, 5 частных домов, Нерчинске – церковь, пороховой погреб. В других городах каменные строения не показаны вообще²⁰. К середине XIX в. каменная застройка в Иркутске возросла в два раза, но, по-прежнему, город был деревянным. Среди казенных зданий города каменные строения составляли почти половину (48 %), в то время как в частной застройке на их долю приходилось всего 2 %.

Наиболее крупными городами Забайкалья в XVIII в. были Верхнеудинск и Селенгинск. Объединяло их то, что они располагались на одной и той же реке, и были тесно связаны с развитием торговых связей с Монголией и Китаем. Их планировочная структура получила некоторую степень организованности, проявляющуюся в преобладании продольных улиц, проложенных вдоль реки, пересекавшихся более короткими поперечными улицами и переулками. Пока существовала караванная торговля в Китай, центром которой был Селенгинск, город был на подъеме. Здесь находилась резиденция воеводы, при котором действовала Канцелярия пограничных дел, таможенное управление,

военные и артиллерийская команды. Долгое время военных здесь было больше, чем гражданского населения. Городской магистрат Селенгинска управлял делами подведомственных ему жителей Верхнеудинска и Кяхты. Планировка города складывалась свободно. В середине века он состоял из продолговатых массивов усадебных участков, протянувшихся вдоль реки. В 1760-х гг. для укрепления обороноспособности города с восточной стороны было сооружено несколько бастионов, соединенных надолбами. С отменой караванной торговли и развитием товарообмена в Кяхте Селенгинск постепенно теряет роль экономического центра Забайкалья, уступив Верхнеудинску в 1783 г. и главенство в административных делах. На жилой застройке сказалось также его неудачное местоположение на низком и песчаном месте, постоянно заливаемом разливами реки. «Невозможно выбрать худшего местоположения как сие», – отметил в своих записках Дж. Белл, проехавший через Селенгинск в мае 1720 г.²¹ Довершили упадок города два страшных пожара 1780 г., уничтожившие почти все постройки²². Несмотря на то, что город удалось в основном восстановить и были даже построены новый каменный собор и гостиный двор, в нем уже не было «ни благородства, ни достатка». В 1822 г. он был переведен в разряд «заштатных» городов Верхнеудинского уезда, а спустя два десятилетия перенесен на новое место и стал называться Новоселенгинском.

Верхнеудинск же, напротив, постепенно становился главным торговым центром Забайкалья, направляя товаропотоки как в верховья Селенги, так и по Уде в Восточное Забайкалье. С 1768 г. в городе была учреждена ежегодная ярмарка, заметно повысив его роль в формировании региональных торговых связей. Первоначально застройка посадской части теснилась около реки Уды. На плане 1727 г. М. Зиновьева помимо старого острога на горе, показан новый, окруженный по периметру палисадной стеной с рогатками. В нем и размещался городской посад. Его территория имела плотную квартальную застройку. Роль архитектурно-композиционных узлов выполняли церковные площади. Три церкви города – Спасская, Троицкая и Одигитриевский собор являлись высотными доминантами панорамы Верхнеудинска. Деревянные церкви, выполненные по образцам храмов русского Севера, во второй половине XVIII в. заменили каменными. Особенное значение для архитектурного облика города

имел собор, замыкавший своим силуэтом главную Большую улицу. Не случайно его положение принимали за исходную точку при определении сетки улиц на планах конца XVIII – начала XIX вв. В конце XVIII в. в городе появляются дома, выделяющиеся своими архитектурными достоинствами из общей застройки сельского типа. Так, П. С. Паллас выделял дом коменданта Мертвцева, построенный в 1766 г. Он же обращал внимание на некоторые городские дома, которые имели улучшенное освещение – «слюденные окончины») – и отопление «по белому», а также такие архитектурные излишества, как балконы и галереи²³.

Самый восточный город Иркутской губернии Нерчинск, бывший когда-то воротами в русскую Даурию, переживал в XVIII в. не лучшие времена. Его былая слава и роль главного центра русско-китайского торгового обмена осталась в прошлом. Уже к 1726 г. острог обветшал, а часть крепостных сооружений была унесена водой во время частых разливов р. Нерчи. Г. Ф. Миллер в 1735 г. отмечал, что крепость «...большей частью сгнила и развалилась и совершенно не в состоянии служить городу защитой при вражеском нападении»²⁴. Вне крепости находились две церкви – каменная Троицкая и деревянная Воскресенская, городская ратуша, таможня с купеческими лавками и 145 жилых дворов. Некоторое оживление городской жизни в Нерчинске произошло в середине XVIII в., когда город стал местом пребывания секретной Нерчинской экспедиции, целью которой было выяснение возможностей плавания по Амуру для снабжения морских портов на Тихом океане. Для укрепления города были проведены работы по восстановлению крепостных сооружений. Севернее старой крепости были возведены два земляных бастиона, а в самом городе была открыта навигационная школа. На дальнейшем развитии города негативно сказалось образование Нерчинского горного округа, принадлежавшего Кабинету. В 1765 г. по указу Екатерины II все крестьянское население Восточного Забайкалья было приписано к Нерчинским заводам, что практически остановило переход какой – либо его части в городские сословия²⁵.

Изменения в судьбе Киренска также были связаны с административными реформами Екатерины II. В 1764 г. была образована Иркутская губерния, в состав которой вошли города Иркутск, Нерчинск, Селенгинск, Якутск и Илимск «с принадлежащими к ним дистриктами, слободами и острогами». В отношении Илимского уезда было предложено: «из Илимска, за неудобно-

стью там места... и во отдаленности его от принадлежащих к оному жилищ, воеводское правление перенести в Усть-Киренский острог и переименовать, а в Илимске оставить комиссарство»²⁶. С переносом управления Илимск все более теряет свое значение, превратившись в захудалый заштатный город. Свидетелем запустения города стал А. Н. Радищев, отбывавший здесь ссылку в 1792–1797 гг. «Во всем Илимске, – писал он, – 45 домов, тот, в котором я живу, 46-й и вместе с церковью и городской ратушей стоит посредине поселка. Дома расположены на месте старой крепости, или острога, от которого остались только несколько башен, угрожающих падением. Кроме этих 45 домов есть еще домов 15 пустых и необитаемых... Население состоит из мещан, казаков и крестьян и не превышает 250 душ обоего пола»²⁷.

С переездом в 1775 г. уездного управления в Усть-Киренск начинает меняться облик поселения, строятся казенные и общественные постройки, присутственные места, растет население. Краткие сведения о Киренске 1785 г. были собраны первым его городничим Градковским. Город занимал площадь в длину на пять, в ширину на полторы версты и представлял в плане неправильный продолговатый четырехугольник. Городничий разделил город на 5 улиц и дал им названия²⁸. Улица, лежащая под горой по берегу Лены получила название Набережной, по той же линии левую сторону наименовали Ямской. На горе над берегом Лены расположились новые постройки Разночинской улицы. Здесь селились люди разного звания, по большей части появившиеся в городе после переезда сюда воеводского управления. Еще выше на горе вблизи дома городничего пролегла улица Казачья, а находящаяся за Троицким монастырем улица получила название Троицкой. Часть построек была переделана из острожных башен. Рост городского населения потребовал расширения городских земель под строительство домов и выделения огородов. Но особенно сложным оказалось наделение города пахотными и сенокосными угодьями. По межевой инструкции надлежало прирезать во все стороны выгона на 2 версты. Но расширить выгон можно было, только урезая крестьянские земли, окружавшие Киренск. Уже в 1777 г. были произведены первые отрезки от крестьянских земель. Затем при составлении плана города и окрестностей в 1785 г. пригородные крестьяне потеряли еще часть покосов и скотских выпусков. Всего Киренску отводилось 2114 дес. 629 кв. сажень, в числе которых удоб-

ной для выгона земли было всего 615 дес. 2339 сажен²⁹. Из их числа только 63 десятины, т. е. всего около 10 % были заняты городскими строениями.

Следует сказать, что сибирские города никогда не были стеснены в земельном отношении. Доля земли под городской застройкой составляла очень небольшой процент от общей земельной площади, которая отмежевывалась городам. Например, в Иркутске доля застроенной территории в 1798 г. составила 16,5 % от всей удобной для хозяйственных занятий земли. Если же считать от всей отведенной городу территории, то под жильем находилось всего 6,2 % городской земли. К 1819 г. территория жилой застройки возросла в два раза. Также обстояло дело и в западносибирских городах, в которых площадь жилой застройки не превышала 10–15 % всей городской территории³⁰. Таким образом, сибирские города располагали значительным резервом для расширения площади застройки, что в свою очередь не стимулировало повышение этажности и уплотнения жилых кварталов. Так было, по крайней мере, до конца XIX в.

В XVIII в. городская застройка Сибири была представлена замкнутыми усадебными комплексами, включавшими в себя небольшой жилой дом на подклете и хозяйственные постройки. По мнению П. Словцова, в этот период «дома были скромные жилища, без украшений, без мебели»³¹. О постройках Иркутска середины XVIII в. Е. А. Авдеева-Полевая записывала в своих записках: «Лет сорок назад все дома строились самым старинным манером. Обыкновенно двор обносили высоким забором, что в Иркутске называют заплот; большие ворота были заперты засовом и отпирались только для проезда экипажей; для пешеходов была сделана калитка... Передний двор вымощен бывал досками. Дома были высокие и строились в два жилья: вверху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, которую называют там подклет, и кладовая, по-тамошнему, подвал. В иных домах были мезонины, которые называют в Иркутске чердаком; они были по большей части холодные»³². Она же отмечала, что раньше плотность заселения дома была значительно большей: «Трудно поверить, сколько помещалось людей в двух, трех комнатах. Можно сказать, что где нынче тесно четверем человекам, там в старину жили десять и были здоровы и веселы»³³. Вопрос о среднем показателе проживающих в городских домах не так прост, как кажется. В целом, в сибирских городах преоб-

ладали небольшие жилые дома, занимаемые чаще всего одной семьей. Показатели людности колебались от 5,6 чел. в Нижнеудинске до 7 в Киренске или Нерчинске. Своеобразие Троицко-савска проявлялось и здесь. В самом городе на один дом приходилось в 1829 г. до 7,5 человек, а в Кяхтинской слободе, где имели право проживать только купцы-оптовики, всего 4 человека. В целом, средний показатель в регионе был несколько выше, чем в Западной Сибири, где в 1851 г. средняя норма жителей на дом составляла 5,8 человек³⁴. Наиболее высокий показатель был в губернском центре. В первой половине XIX в. он составлял в среднем до 8 чел., а к 1850-м гг. достиг 10³⁵. В Иркутске заметно больше было временного населения, приезжающего сюда по торговым делам или на службу. Значительный процент составлял военный контингент. Все это и приводило к тому, что показатели города заметно превышали общероссийский уровень. По данным Ю. А. Гагемейстера, средняя норма городских жителей России на один дом в середине XIX в. не превышала 8 чел.³⁶

В середине XVIII в. правительство предпринимает усилия по перепланировке старых городов, стараясь заменить запутанные лабиринты улиц квартальной «шахматной» системой или иными вариантами «регулярной» планировки городов. Уточнение и разработка новых планов городов была связана со сносом ветхих домов в центральных кварталах, высвобождением свободных зон для новых площадей и городских центров. Хотя и с опозданием эти работы затронули и сибирские города. Их скученная и беспорядочная застройка представляла значительную опасность в пожарном отношении, не говоря уже о том, что она совершенно не отвечала идеям создания регулярного, благоустроенного европейского города. Активная градостроительная программа правительства наталкивалась на сопротивление городского общества, которое не хотело терять свои участки застройки, а многие и не имели возможности переносить дома в другие районы. В Иркутске уже к середине XVIII в. земельные участки в центре города, «особливо по близости к городской крепости и к торговым местам», стоили довольно дорого и в наказе в Уложенную комиссию местное купечество просило предоставить их за владельцами «в вечное потомство». В том же документе было записано: «...Кто из жителей пожелает вновь строиться, тем под постройку домов и огородов дозволить отводить земли по препорции; тем же всем людям по принадлежа-

щим улицам строиться линейно, а старых дворов и никакого строения для прямизны улиц не ломать, дабы жители от того не могли понести себе разорения»³⁷.

К концу XVIII в. вслед за городами Европейской России города Сибири встали на путь перехода к регулярной планировке и рациональному освоению территории. «Живописный» город постепенно превращался в «регулярный». Становление перспективных планов шло трудно и занимало много времени. Известным препятствием на пути составления и внедрения планов были традиции старой застройки. Сказывалось также отсутствие опыта работы. Из-за этого прогностическая функция планов зачастую оказывалась безрезультатной. Нередко в уже утвержденный план вносились дополнения и изменения. Создание перспективных планов способствовало формированию и закреплению в исторической перспективе городского ядра, административных, торговых, духовных центров, направлений главных магистралей.

Основные этапы эволюции планировочной системы города, его силуэтной композиции наглядно прослеживаются в материалах картографического наследия сибирских городов. Количество только известных планов Иркутска насчитывает до 40 экземпляров³⁸. Одним из первых проектных планов Иркутска можно считать план 1768 г. с указанием территории для торговой и промышленной застройки, административного и торговых центров, комплекса существующих каменных культовых зданий. В 1792 г. был утвержден первый регулярный план Иркутска, выполненный архитектором Алексеевым. Он сохранял композиционную основу старой части города и намечал более четкую прямоугольную структуру в новых направлениях, за линией прежнего палисада. Иркутск к этому времени вытягивался вдоль основных торгово-почтовых трактов – Московского, Якутского, Байкальского, формируя новые предместья и слободы. В эти же годы разрабатываются планы и для других городов региона. В 1798 г. Я. Федоровым были составлены планы для всех уездных городов Иркутской губернии. Для большинства малых городов они представляли фиксированные чертежи. В то же время такие города, как Верхнеудинск, Киренск, Нижнеудинск, Якутск получили планировочную структуру. Для них было выполнено функциональное зонирование городской территории, определены места для административных учреждений, а основным планировочным элементом выступали торговые площади с гости-

ными дворами. Наряду с общими планировочными приемами можно заметить и некоторые отличительные признаки, вызванные индивидуальными градостроительными ситуациями. Так, план Верхнеудинска определялся широтной и меридиональной трассировкой улично-квартальной сети вдоль берегов Селенги и Уды, а также въездом со стороны Иркутского тракта, который в границах города становился главной улицей. Здесь формировались торговая и гостинодворская площади. Выстроенные к этому времени церкви сохраняли свое доминирующее положение, замыкая собой перспективу основных улиц³⁹. На плане Нижнеудинска были отмечены как собственно город на правом берегу р. Уды, так и Подгородная слобода на противоположном. Но если для города применена регулярная перспективная застройка, то слобода показана с живописной планировочной структурой. Тем самым автор плана соединил два разных градостроительных принципа: живописный и регулярный⁴⁰. Существенной особенностью нового подхода была организация квартального пространства. Например, на плане Киренска было выделено пять типов кварталов и показана их застройка. Во всех вариантах были представлены не только «обывательские строения», но и хозяйственные постройки.

Первоначальная застройка вокруг Кяхтинского форпоста и Троицкой крепости во многом определялась рельефом местности, расположением речек, а также Селенгинской дорогой, пролежавшей мимо крепости к торговой слободе. План 1792 г. определял для Троицкой крепости форму многоугольной звезды с квадратной площадью в центре и прямоугольной сеткой улиц. Направление застройки во многом определялось городским ландшафтом, главную роль в котором играли три небольшие речки, обычно маловодные, но в период распутицы превращающиеся в бурные потоки. Эти речки делили город на три части, в которых и формировались жилые массивы. Каждая из частей получила свою прямоугольную сетку улиц. Объединяющей осью служила Селенгинская дорога, именовавшаяся в пределах города Большой улицей и пересекавшая его с севера на юг. План Кяхтинской слободы того же времени предполагал приведение в порядок стихийно сложившейся застройки севернее и западнее форпоста. Планы середины XIX в. сохранили в целом сложившуюся градостроительную ситуацию, предлагая лишь дальнейшее ее развитие и упорядочение⁴¹.

В планировке и застройке городских центров Сибири в этот период значительное место уделялось формированию деловых центров. Ядром их обычно становились торговые площади с крупными объемами гостиных дворов, торговых рядов, лавок, рынков, таможенных помещений. Особенно ярко торговая инфраструктура проявлялась в ярмарочных городах региона Иркутске и Верхнеудинске. Центральной частью города гостиные дворы были также в Кяхте и Нерчинске. Неустанной заботой губернских властей было формирование административных центров, в которых сосредотачивались различные казенные постройки, здания городского самоуправления и другие присутственные места. В направлении основных городских центров сходились главные улицы и дороги. Остальное пространство города приобретало самостоятельное значение и требовало специальной архитектурной организации. Этим и было вызвано пристальное внимание к разработке типовых фасадов зданий, к которым переходила главная роль в формировании облика города. Число домов по уставу Управы благочиния не должно было быть более 100 на квартал. Но в сибирских городах установленная норма не соблюдалась. Здесь в квартале могло быть от 130 до 200 жилых строений и более, «как по малости домов, так и по скудости жителей, между которыми есть не малое число отставных и служащих гарнизонных солдат и казаков, которые никакой городской тягости нести и полицейской службы исправлять не могут»⁴².

Особое место в городской архитектуре занимали соборные площади, на которых располагались комплексы церковных построек, включающие обычно кроме храмов и другие духовные учреждения. Их высотные, живописные объемы во многом определяли силуэт и выразительность панорамы города. С исчезновением крепостных и острожных ансамблей, определявших силуэт города в конце XVII – первой половине XVIII вв., главенствующая роль в формировании городского облика переходит к культовой архитектуре. Строительство церквей, кроме того, существенно меняло планировку города, создавая новую систему площадей и улиц. Место строительства храмов определялось с учетом ландшафтных особенностей. На ровных и низменных площадках города церкви строились вдоль береговой полосы и хорошо просматривались при въезде в город. При их сооружении в глубине застройки обычно выбирались наиболее возвышенные места, создавая тем самым второй план городской

панорамы. Таким образом, церкви и соборы завершали и подчеркивали наиболее выигрышные в композиционном отношении черты ландшафта, что придавало городам неповторимую индивидуальность⁴³. Конечно, в первую очередь это касалось крупных городских центров Сибири, таких как Иркутск, в котором большое количество храмов определялось наличием духовного управления, а главное многочисленным и зажиточным купечеством, щедро финансировавшим церковное строительство.

Работы по планировке провинциальных городов велись под руководством Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы, основанной в самом начале царствования Екатерины II. Одной из задач ее было распространение принципов типового и повторного строительства на территории страны. Под руководством Комиссии были разработаны и рекомендованы для внедрения книги типовых проектов фасадов жилых домов. Первая такая книга «Опыт городским и сельским строениям» вышла в 1785 г. Однако на практике к типовому строительству в глубинке обращались мало. Сам характер строительства в провинциальных городах препятствовал широкому применению типовых проектов. Только центры городов, где застройщиками или координаторами массового строительства выступали в основном губернские власти, получали более или менее целостное ансамблевое решение.

Лишь в начале XIX в. «образцовые» проекты становятся основой массовой городской застройки, обеспечивая ей высокое качество и уникальное стилевое единство⁴⁴. Архитектурно-планировочная система многих русских городов строилась на уже известном принципе соподчинения массовой типовой застройки с уникальными опорными зданиями. Индивидуальные проекты создавались лишь для таких значительных сооружений, как соборы, гостинные дворы, тюремные замки и другие значительные административные и жилые здания дворцового типа. Новая серия типовых проектов жилых домов и других частных построек была издана в 1809–1812 гг. В пяти альбомах были представлены 224 проекта жилых, хозяйственных, промышленных, торговых и других зданий и свыше 60 проектов заборов и ворот⁴⁵. В отдаленных городах эти альбомы были почти единственным практическим руководством для местных архитекторов и строителей. Многообразие во внешнем облике зданий не наблюдалось, порой одни и те же чертежи использовались при

возведении нескольких домов, но таковы были требования к застройке городов – только по утвержденным фасадам. Сохранившиеся чертежи фасадов, выполненные А. И. Лосевым, являются его копиями поступивших в Иркутск типовых фасадов. Лосев их сам не разрабатывал, и не потому, что не умел: он должен был исполнять предписание существовавших в то время нормативных документов, в соответствии с которыми застройка велась по уже разработанным и апробированным фасадам. Но остальная часть дома отдавалась на разработку местных архитекторов. Будучи людьми творческими, местные архитекторы вносили в типовые фасады свои изменения. Им так же было необходимо «привязать» постройку к конкретному месту и следить за ведением строительства.

Ряд проектов рекомендовал для применения раскрашенные фасады. Цоколи окрашивались в серый цвет, стены домов в светло-желтый, светло-зеленый, светло-серый или светло-синий цвета. Преобладались зелеными или красными. Такая окраска соответствовала изданному в 1817 г. указу, запрещавшему применение ярких красок и рекомендовавшему красить здания в бледные тона, образцы которых рассылались на специальных «дощечках»⁴⁶. К этому же времени относится проникновение в городскую застройку новых стилистических приемов, связанных со стремлением придать деревянному дому сходство с каменным. Обычно дом обшивался тесом для придания ему имитации каменной кладки. Также отделялись все основные детали здания. С помощью таких приемов дома приобретали городской вид. Наиболее популярны подобные приемы были среди чиновничества, купечества и зажиточных мещан. Естественно, чем больше и богаче был город, тем большее количество домовладельцев стремилось соответствовать новым веяниям. В Иркутске, Верхнеудинске, Кяхте тесовую обшивку старались декорировать, придавая тем самым домам индивидуальные черты. Нередко фасады таких домов покрывали водостойкой краской. Расцвет деревянной декоративной резьбы в Иркутске в XIX в., до сих пор поражающей своими формами и сложным рисунком, свидетельствовал о благополучии города и зажиточности значительной части его жителей. Описывая Иркутск первой четверти XIX в., А. П. Степанов констатировал: «Деревянные дома на главных улицах все обиты тесом, снабжены архитектурными украшениями и раскрашены»⁴⁷.

В начале XIX в. в окнах большинства сибирских городов слюда была уже заменена стеклом, и притом местного производства. Стекло хорошего качества и доступное по ценам для большинства населения производилось на Тальцинском стекольном заводе и Тельминской казенной фабрике. Впрочем, иркутское купечество нередко выписывало стекло и зеркала из Европейской России. Признаком благополучия было также наличие у домов железных крыш. Обычно, большинство купеческих особняков в городах было покрыто железом, окрашенным в красный или зеленый цвет. Во второй половине XIX в. от 30 до 50 % жилых домов в сибирских городах имели железные крыши, что значительно превышало средний показатель по стране⁴⁸. У большинства горожан дома крылись тесом. Надо сказать, что в небольших сибирских городах по настоящему городских домов, имеющих декоративные и архитектурные украшения, было сравнительно немного. Основная часть жилой застройки в них мало чем отличалась от деревенской.

Типовые проекты жилых и казенных зданий носили главным образом рекомендательный характер. Сама методика применения их на практике позволяла учитывать реальные эксплуатационные и градостроительные требования и вносить необходимые изменения в композицию планов и фасадов. Подобная практика давала простор для творческой мысли местных архитекторов, что не могло не отразиться на своеобразии и индивидуальности городской застройки. Конечно, большинство домов первых иркутских архитекторов были не так легки и изящны, как строения столичной классической архитектуры. Так, современники критически относились к пристрастию иркутского архитектора Я. Кругликова к высоким крышам, придававшим городу вычурный готический вид. Но как отмечал А. Н. Копылов, «крутые высокие крыши и приземистость построек в XVIII и начале XIX вв. были типичны не только для Иркутска. Они имели очень широкое распространение и в Восточной, и в Западной Сибири и свидетельствовали не об архитектурной безвкусице, а об общем для Сибири отставании в усвоении новых архитектурных стилей и о практичности сибиряков. Такие постройки лучше сохраняли тепло и были устойчивее против снежных заносов»⁴⁹.

Отмеченные выше изменения в городской планировочной среде и архитектурном облике в первую очередь затрагивали наиболее крупные города региона. Так, Иркутск во второй по-

ловине XVIII в. все больше приобретает приметы новой городской архитектурно-пространственной среды, в которой заметное место уделяется планировочным решениям и благоустройству. Горожанин перестал чувствовать себя в нем как в осажденной крепости. В городе уже четко выделяются торговый и административный центры, ремесленные кварталы и предместья. Первым опытом вмешательства губернской администрации в стихийный процесс городского строительства стала деятельность первого иркутского губернатора фон К. Л. Фрауендорфа. «Сей начальник, – писал А. И. Лосев, – имел большое знание в математике и много находил дела для упражнения разума своего и побуждения прилежности в тех, коих должность ведет к знанию фортификации и гражданской архитектуры»⁵⁰. Из учеников навигационной школы он отобрал наиболее способных для участия в съемке местности в окрестностях города и составления нового плана Иркутска. В его новом губернаторском доме расположилась чертежная мастерская, в которой изготавливались планы городов губернии. Молодые геодезисты проводили планировку улиц, разбивали город на кварталы. На всех улицах появились доски с названием улиц и указанием их направления. Итогом этой работы стал план Иркутска 1768 г., составленный М. Татариновым. Он не только зафиксировал существующие постройки, но и отразил перспективы дальнейшей застройки города. В результате его осуществления в 1760–1770-х гг. центр Иркутска подвергся существенной реконструкции: были выпрямлены и расширены улицы, намечены некоторые площади, начаты работы по устройству деревянных тротуаров и укрепления набережной Ангары.

Территориальный рост города сопровождался появлением новых кварталов, пространственно оформляемых улицами и переулками. Так, на плане 1768 г. кроме 20 отмеченных улиц можно насчитать еще более 20 двухсторонних или односторонних рядов застройки. Возможно, часть из них к тому времени получила свои имена. Дальнейшее оформление городской топонимика Иркутска получила на планах 1784 г. и конца XVIII в. На них уже поименована 31 улица города⁵¹. До появления профессиональных архитекторов в Иркутске проектные работы выполняли геодезисты. Так, сержанты геодезии М. Сургуцких и Е. Цепельников построили ряд административных и общественных зданий. Именно Цепельникову было поручено подготовить

проект каменного гостиного двора. Дорабатывал его проект первый иркутский губернский архитектор А. Я. Алексеев. Но вмешалась Екатерина II, поручившая подготовить проект для Иркутска только что приехавшему в Россию итальянцу Д. Кваренги. Сам архитектор впоследствии считал иркутский гостинный двор одной из своих крупных работ в России⁵². Гостинный двор представлял собой значительное каменное двухэтажное сооружение в виде замкнутого квадрата 150 × 150 саженей с обширным внутренним двором и арочными галереями по всему внутреннему и наружному периметрам. В нем размещалось более двухсот торговых помещений. Кроме того, на втором этаже находилась просторная зала, служившая для торжественных церемоний и балов. Монументальный объем гостиного двора явился в дальнейшем основой для формирования ансамбля центра Иркутска, состоявшего в основном из зданий казенного и торгового назначения. В 1790 г. рядом с ним было построено здание каменного двухэтажного мещанского торгового ряда на 80 лавок.

Заметно менее развито было в сибирских городах промышленное строительство. Первоначально небольшие мыловаренные или кожевенные избы размещались в самой городской жилой усадьбе или даже в домах горожан. Так, у иркутского посадского В. Елизова мыловарня располагалась прямо под горницей в цокольном этаже⁵³. Подобные производства были сопряжены с загрязнением окружающей среды, неприятным запахом и повышенной пожароопасностью. Во второй половине XVIII в. их стараются вынести за городскую черту, подальше от густонаселенного центра. В 1790-х гг. в Иркутске по распоряжению городских властей кожевенные и мыловаренные заводы были перенесены за Ушаковку в Знаменское предместье. Там же располагался комплекс построек Адмиралтейства и Рабочего дома, давшего начало новой ремесленной слободе.

Новые планы города 1790 и 1791, составленные А. Алексеевым не получили одобрения Комиссии о строении. Они не учитывали рельеф местности и исторически сложившуюся планировку. И только план 1792 г. получил высочайшее утверждение. При всех своих недостатках он все же обеспечивал более регулярную и целостную застройку губернского центра. Наблюдение за его выполнением было возложено на генерал-губернатора и городскую полицию. При этом особо оговаривалось, чтобы «дома и прочие здания по тому плану в улицы и

площади входящие не были подвержены ломке без воли хозяев, исключая пришедшие в совершенную ветхость и неспособность»⁵⁴. Реализация плана переустройства центральных кварталов города шла крайне медленно, так как жители неохотно исправляли или переносили свои дома, так или иначе мешавшие прокладке улиц. Пожар 1775 г. позволил заметно расширить и перепланировать центр города. Его стали застраивать казенными и общественными зданиями европейской архитектуры. Здесь же стали появляться каменные торговые заведения и купеческие особняки. Только с 1785 по 1790 г. в Иркутске было построено 300 новых каменных и деревянных зданий. В архитектуре города все заметнее стали проступать черты русского классицизма, образцами которого были гостиный двор, тюремный замок, Сибиряковский дворец.

Появление в штатах наместничеств губернских архитекторов заметно улучшило размах и качество архитектурно-строительных работ. К составлению планов отдаленных городов привлекали геодезистов и землемеров. Строительство общественных и казенных зданий старались также поручать специалистам. К этому времени даже при отсутствии в городе архитектора крупные здания строились по специально подготовленному плану. Так, киренский купец П. З. Черепанов, пожертвовавший дом для городской больницы, строил его «не иначе, как по основанию опытно сделанного плана», который составил «чрез искушавшихся в том людей»⁵⁵.

В 1801 г. в Иркутске была учреждена «Контора строений домов и разных ремесел», при которой действовал Рабочий ремесленный дом. Среди его мастеровых были ремесленники 15 строительных специальностей. В марте 1809 г. в губернском центре начинает действовать Строительная экспедиция, в ведение которой входил круг вопросов планировки и застройки в Иркутске и уездных городах Иркутской губернии. Именно через нее рассылались альбомы с образцами фасадов жилых домов. В строительном деле существовала жесткая регламентация. Для строительства новых зданий и реконструкции уже существующих в городах губернии помимо разрешения местной полиции требовалась санкция Иркутской строительной комиссии. Только с 1853 г. указом Сената право разрешать новые постройки предоставили городничим⁵⁶. В целом, административный контроль

содействовал распространению типовых фасадов, унификации и согласованности городской застройки.

Настоящая архитектурная революция была произведена при гражданском губернаторе Н. И. Трескине. Уже беглый взгляд на столицу Сибири побудил его вплотную заняться планировкой и благоустройством города. В постановлении 1810 г. он отмечал, что «губернский город, толико известный по знатной торговле и промышленности своей, остается ... почти в первобытном его состоянии. Не только лучшие улицы в плане назначенные, но даже площади городские остаются по сия время стеснены ветхими вышедшими в линии плана строениями, в которых, несмотря на опасность скорого падения, гнездятся хозяева, и которые кроме чрезвычайного безобразия, угрожают общою опасностью при малейшем пожаре»⁵⁷. Достаточно жестко губернатор потребовал от населения привести свои жилища в соответствие с планом города, запретив чинить и поправлять старые постройки. С домами, стоящими не по плану, власти не церемонились. Надолго запомнили иркутяне «гушинскую команду», которая не останавливалась перед ломкой дома, если его фасад выступал на улицу и мешал движению. По распоряжению Н. И. Трескина были подняты и осушены топкие места в городе, улицы засыпались мелким камнем, устраивались площади и бульвары. Причем все работы проводились за счет домовладельцев, а земляные работы и благоустройство осуществлялось руками ссыльных. В результате удалось заметно упорядочить застройку и улучшить внешний вид города. «Иркутск приятно поражает путешественников своими полуготическими церквями, красивыми домиками и правильностью улиц и площадей, и, наконец, прекрасною набережною, близь коей устроен сад в английском вкусе», — записывал спустя десятилетие Ю. Джулиани⁵⁸. Правда, эти слова больше относились к центру города. Чуть в стороне от главных улиц было много старых покосившихся деревянных домов, много грязи и мусора.

Социальное размежевание городского населения особенно наглядно прослеживалось в его распределении по территории города. Как правило, в центре города, в наиболее лучшей его части с выходом на реку, располагались административные здания, соборы и особняки светской и духовной знати, зажиточного купечества. Их застройка была ориентирована на высшие образцы и служила примером для остальных горожан. Центральные

кварталы были также своеобразным деловым центром города. Здесь размещались гостинные дворы, здания таможни и другие торговые заведения. Ремесленники и прочий люд обычно концентрировались в слободах или предместьях, ставших частью городских окраин. Там же у городской черты, имевшей выход к полям и пашням, селились крестьяне. В 1816 г. в Иркутске числилось 1794 обывательских строений, а сам город был поделен на 4 части. В первой и второй частях города, которые и составляли его центральные кварталы, проживало две трети всех чиновников и духовенства, а также почти 80 % иркутского купечества. Более равномерно по территории было представлено мещанство, а окраины города заселялись цеховыми, казаками, солдатами и разночинцами. К этому времени центральные части губернского центра были в основном застроены, поэтому быстрее заселяются его окраинные территории. Так, в первой и второй частях Иркутска насчитывалось 48 % обывательских домов, а на его окраинах, составляющих третью и четвертую части, – 52 %⁵⁹. Значительное преобладание податных слоев города проявлялось в соотношении домовладельцев. Если в 1769 г. на их долю в Иркутске приходилось 54 % обывательских домов, то в 1816 г. им принадлежало уже 67 % жилых строений. Необходимо учитывать, правда, что многие из чиновников и нижних военных чинов не имели собственных домов и проживали в съемных квартирах и казармах.

И все же даже к середине XIX в. Иркутск не производил впечатление крупнейшего административно-торгового центра Сибири. «Каменных домов было мало, – вспоминал об Иркутске 1840-х гг. В. Вагин, – Дома большею частью были деревянные, в один или два этажа, в три сажени и в три окна по фасаду, с высочайшими крышами. Большая улица почти вся была застроена такими домами; на ней только еще начинали появляться красивые, но тоже деревянные постройки. Лучше других были постройки на Заморской (ныне Амурской) улице, на Тихвинской и Ивановской площадях и по Ангарской набережной, между Большою и Харлампиевскою улицами. Город доходил только до Иерусалимской горы; но и тут местность, ближайшая к Ушаковке, была еще мало заселена»⁶⁰. Впрочем, по свидетельству Н. С. Романова, к этому времени некоторые изменения произошли в стилевых особенностях жилой застройки Иркутска. «Тип старинной постройки небольших домиков с мезонинами, антресолями и высокими пиро-

мидалльными крышами начинает заменяться новым типом с более пологими крышами, без мезонинов»⁶¹.

В начале 1840-х гг. губернским архитектором Суторминым был составлен новый план города. В течение ряда лет он уточнялся и дополнялся. Городской архитектор А. Е. Разгильдеев закончил его только к 1848 г. Рост городской застройки и инфраструктуры потребовал дальнейшей работы над городским планом. В 1864 г. была проведена новая инструментальная съемка Иркутска и в следующем году появился новый план, составленный губернским землемером П. В. Никитиным. Примечательно, что на этом плане впервые были введены горизонтали, передающие особенности местного рельефа⁶². Кроме того, это был первый, из известных нам, план города с названием почти всех улиц и переулков. Главным достоинством плана 1865 г. была его архитектурно-пространственная информативность, максимально отвечающая требованиям своего времени. Она была осуществлена методически последовательно: через квартал к каждому отдельному домовладению, и далее – от исторического центра города к его предместьям. Детализация плана шла по линии внутриквартальной парцелляции (делением на участки), фиксации всех существующих построек и функционального зонирования усадебных комплексов⁶³. Забота о расширении и спрямлении улиц, противопожарной безопасности города нашла отражение и в картографических документах. Так, в 1868 г. при проектировании очередного плана города в соответствии с циркуляром министерства внутренних дел от 8 июля 1867 г. губернский совет определил, «чтобы по обеим сторонам улиц Большой и Амурской не были разрешаемые к возведению постройки деревянные, а только каменные»⁶⁴. При рассмотрении этого же плана в следующем году было решено расширить зону каменной застройки центра города: «по крайней тесноте строений, угрожающей опасностью во время пожаров, кварталы, ограниченные улицами Тихвинской, Большой, Ланинской и Набережной, предназначить исключительно под каменные постройки»⁶⁵.

Своеобразным рубежом в развитии города стал печально известный пожар 1879 г. До него город развивался без каких-либо скачков, степенно, осваивая центральную часть и лишь слегка обозначая свои окраины. Он в большей степени сохранял черты самобытной деревянной архитектуры. Немногочисленные каменные здания как бы растворялись в общем деревянном жи-

лом массиве. В среднем на сто деревянных зданий приходилось три каменных. В 1833 г. город, по-прежнему, состоял из трёх частей. В нём насчитывалось 42 больших и 58 малых улиц, а всех домов было 1889, в том числе 56 каменных. К середине XIX в. осваивается почти вся равнинная территория вдоль Ангары и Ушаковки, и город вплотную подходит к нагорной части. В 1851 г. в городе было 2400 домов, а в 1877 г. – 4 500. В Иркутске в это время насчитывалось уже 127 улиц и переулков. Из них 91 находилась в центральной части города, 18 – в Знаменском предместье, 17 – в Ремесленной слободе. Глазковское предместье состояло из одной улицы, протянувшейся вдоль берега Ангары⁶⁶.

С 1864 г. в сибирских городах разрешено было строить деревянные дома в два этажа на каменном фундаменте, но увеличение этажности не внесло принципиальных изменений в сложившийся тип жилого дома. В допожарном Иркутске лишь центральные улицы соответствовали его статусу губернского центра. «Как и все русские города, – писал П. Ровинский, – Иркутск не имеет ничего особенного ни в своих постройках, ни в расположении. Как и везде, есть в нём так называемая Большая улица, с тротуарами и шоссированной мостовой, на ней красуются до 5 каменных домов, несколько магазинов при домах, 3 фотографии, ...множество вывесок, мелочных лавочек, колбасных, питейных заведений, часовщиков и др. Улица вообще очень живая днём и не засыпающая до глубокой ночи, когда во всех других улицах давно уже спят крепким сном»⁶⁷. В 1877 г. в Иркутске была произведена полная инвентаризация всех городских строений. Всего в городе насчитывалось 3022 двора и 4504 жилых дома. Распределялись они следующим образом. Основная масса – 2401 двор и 3773 дома – в центральной части города. Почти равномерно обывательские строения распределялись по Знаменскому предместью (соответственно 253 и 287) и Ремесленной слободе (285 и 323). Меньше всего было застроено Глазковское предместье, в котором считалось всего 83 двора и 121 жилой дом⁶⁸.

Большая концентрация деревянной застройки, отсутствие элементарного благоустройства, удобных подъездов, слабая противопожарная служба способствовали частым пожарам. В 1879 г. Иркутск постигло страшное несчастье, от которого он долго не мог оправиться. Пожарами 22–24 июня была уничтожена вся центральная часть города. Выгорело 75 кварталов, в которых находилось 105 каменных и 3 418 деревянных строений.

Сгорели все торговые и казённые постройки. Погибло в огне и умерло от ожогов 11 человек. Убытки составили до 7,5 млн руб. только от уничтоженной недвижимости, а частного имущества и товаров погибло на сумму до 20 млн руб.⁶⁹ После пожара в центральной части города развернулось массовое каменное строительство. В 1883 г. городская дума запретила строительство деревянных сооружений не только по линии центральных улиц, но и на расстоянии десяти сажень вглубь. Полностью запрещалось на всей территории города устройство жилых помещений и бань в пристрое с другими хозяйственными заведениями. В городе была проведена полная топографическая съемка, а в 1887 г. по заданию городской Управы составлен новый генеральный план губернского центра, определивший новые подходы к регулированию капитального строительства в центральных кварталах.

Обновление города после пожара 1879 г. заметно изменило его внешний вид, придав ему европейский вид, но лишило уюта и старины. Наблюдательный журналист и путешественник Дж. Кеннан, посетивший Иркутск вторично в 1886 г. не преминул это отметить: «Вид его меня несколько разочаровал. Золоченые и разноцветные купола, белые колокольни и обильная зелень, когда смотришь на них с противоположного берега реки, сообщают его облику какую-то восточную живописность, но тому, кто оказывается на его улицах, он представляется большим, деловым, процветающим и вместе с тем хаотически застроенным и малопривлекательным русским провинциальным городом. ...Вообще он показался мне менее интересным и привлекательным, чем в 1867 году»⁷⁰.

Изменения в других городах Иркутской губернии были не столь разительны. Пожалуй, только Верхнеудинск и Троицкосавск с торговой слободой Кяхтой, где заметно преобладала торговая сфера, в целом соответствовали новым тенденциям организации городского пространства. Очень низкими темпами развития отличались Нерчинск, Нижнеудинск, Киренск и другие малые города региона. Окончательно потерял свое былое значение и пришел в полное запустение Селенгинск.

В 1783 г. Верхнеудинский острог становится уездным городом. С этого времени начинается быстрый рост города. Уже к 1805 г. численность его жителей возросла в три раза, и продолжала расти. Торговый характер Верхнеудинска подчеркивал даже герб, утвержденный в 1790 г. На нем были изображены жезл

Меркурия и рог изобилия «в знак того, что в сем городе производится знатный торг и условия о торге»⁷¹. Город состоял из трех частей. Центральная и наиболее застроенная из них находилась на нижней приречной террасе при впадении р. Уды в Селенгу. Здесь собственно и сформировался городской центр. Другая, заселенная в основном казаками, располагалась между правым берегом устья Уды и протокой Селенги, называемой Прорвой. Третья, населенная более мещанами, занимала небольшую береговую полосу на противоположном берегу Селенги. К 1810 г. в Верхнеудинске насчитывалось 19 улиц: 12 в городе, 6 – за р. Удой и одна – в слободе за р. Селенгой. В городе проживало ок. 3,5 тыс. жителей. Застройка состояла из 6 церквей и часовен, 19 казенных и общественных зданий и 469 жилых домов. Каменных зданий было совсем немного: три церкви и одна часовня, четыре казенных здания и шесть купеческих особняков. Общая площадь, занятая жилой застройкой, составляла в 1823 г. чуть более 50 десятин в городе, 7 десятин за Удой и еще 12 за Селенгой. Под строениями было занято всего 1,7 % от всей городской земли. Спустя десятилетие площадь застройки увеличилась до 136 десятин, в основном за счет разрастания Заудинского предместья⁷². По плану 1839 г. общая площадь территории Верхнеудинска со всеми городскими землями должна была составить почти 12 тыс. десятин. Этим планом, также как и последующим 1846 г., подготовленным архитектором Суторминым, предполагалось осваивать не только нагорную часть города, но и северную, прилегавшую к Иркутскому тракту и реке Селенге. Всего под застройку предполагалось отвести до 340 десятин. Кроме того, постоянно происходило уплотнение жилого строительства в уже освоенных ранее кварталах. С 1833 по 1867 гг. число зданий города увеличилось с 451 до 617.⁷³

В результате реализации первых регулярных планов была создана компактная с ясно выявленной композиционной идеей планировка города, центральная часть которого уже к 1830-м гг. приобретает вид законченного архитектурного ансамбля. Подлинным городским центром стал деревянный гостиный двор на 40 лавок, возведенный в 1789–1791 гг. на средства купцов города. В 1803 г. на его месте началась постройка каменного двора по проекту иркутского архитектора А. И. Лосева. По мнению крупнейшего знатока забайкальской архитектуры Л. К. Минерта, по лаконизму архитектурных средств и мощи художест-

венного образа гостиный двор в Верхнеудинске был одним из лучших образцов торговой архитектуры в провинциальной России⁷⁴. Работа по его сооружению велась с большими перерывами и была закончена лишь к 1856 г., но уже в 1830 г. в наполовину построенном здании началась торговля.

Гостинодворская площадь стала основным композиционным ядром центральной части города. Параллельно южному крылу гостиного двора построил свои торговые ряды купец М. К. Курбатов. Здесь же появились каменные купеческие особняки А. Шевелева, А. Титова, Д. Пахолкова, того же М. Курбатова. В конце 1830-х гг. на восточной стороне площади было возведено каменное двухэтажное здание городского училища. Особую архитектурную выразительность центра подчеркивали каменные храмы Одигитриевский собор и Троицкая церковь, формируя собой высотную доминанту города. Близость губернского центра оказывала свое влияние на планировку и застройку города. Из-за нехватки своих архитекторов и строителей горожане, по словам А. И. Лосева, «для постройки домов и церковных зданий подражают мастеров из Иркутска». Современники достаточно высоко отзывались о внешнем виде города и его окрестностей в первой половине XIX в. «Центром города, – сообщает одно из описаний, – служит правильная площадь и на ней обширный гостиный двор; улицы, пересекающие город широкие и большею частью прямые, дома построены по плану и некоторые из них довольно красивой наружности; церкви, числом четыре, расположены симметрически с обширностью и обстройкою города. Все это вместе дает городу приятный и веселый вид»⁷⁵. Еще более восторженно отзывался о Верхнеудинске В. Паршин: «Вид Верхнеудинска очень красив: по величине он походит на хорошенькую модель. Большая улица обставлена каменными зданиями. Много домов легкой и красивой архитектуры, особенно отличается от других шеголеватый дом купца Курбатова. ...Это улыбающийся франтик из всех городов Иркутской губернии»⁷⁶. Несмотря на рост городской застройки Верхнеудинска, он продолжал тесниться на нижней приречной террасе, почти не осваивая нагорную часть. Чрезмерная плотность застройки жилых кварталов, почти полностью деревянных, не отвечала самым минимальным санитарным нормам и приводила к частым пожарам. Так, грандиозный пожар 1878 г. уничтожил три четверти городских строений.

На фоне быстрого роста Вехнеудинска нагляднее выглядит деградация Селенгинска. Он так и не оправился после пожара 1780 г. Кроме того, регулярно подвергался снежным заносам и наводнениям. Потеряв свое бывшее экономическое и политическое значение, он постепенно превратился в заштатное поселение, в котором осталось всего 230 ревизских душ. «Вид с берега походит на город, – отмечал В. Паршин, – но самый город внутри не принадлежит не к селу, ни к городу... Средства города очень малые, способы приобретения тоже. Он оживлялся прежде торговлею, а теперь каждый год для него как лишнее бремя старости»⁷⁷. Почти всю первую треть XIX в. шло обсуждение вопроса о переносе города на левый берег Селенги. В 1838 г. город посетил генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт. Он нашел положение города крайне затруднительным и также высказался за перенос. «Внутренние городские улицы, – отмечал он в своем донесении, – занесены на значительную высоту песком и составляют утомительнейший проход для пешеходцев. Во многих дворах видимы довольно углубленные ямы, и под казенными зданиями вынесено основание или грунт и от того здания те кое-как держатся на стойках, но и сие укрепление близко к разрушению, особенно при весенних ветрах, береговая сторона города, размытая наводнением на всем почти пространстве существовавшей здесь дороги, равно и противоположащая оной нагорная сторона, разрушенная во время бури горною водою, угрожают неминуемую опасность уцелевшим еще от прошедшего бедствия домам»⁷⁸. Пока шла переписка о переносе города новое наводнение 1838 г. привело к новым значительным разрушениям. По официальным сведениям, вода «некоторые дома засыпала до половины песком, другие разрушила и опустошила почти весь город»⁷⁹.

В октябре 1840 г. последовало, наконец, распоряжение Сената о переносе Селенгинска на новое место в урочище Тоенское. Несмотря на то, что переселенцам были дарованы значительные налоговые льготы, жители не спешили оставлять обжитое место. В 1841 г. в Селенгинск был направлен окружной землемер Шелковников, дабы «разбить по утвержденному плану место под новый город». Спустя несколько лет в Новоселенгинске были построены первые дома для наиболее состоятельных граждан. В 1845 г. декабрист Н. А. Бестужев писал родным: « У нас здесь тот же архитектор из Кяхты построил уже дома

тем, которые посостоятельнее, а прочие, лишь бы их фасады не криво стояли, строят так, как им позволяет возможность»⁸⁰. Архитектором в Кяхте в это время был М. Грязнов. Вероятно, по его проектам и были построены в Новоселенгинске купеческие особняки Старцева, Лушникова, Мельникова. Тот же Н. А. Бестужев писал, что в новом городе построены в одном архитектурном стиле три здания, «...у всех у них балконы в двух этажах, у всех колонны, у всех равное число окошек и совершенно одинаковое расположение внутри»⁸¹. Постепенно Новоселенгинск отстраивался, но по-прежнему остался заштатным городом Верхоленского уезда. «Наш город, т. е. новый, – писал в 1860 г. М. А. Бестужев, – состоит из пяти или шести домов первостатейных купцов порядочной наружности и из каких-нибудь 20 маленьких домиков более зажиточных мещан»⁸².

Центром торговой слободы Кяхты также стал гостинный двор. Он представлял собой прямоугольный объем с глухими наружными стенами и воротами с юга и севера. Двор окружал навес на столбах с 32 лавками за ним. Вокруг двора располагались 32 жилых дома для купечества. Уже к 1735 г. гостинный двор значительно расширили, увеличив число лавок до 44. В дополнении к существующим домам построили еще 15. И в дальнейшем торговой инфраструктуре Кяхты уделялось пристальное внимание. С 1770-х гг. появляются проекты строительства каменного гостиного двора, реализованные спустя полвека. Превращение Кяхты в единственный пограничный пункт торговли между Россией и Китаем способствовало быстрому росту поселения. В 1774 г. для управления посадским населением слободы там был создан магистрат.

Торговля наложила заметный отпечаток на застройку и характер домостроения в крепости и слободе. Фактически они представляли собой единое городское пространство. В 1805 г. Троицкосавск получает статус города, и здесь формируется основная городская инфраструктура. Украшением города были часы с музыкальным боем, установленные над проезжими воротами крепости. После того, как с 1809 г. в Кяхтинской слободе было запрещено проживать всем жителям, за исключения купечества, непосредственно участвующего в торговых операциях, она превращается в элитный пригород города, застроенный добротными купеческими особняками, в том числе и каменными. Чаще всего они были в два этажа, причем передняя, фасадная

сторона, имела различные «столичные» украшения в виде мезонинов, балкончиков, высокие проемы окон. Все административные, пограничные и таможенные служители, а также мещане и цеховые, обслуживающие торговые операции и перевозки, проживали в Троицкосавске. Там же располагалась и вся городская инфраструктура: таможня, присутственные места, училище, торговые лавки, базар и т. п. Дома в Троицкосавске были скромнее, но на центральной улице, проложенной вдоль Селенгинского тракта, можно было найти постройки с претензией на богатство и благоустроенность. Не случайно А. Мартос в свое время отмечал, что строения здесь лучше, чем в губернском Красноярске, хотя нет каменных зданий. Многие из жилых зданий города отличались стилевым единством архитектуры, пропорциональностью частей и изысканностью деталей. «Вид со въезда в город, – писал В. Паршин, – довольно хорош, и с первого взгляда дает понятие о богатстве. Большая улица простирается чрез весь город и по возможности старается быть прямою. Она застроена довольно приятной архитектуры деревянными домами»⁸³. Особенностью местного домостроительства, связанного с местоположением города на юге Забайкалья, были открытые террасы, которые сооружали на уровне второго этажа.

Следует отметить, что благосостояние жителей и самого города всецело зависели от состояния торговых дел на границе. Эта взаимосвязь, несомненно, сказывалась на внешнем облике города и слободы. Как отмечали современники, трудно было не заметить, «что от многомиллионных оборотов на границе немало рублей перепадает и горожанам»⁸⁴. В 1829 г. в Троицкосавске насчитывалось 4.054 жителя и 542 дома, а в Кяхтинской слободе – 326 человек и 82 здания⁸⁵.

В первой половине XIX в. заметно активизировалось крупномасштабное каменное строительство в Троицкосавске и Кяхте. Новый этап градостроительства ознаменовался сооружением в 1812–1817 гг. большого каменного Троицкого собора. В 1820–1830-х гг. были построены из белого камня здания таможни («белые казармы») с устремленным к небу шпилем надвратной башни и пожарного депо. Комплекс из двухэтажного здания таможни, двух громадных каменных пакгаузов и деревянных домов чиновников возник на северной окраине Троицкосавска. Чуть позднее началась постройка нового каменного гостиного двора в слободе. Еще планом города 1797 г. предполагалось

разместить западнее стен крепости, на незастроенных еще землях большую торговую площадь, центром которой должен был стать новый каменный гостиный двор. В 1799 г. был составлен проект двухэтажного гостиного двора на 35 больших и 12 малых лавок. В подготовке проекта участвовал столичный архитектор П. И. Висконти, один из создателей здания Фондовой биржи в Санкт-Петербурге. По разным причинам строительство было отложено на неопределенное время. Вновь вопрос о сооружении гостиного двора в Кяхте был поднят в 1828 г. по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири А. С. Лавинского. Было принято решение вести строительство «хозяйственным способом» под руководством специальной комиссии с привлечением в нее выборных из числа местного купечества, которые должны были заниматься наймом строителей и мастеровых, заготовлением необходимых материалов. Общее руководство работами в 1837–1842 гг. осуществлял инженер-полковник А. А. Медведев. Монументальное здание кяхтинского гостиного двора было одним из красивейших сооружений подобного типа в Сибири. В плане оно представляло собой два огромных корпуса, построенных в форме замкнутых прямоугольников (один внутри другого) вокруг внутреннего двора. Над центральным фасадом с западной стороны возвышалась башня со шпилем. Всего в здании насчитывалось 73 лавочных и складских помещения⁸⁶. Во внутреннем дворе его размещались пакгаузы для складирования привозимого из Китая чая. Следует пояснить, что кяхтинский гостиный двор предназначался только для крупномасштабных оптовых торговых операций и для складирования товаров, поэтому его архитектура заметно отличалась от обычных образцов. В 1865 г. казна передала гостиный двор в ведение кяхтинского купечества, после чего содержание и ремонт здания производился за их счет. Для массовой торговли существовали старые деревянные гостиные дворы в самой Кяхте и в Троицкосавске.

Первый деревянный гостиный двор в Троицкосавске был открыт в 1797 г. Он вмещал 3 малых и 30 больших лавок. Со временем квартал вокруг него был плотно застроен деревянными домами горожан, что создавало повышенную пожароопасность. Каменное здание для гостиного двора необходимо было как «для безопасности занимающим оной торговлей, а не менее и для виду заграничным в благовидности и устройстве города»⁸⁷. Большой пожар 1845 г. истребил много городских строе-

ний, в том числе гостиный двор со всеми товарами. Посетивший город спустя год после пожара генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт отмечал успехи в восстановлении городской застройки благодаря пожертвованиям из разных мест. Но при этом сетовал, что «при постройке новых домов, по недостатку искусных мастеров и архитекторов, а также в следствии скорости, с какою они устраиваются не везде и всегда соблюдаются установленные правила»⁸⁸. Солидарен с ним был декабрист Н. А. Бестужев, писавший в 1845 г. родным: «Кяхта строится без плана; ей дана возможность ставить дома как попало, лишь бы она стояла и не останавливала своей торговли»⁸⁹. В 1847 – 1853 гг. в восточной стороне городской площади вдоль главной улицы происходило строительство новых каменных торговых рядов. Строительством руководили отставной поручик Паува и подрядчик Унжаков. Новое торговое здание представляло собой прямоугольный в плане корпус с галереями вдоль длинных сторон. План города 1859 г. предусматривал возведение еще одного такого же корпуса торговых рядов, но этот проект не был осуществлен. Во второй половине XIX в. в разное время восточнее торговых рядов были построены несколько зданий, замкнувших пространство городского торгового центра.

В середине XIX в. Троицкосавск и Кяхта фактически слились в один населенный пункт. В 1851 г. они были объединены в единое Кяхтинское градоначальство. К этому времени в Троицкосавске проживало 5,8 тыс. жителей и еще 594 человек в Кяхтинской слободе. Город отличала насыщенная торговая инфраструктура, включавшая два деревянных и два каменных гостиных двора, в которых насчитывалось 155 лавок, хлебный, сенной и «съестной» рынки, купеческие лавки и магазины. Словом, сам вид города и его роль в развитии русско-китайских торговых отношениях вполне отвечала утвержденному в 1846 г. гербу Троицкосавска в виде рога изобилия, из которого сыпались золотые монеты⁹⁰. С переносом таможни в Иркутск в 1861 г. и изменением самого хода торговли России и Китая было упразднено особое управление Троицкосавском. Город вместе с Кяхтинской слободой вошел в состав Забайкальской области и был передан под ведение областного начальства, как и другие города края.

Основным городским центром восточного Забайкалья все эти годы оставался Нерчинск. По численности населения и городской застройке он вполне сравним с Верхнеудинском, но его

внешний вид и благоустройство оставляли желать лучшего. Развитие города осложнялось постоянными разливами реки, что приводило к проседанию почвы, разрушению и порче домов. «Все здешние как казенные, так и партикулярные строения, – доносил в 1790-х гг. областной начальник П. П. Панкратов, – так ветхи и гнилы, а многие из последних уже и без крыши, что неминуемо скорому падению они подвержены... По сей то самой причине, как весьма вероятно, и пришел теперь сей город в такое опустение, что всякая деревня красивее и лучше его, ибо не только нового никто строить не хочет, но и старого починивать всякий опасается, боясь подвергнуть себя поспрашному убытку, если оное снесет или подмоет»⁹¹. Местные власти неоднократно ставили вопрос о переносе Нерчинска на другое место. Наконец, в 1805 г. было получено разрешение на перенос, и с 1812 г. начинается его официальное существование на новом месте. «Новый город учрежден, – отмечал позднее М. М. Сперанский, – потому что старый был залит водою наравне с крышею»⁹². К 1830-м гг. в Нерчинске проживало до 3,8 тыс. обывателей и насчитывалось 459 строений, из которых каменными были лишь одна церковь, гостиный двор, да пять частных зданий⁹³. Старый город к этому времени совсем запустел. Здесь оставались всего несколько домов, да старая полуразвалившаяся каменная церковь. Новый город находился в 4,5 верстах выше на левом берегу реки Нерчи в урочище Сажиков Яр. Строения города были растянуты правильными рядами прямоугольников вдоль изгиба прибрежной долины. На возвышенной части города располагалась городская площадь, обустроенная с северной и южной стороны обывательскими домами. Границы площади оформляли с северной стороны каменный Собор, на противоположном конце ближе к берегу – деревянный гостиный двор, в котором размещались 23 лавки. Через площадь проходила Купеческая или Средняя улица, лучшая в городе. Украшением улицы были каменные особняки купцов Верхотуровых и Корякиных. Параллельно ей к набережной протянулись еще две улицы. Но в целом, несмотря на то, что новый город строился по утвержденному плану, жилая застройка его в этот период была невыразительна, и вполне соответствовала мнению одного из современников, что «наружность его так же непривлекательна, как и местоположение»⁹⁴. К такому же мнению пришел живший в 1835–1840 гг. в Нерчинске В. П. Паршин: «По длине

своей он стяжал имя города; по числу и виду строений – это кривая деревня, растянутая по лунообразной площади, прилегающей к тихой Нерчи... Вообще окрестности города очень приятны, зато самый город, с первого взгляда на него, наводит скуку и уныние. Три каменных здания, вытянувшись по главной городской площади, рапортуют, что здесь город; но внимание невольно отвлекается от них на разбросанные берегом и по концам города дряхлые строения... Полуразвалившиеся кровли, храмлющие ворота, плетневые заплоты, окна, затянутые пузырем, сальной бумагой, берестою со вставленными (вшитыми) в нее уголками стеклышек, ...показывает бедность жителей, а широкие на славу улицы и не везде чистые говорят о неопрятности»⁹⁵.

Расположенный на окраине Иркутской губернии вдали от оживленных торговых путей Нерчинск развивался крайне медленно. В 1823 г. в городе насчитывалось всего 288 домов, к 1840 г. их число возросло до 411. Заметным событием в жизни города стало строительство на средства купцов и мещан в 1845 г. нового каменного гостиного двора «приятной архитектуры». Открытие его сопровождалось пышными торжествами, закончившимися китайским фейерверком. В честь праздника были собраны по подписке до 200 руб. «на устройство развалившихся хижин самых бедных городских жителей»⁹⁶. В городе действительно находилось много ветхих, полуразвалившихся строений. В 1838 г. при освидетельствовании городской недвижимости 118 домов, т. е. третья часть всего жилья, были оценены дешевле 25 рублей⁹⁷.

Некоторое оживление экономической и общественной жизни в Нерчинске происходит в конце 1840-х гг. в связи с присоединением к России Амурского бассейна. Став своеобразными воротами на Амур, город даже пытался претендовать на статус столицы Забайкалья. Но и здесь сыграло свою роль неудачное местоположение. Центром Забайкальской области была определена Чита, а роль перевалочной базы снабжения и колонизации новых территорий на Амуре отошла к Сретенской станции. Во второй половине XIX в. город несколько преобразился, в нем появился ряд каменных зданий, среди которых, несомненно, выделялся дворец крупнейших предпринимателей Забайкалья братьев Бутиных, выстроенный в мавританском стиле. Особняк и сад Бутиных поражал своей необычайной роскошью и изяществом, крайне редко встречающейся в Сибири.

Внешний вид малых городов региона менялся крайне медленно. Все они были небольшими, деревянными поселениями с населением в несколько сотен жителей. Жилая застройка в них мало чем отличалась от деревенских усадеб. Приметами города могли служить лишь церкви, кое-где каменные, да несколько торговых лавок и казенных строений. Даже то, что некоторые из них (Киренск, Баргузин, Нижнеудинск, Сретенск, Доронинск) на какое-то время становились уездными центрами, почти не сказывалось на их развитии. Так, Нижнеудинск, получивший в 1783 г. статус города благодаря тому, что таковым перестал быть Балаганск, вплоть до середины XIX оставался одним из самых небольших городов края. Он был настолько мал, что даже присутственные места находились в основном в расположенной на другом берегу Подгородной слободе. Несмотря на то, что в городе были построены деревянный гостиный двор и мещанские ряды, учреждены базарные дни, центром деловой активности была Подгородная слобода, лежащая на Московском тракте. «Соперничество Подгородноудинской слободы, – отмечали официальные источники, – подрывает выгоды города. В селении этом сосредоточилась вся промышленность и торговля»⁹⁸. Причем если город почти не развивался, то динамика застройки слободы просто впечатляет. В 1811 г. в Нижнеудинске насчитывалось всего 74 жилой постройки, а в слободе более 130. Спустя полвека город занимал в длину менее одной версты на правом берегу Уды, имея всего три улицы и 118 деревянных домов. Напротив него раскинулась на 2,5 версты слобода, в которой находилось почти 300 частных домов⁹⁹. Несмотря на то, что в слободе проживало в четыре раза больше жителей, чем в Нижнеудинске, она имела вид большого притрактового села с ветхими и малыми крестьянскими домами, неправильно проложенными и неблагоустроенными улицами. В первой половине XIX в. неоднократно делались предложения присоединить слободу к городу, но только указ Сената от 12 февраля 1851 г. официально объединил поселения на двух берегах Уды в один город. Присоединение хозяйственно развитой слободы придало Нижнеудинску необходимый социально-экономический потенциал и содействовало развитию уездного города.

В литературе часто отмечается сельский вид сибирских городов XVIII–XIX вв. Например, главной достопримечательностью того же Нижнеудинска, по свидетельству одного из совре-

менников, была «обширная городская площадь, покрытая сочной зеленью, где мирно пасутся лошадки и коровки добрых граждан города»¹⁰⁰. Даже в облике крупных городов региона, таких как Иркутск или Верхнеудинск имелось немало чисто аграрных черт. Вокруг них располагались пашни, луга, леса. Земельные участки были как в черте города, так и за ее пределами. Следует сказать, что сельский облик в той или иной степени имели практически все города Сибири. Был он связан в основном с хозяйственными занятиями городского населения, многие из которых имели огороды, пашни, держали скот и домашнюю птицу. Все это требовало наличия хозяйственных сооружений, амбаров, конюшен, стаек. Конечно, все это более было характерно для окраин и предместий городов, но и в центральных кварталах было немало замкнутых усадебных комплексов. Но важно отметить, что внешний вид даже самых малых «сельских» городов региона отличался от облика крестьянских поселений, прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки.

Даже в отдаленных и северных городах края предпринимались попытки организации городской планировки и создания определенного архитектурного ансамбля. В течение всего времени Киренск оставался одним из самых небольших городов Иркутской губернии. Дополнительную трудность в застройке города создавали частые наводнения Лены и Киренги, в конце концов превратившие Киренск в остров. Образовавшийся в южной части города так называемый Полой, соединил воды обоих рек. Наводнения подмывали берег, заставляли переносить дома и, тем самым, вносили еще большую путаницу в планировку города. Утвержденный в 1821 г. план города уже в 1828 г. не соответствовал его положению из-за значительных изменений в окрестностях. До 1819 г. улицы и кварталы в Киренске существовали только на бумаге. Летом этого года уездному землемеру Дедову было предписано провести в городе улицы, а на домах установить специальные знаки, их обозначающие. В помощь ему были приданы писарь и шесть солдат из местной команды. Всего было определено 3 улицы и 5 переулков.

В целом же Киренск развивался очень медленно и долго имел сельский облик. В 1814 г. И. Миллер отмечал: «Городок маловажен, выстроен неправильно, и кроме Троицкого мужско-

го монастыря, построенного из камня, ничего не имеет замечательного. Впрочем, обывательские дома здесь расположены также как и в Иркутске, они внутри просторны и опрятны»¹⁰¹. Мало что изменилось и позднее. Генерал-губернатор Восточной Сибири Броневский, посетивший город в 1836 г., отмечал, что «по устройству города Киренска, как видно, по ныне не предпринималось ничего решительно, от чего представляет он кривые улицы, частию обвалившиеся заборы и крыши; и новые постройки к удивлению, по ныне шли по изуродованным фасадам»¹⁰².

Таким образом, пространственная среда и застройка городов Байкальской Сибири претерпела в рассматриваемый период серьезные изменения. На смену живописной, органично вписанной в природный ландшафт города застройки, с середины XVIII в. внедряется регулярная, ориентированная на перспективное планирование. Изменения, произошедшие в архитектурном облике сибирского города, были напрямую связаны с социально-экономическим развитием как региона в целом, так и конкретного города в частности. Вместе с утратой военно-административных функций города теряли вид военных крепостей, и все больше обзаводились торгово-ремесленной инфраструктурой. Градообразующими факторами становятся гостиные дворы, рыночные площади, пристани и торговые тракты. Рост жилой застройки содействовал более четкой квартальной разбивки городов и стилевым изменениям в массовом домостроении, основой которого становятся разработанные в столицах «образцовые» проекты. Новый облик города, значительные изменения, произошедшие за XVIII в. в социальной и культурной жизни Иркутска, оказали заметное влияние на бытовую культуру горожан. Еще в середине века город ничем не напоминал столицу Сибири. Дома были скромные, без украшений и обстановки, жители ходили в простых русских одеждах, хотя и сшитых из-за дешевизны из китайского материала. Нравы и быт были патриархальными. В конце же XVIII в. путешественники и бытописатели дружно отмечают европейский склад жизни горожан, связанный с новой планировкой города и жилых зданий, одеждой и украшениями, временем препровождения, тягой к культуре.

Отмеченные изменения в большей степени были характерны для наиболее крупных городов региона, в то время как облик средних и, особенно, малых городов по-прежнему сохранял черты сельского поселения и быта.

2.2. Благоустройство и городское хозяйство

До середины XIX в. городское благоустройство практически отсутствовало даже в крупных городах Сибири. «Сибирские города имеют жалкий вид, – отмечал современник, – Вдоль узких, немощеных улиц, с гнилыми деревянными тротуарами, тянутся покосившиеся дощатые заборы вперемешку с низкими деревянными домами; переулки покрыты иногда на 8–10 вершков свежим или неперепревшим навозом. Города малолюдны; наступившая ночь загоняет всех жителей в комнаты; закрываются ставни и жизнь замирает над пустынным, почти не освещенным городом; только уныло перекатывается по дворам вой и лай многочисленных собак... Чем дальше к северу, тем грязнее и беднее города»¹.

Отмеченные наблюдения относились к Западной Сибири, но и на востоке дела обстояли не лучше. «Многие старинные ветхие дома, – записывал свои впечатления от Иркутска М. А. Александров, – выходили на улицы (впоследствии прорезанные по плану) иные углами, иные полусгнившими сараями. Тротуары, и то до крайности жалкие, существовали только на двух улицах, именно на Заморской и Благовещенской. Берег Ангары, великолепный по местности, ... завален мусором, который очищался ежегодно весенними разливами величественной, чудной, единственной реки по своему значению... Иркутск в то время имел физиономию чисто сибирского города»². Состояние благоустройства в других городах Восточной Сибири также оставляло желать лучшего. Генерал-губернатор Восточной Сибири В. Я. Руперт в отчете 1838 г по управлению краем констатировал: «Постройка домов в городах неправильна, и не только не имеет красоты в фасаде и отделке, но даже нередко доходит до безобразия. Вообще города не имеют хорошего вида, чистота улиц равняется неопрятному виду строений»³.

Несмотря на отсутствие каких-либо целенаправленных и сознательных действий властей по благоустройству сибирских поселений, отдельные работы в городах проводились уже с конца XVII в. Прибрежное расположение большинства острогов и городов Сибири приносило дополнительные трудности жителям. Частые разливы рек сопровождались разрушением берега, подтоплением и сносом жилых построек. Даже Иркутск, быстро ставший важнейшим общесибирским центром, был построен на низменном месте. Вокруг острога было много заболоченных

участков и мелких озер. С выходом иркутского посада за стены острога жителям пришлось принимать меры по осушению городской территории. В 1690 – х гг. были прорыты канавы до Ангары и спущена вода из озера, располагавшегося южнее острога. Само оно было засыпано землей и постепенно превратилось в обширную площадь, ставшую со временем центральной. Из-за неудачного расположения некоторые остроги и города региона были позднее перенесены на другое место. Еще в XVII в. были перенесены Верхоленский острог и Якутск, в следующем столетии – Балаганский острог. На длительное время затянулось перемещение на более удобные места Селенгинска и Нерчинска.

Во второй половине XVIII в. в виду отсутствия непосредственной военной опасности необходимость в острожных и крепостных сооружениях в сибирских городах отпала, и они постепенно приходят в полную негодность и разрушаются. Деревянный палисад Иркутска уже к 1760-м гг. в значительной степени сгнил, местами развалился, ров осыпался. Последние остатки укрепления уничтожил пожар 1775 г. На его месте появилась самая протяженная в городе улица – Перспективная. Летом 1790 г. во время сильного наводнения береговую стену и башни острога подмыло, и они были разобраны. По словам иркутского военного губернатора Б. Б. Лещано, острог в это время представлял «ветхое деревянное крепостное строение, которое было подвержено совершенной гнилости и время от времени разваливалось и безобразило собою все окружающее место»⁴. Ввиду этого он распорядился расчистить место острога и разбить там городской сад. Не на много дольше простояли стены Верхнеудинской крепости. По сведениям городничего П. Е. Решетникова, просившего разрешение снести наиболее старые и ветхие сооружения города, Удинский острог в 1811 г. был уже частично разобран и совершенно прогнил. Все его крепостное строение было оценено местными властями в 20 руб. В мае 1812 г. последовало предписание очистить территорию города от ветхих строений для сооружения на их месте новых каменных зданий в соответствии с генеральным планом застройки, «чтобы не делали собою наималейшего безобразия»⁵. В некоторых городах острожные сооружения в разное время XVIII в. были уничтожены пожарами (Баргузин, Селенгинск), либо разрушены наводнениями (Петропавловская крепость, Нерчинск). В первой половине XIX в. они оставались только в небольших за-

штатных городках, какими были Илимск и Балаганск. Даже в пограничной Троицкосавской крепости стены к концу XVIII в. совсем обветшали, а военные постройки использовались не по прямому назначению. Согласно плану 1797 г. в офицерских покоех размещалась коммерческая экспедиция, а бывшие солдатские казармы и конюшни были заняты под хранение купеческих товаров. Спустя некоторое время старую крепость снесли окончательно.

Об Иркутске рубежа XIX в. современники оставили нелепые высказывания. Так, И. Калашников писал, что после проливных дождей городские улицы и площади становились совершенно непроходимыми. «Невысыхаемая грязь не была, однако ж, единственным достоинством иркутских улиц. Они были, сверх того, косы и кривы, тянулись, как им было удобнее, не удостаивая городской план ни малейшего внимания... К довершению картины город был украшен тысячами колодезных столбов, торчащих из каждого огорода»⁶. Городу еще повезло, что почва здесь была в основном песчаная, и вода не успевала накапливаться. «Улицы в нем, – писал другой современник, – как и во всех старинных городах, по большей части узки, но берег, на котором Иркутск построен, так сух, что, несмотря на случающиеся там продолжительные дожди, он скоро обсыхает и грязи в городе нигде не видно»⁷.

Вплоть до середины XIX в. все городское благоустройство в Сибири ограничивалось примитивными дренажными работами и попытками обустройства дорожного полотна, устройством простейших мостов и перевозов, укреплением береговой части города. Еще при первой иркутском губернаторе К. Л. Фрауендорфе в Иркутске были начаты работы по устройству деревянных тротуаров и укрепления берега Ангары. По сведению иркутской летописи, новый губернатор «крепкою рукою принял за устройство города, что жителям поначалу было в тягость, а после сами признали это за полезное». Первый обруб по берегу реки в районе городской канцелярии был поставлен в 1749 г. в связи с разрушением части берега. Укрепление состояло из сплошного деревянного частокола из лиственничных бревен, вбитых в дно реки. Над обрубом были сооружены несколько деревянных башен. Лет через десять береговое укрепление частично разрушилось и сгнило. В 1767 г. его восстановили, укрепив новыми сваями. Сильное наводнение в июле 1790 г. разрушило обруб, повредив деревянный настил над ним. Тогда же

были смыты водой береговые крепостные башни. В мае 1792 г. правительством было выделено 22 тыс. руб. на строительство нового обруба. Работы были поручены члену иркутской казенной палаты А. Худякову и архитектору Тимашевскому. Предполагалась вновь вбить сваи на протяжении 350 саж., высоту в 3 сажени. Работы были завершены к 1795 г. и обошлись в 15,7 тыс. руб. Оставшаяся сумма предназначалась для периодического ремонта и поддержания укреплений. В августе 1802 г. при очередном текущем ремонте укреплений берег над ними благоустроили. Над обрубом установили деревянный настил, на котором было построено несколько беседок, превратив его, таким образом, в первую благоустроенную набережную.

Приемники первого иркутского губернатора более отличались административным рвением, чем стремлением действительно благоустроить городское пространство. Так, иркутский губернатор Ф. Г. Немцов пытался достаточно жесткими методами воздействовать на горожан. По сведениям одной из иркутских летописей, он «приказал жителям строить около домов своих мостики (тротуары), а где их не было построено, вызывал хозяина и перед его же домом наказывал, чем попало»⁸. Человек честный и прямой военный губернатор Б. Б. Леццано нажил себе многих врагов среди иркутян, пытаясь приучить их к порядку и чистоте. Он запретил разводить в городских огородах табак и хмель, повелев вынести их посадки на окраины, ввел штрафные санкции за бродячий по улицам скот. А его распоряжение обсадить березами лучшие в городе улицы были восприняты жителями как «отягчительный налог» и вызвали многочисленные жалобы⁹.

К концу XVIII в. вслед за Европейской Россией города Сибири встали на путь перехода к регулярной планировке и рациональному освоению территории. Разработка перспективных планов шла трудно и занимала много времени. Сказывалось отсутствие опыта работы и традиции старой застройки. Из-за этого прогностическая функция планов зачастую оказывалась безрезультатной. Нередко в уже утвержденный план вносились дополнения и изменения. Создание перспективных планов способствовало формированию и закреплению в исторической перспективе городского ядра, административных, торговых, духовных центров, направлений главных магистралей¹⁰. Уже первый высочайше утвержденный план Иркутска 1792 г. регламентировал необходимую ширину улиц. Для главных она определя-

лась в 12 сажений, для второстепенных в 8. Планом рекомендовалась и площадь городских усадеб. По периметру она могла доходить до 578 м. В отношении самих жилых домов предлагалось использовать определенные типовые фасады, имевшие установленную окраску и стиль. Переход к перспективному планированию способствовал упорядочению работ по благоустройству, придавал им целенаправленность и системность. Этими вопросами занимались как городские власти, так и губернское начальство. На первом месте для городов региона стояли вопросы устройства мостовых, взвозов, мостов, перевозов, дренажные работы, устройство садов и мест отдыха, санитарно-технические мероприятия. В большей степени эти вопросы ставились и решались в крупных городских центрах, в первую очередь в Иркутске и ряде уездных городов. Малые города региона вообще не отличались каким-либо уровнем благоустройства.

Все же внимание к внешнему облику города было связано не столько с заботой правительства и губернской администрации, сколько с ростом городских доходов, а самое главное с появлением в сибирских городах определенной прослойки средних городских слоев, представленных купечеством и верхушкой мещанства. В их среде формировались собственные представления о городе, не только как о месте проживания и работы, но и досуга. Подобные изменения в образе жизни коснулись, прежде всего, наиболее крупные города региона, такие как Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск.

В начале XIX в. при гражданском губернаторе Н. И. Трескине уделялось заметное внимание состоянию городов Иркутской губернии. Наибольшую активность он стал проявлять после высочайшего циркуляра от 8 марта 1811 г., который обращал внимание на необходимость работ по благоустройству губернских центров. На его основе он издал собственный указ «О содержании в чистоте городов», в котором сформулировал правила приведения улиц и дворов в порядок, содержания скота и других домашних животных, прекращение бродяжничества. В. И. Вагин назвал этот проект любопытным памятником «тогдашнего состояния наших городов»¹¹. Через несколько лет были опубликованы дополнения Трескина к этому указу – «Правила для наблюдения за ночными сторожами и чистотой в городе».

Н. И. Трескин нашел, что устройство мостовых в Иркутске затруднительно из-за топкого грунта. Поэтому он распорядился

вместо мощения улиц засыпать топкие места землей и битым камнем (хрящом). Предполагалось в дальнейшем ежегодно исправлять и выравнивать полотно улиц тем же битым камнем¹². В более сухих местах города предполагалось выравнивание полотна хрящом, а для стока воды делать по сторонам улиц канавки. Специально для ремонта улиц и площадей города был введен сбор хряща, то есть устанавливали норму сбора его с каждого воза или судна. Для исправления дорог с городского общества было собрано более трех тысяч рублей¹³. В большинстве уездных центрах грунт улиц был достаточно тверд, и работы по устройству мостовых там не проводились. Исключением стал Верхнеудинск, где также было решено засыпать улицы битым камнем, и было собрано для этих целей 600 руб.

Общее руководство по благоустройству Иркутска возлагалось на инженерных чиновников и губернского архитектора. В первую очередь исправляли полотно главных площадей города и в районе казенных и общественных зданий. При этом только часть территории ремонтировалась за счет собранных средств. Владельцы домов и торговых заведений, а также настоятели храмов, расположенных в центре города, должны были производить ремонт на прилегающих к их строениям участкам улиц за свой счет. Чтобы облегчить положение малоимущих жителей, их не стали обременять дорожными сборами. Работы по ремонту полотна улиц около их домов осуществлялись за счет городского общества. Работы производились в основном в теплое время года с апреля по октябрь. Все виды работ – рубка фашичника, отсыпка полотна землей и песком, выравнивание улиц, покрытие их битым камнем – производились силами ссыльных, еще не водворенных на места поселения. Количество их постоянно росло. Если в 1813 г. в работах было занято всего 10 человек, то уже в 1818 г. ежедневно в дорожных работах участвовало по 109 ссыльных¹⁴. Соответственно увеличивались и объемы работ. За несколько лет они возросли более чем в три раза. Если в 1816 г. было исправлено всего около 5 тыс. кв. саженей, то уже через год – 16,8 тыс. Всего же с 1813 по 1818 гг. было исправлено более 46 тыс. кв. саженей городских улиц и площадей Иркутска. Больше половины объема этих работ приходилось на центральные районы города.

О размахе благоустройства городских улиц свидетельствует и постоянно растущее финансирование работ. Если в 1813 г.

было выделено 3,6 тыс. руб., то в 1817 г. было освоено уже 14,3 тыс. руб. Всего же за эти годы на ремонт и исправление городских улиц и площадей было затрачено более 40 тыс. руб. Помимо общественных сборов и «хрящевой» повинности к финансированию ремонтных работ привлекали также представителей крупного капитала. Начиная с 1817 г., по 5 тыс. руб. ежегодно выделяли на эти цели содержатели винного откупа по Иркутской губернии казанский купец Патюков и тобольский купец Кузнецов¹⁵. И в других городах региона состоятельные горожане не оставались в стороне от задач по улучшению городской территории. Так, М. К. Курбатов, избранный в 1816–1819 гг. городским головою Верхнеудинска, участвовал в мероприятиях по укреплению берега р. Уды и спасению города от частых наводнений. В 1817 г. он на свой счет устроил плотину «для отвода стремительной воды», чем заслужил благодарность жителей. В 1822 г. за устройство на р. Уде «плавучего» моста был награжден медалью на аннинской ленте с надписью «За полезное»¹⁶.

Для лучшего функционирования торговой инфраструктуры городские власти принимали меры для организации и благоустройства торговых пространств. Так, в 1812 г. иркутская городская дума выделила 10,6 тыс. руб. на строительство мясных рядов по ул. Соляной, рыбных на 6 Солдатской и каменных торговых рядов на Толкучем рынке. Кроме того, планировалась постройка трех постоянных дворов для приезжающих в город торговцев¹⁷.

Деятельность иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина, достаточно неоднозначная в целом, содействовала, тем не менее, упорядочению городской застройки и благоустройству, более соответствующей его статусу столицы Сибири. «Самый Иркутск, утопающий до него в грязи и перепутанный кривыми, странными переулками, – отмечал В. Паршин, – он совершенно преобразил и дал вид приличный губернскому городу. Улицы в нем вымощены фашинами и усыпаны хрящом, бугры выровнены, кривые и глухие переулки уничтожены, и чтобы спасти город от наводнения грязи и от озер дождевой воды, стекавшей прямо в улицы с Иерусалимской горы, облегающей с южной стороны город, он огражден во многих местах канавами»¹⁸.

В первой половине XIX в. продолжились работы по благоустройству набережной Ангары. Необходимо отметить, что в большинстве сибирских городов, расположенных на речных берегах, набережные становились главными фасадными частями.

О них заботились, старались выделить из общей застройки. Реки играли ведущую роль в организации городской застройки, которая, так или иначе, ориентирована была на береговую часть, создавая выразительную панораму сибирского города, удачно сочетавшую рельеф местности с высотными доминантами острожных башен и церквей. Особенно живописной была береговая панорама Иркутска, открывающаяся с противоположного берега реки, где обрывался Московский тракт. Еще при Н. И. Трескине в 1812 г. были составлены два проекта новой набережной Иркутска в деревянном и каменном исполнении. В 1819 г. проектом укрепления берега Ангары и устройством набережной в Иркутске занимался будущий декабрист Г. С. Батеньков. В феврале 1822 г. его проект был высочайше утвержден. Однако, из-за недостатка средств, работы начались только в 1823 г. Общее руководство работами осуществлял инженер-полковник А. А. Медведев. Общая стоимость работ составила 100 тыс. руб. Вместо обруба было решено соорудить откосные укрепления. От Московских ворот до места бывшего острога в берег был вколот тын из толстых лиственничных бревен. В глубину берега до трех саженей было сделано особое сооружение также из толстых бревен, свинченных в несколько рядов железными болтами. Затем все сооружение было засыпано землей, битым камнем, кирпичами и утрамбовано. Сверху весь береговой откос был облицован каменными плитами из местного серовика. Напротив духовной семинарии и Богоявленского собора к воде были проложены каменные лестницы. На месте бывшего острога около Спасской церкви был разбит городской сад. В результате этих работ вид береговой части города стал более привлекательным, и она вскоре стала любимым местом отдыха горожан. Как отмечал иркутский краевед Ю. Джулиани, город украсился «прекрасною набережною, близь коей устроен сад в английском вкусе». Во второй четверти XIX в. были сооружены береговые укрепления – обрубы и на других участках ангарского берега – около Знаменского женского монастыря и на участке от Дехтевской улицы до Базановского взвоза.

В 1830–1840-х гг. кроме обычного исправления улиц в центральной части города были проведены работы по устройству деревянных тротуаров и канав для стока дождевой воды. Более серьезное внимание уделялось оформлению и названиям улиц. В 1838 г. Городская управа представила на утверждение губернато-

ру реестр названий всех улиц, переулков и площадей. Предлагалось установить в начале и конце каждой улиц деревянные столбы с дощечками, на которых были указаны их названия. Всего в это время в городе считалось 66 улиц и 9 переулков¹⁹.

В исторической литературе часто отмечается сельский вид сибирских городов XVIII–XIX вв. Например, главной достопримечательностью Нижнеудинска, по свидетельству одного из современников, была «обширная городская площадь, покрытая сочной зеленью, где мирно пасутся лошадки и коровки добрых граждан города»²⁰. Даже в облике крупных городов региона, таких как Иркутск или Верхнеудинск имелось немало чисто аграрных черт. Особенно они бросались в глаза в городских пригородах. Вокруг них располагались пашни, луга, леса. Земельные участки были как в черте города, так и за ее пределами. Следует сказать, что сельский облик в той или иной степени имели практически все города Сибири. Был он связан в основном с хозяйственными занятиями городского населения, многие из которых имели огороды, пашни, держали скот и домашнюю птицу. Все это требовало наличия хозяйственных сооружений, амбаров, конюшен, стаек. Конечно, все это более было характерно для окраин и предместий городов, но и в центральных кварталах было немало замкнутых усадебных комплексов. Но важно отметить, что внешний вид даже самых малых «сельских» городов региона отличался от облика крестьянских поселений, прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки. Тем не менее, содержание и выпас скота доставлял горожанам немало неудобств, загрязняя и без того не отличающиеся особой чистотой сибирские города. Еще в 1842 г. иркутские власти установили штраф с домохозяев в размере 5 копеек за бродячий скот²¹. Необходимо отметить, что в городе насчитывалось до 2,5 тыс. лошадей и около 2,4 тыс. коров.

В малых городах региона вопросы городского благоустройства в это время вообще не обсуждались ни уездными властями, ни органами городского самоуправления. В Киренске, например, только к 1830-м гг. относятся первые робкие попытки придать городу более привлекательный вид. Улицы стали засыпать хрящом (битым камнем), кое-где устанавливались тротуары. Набережную Лены укрепляли плетнем и засыпали землей, камнем и различным мусором. Небольшая ее часть была обустроена дере-

вянным обрубом. В городе действовало два переезда на карбазах – один через Лену, другой через ее протоку Полой.

Некоторые элементы обустройства начали проникать к середине XIX в. даже в сельскую местность, правда, только в крупные селения, лежащие по Московскому тракту. «Замечательно, – восхищался автор одного из «Описаний», – что села Иркутской губернии, от Черемховой, украшены деревянными тротуарами, а с Кимильтейского селения даже довольно кокетливо, с тумбами»²². В то же время отдаленные малые города региона не имели даже этого. На Ф. Шперка, посетившего проездом заштатный Верхоленск в 1865 г., город произвел крайне негативное впечатление. «Постройка города, – отмечал он, – самая жалкая; хороших домов нет и небольшое число служащих терпит большой недостаток в квартирах»²³. Город имел всего две улицы, вытянувшие вдоль правого берега Лены. В нем насчитывалось 142 двора, в которых проживало 851 чел.

Большинство современников отмечали плохое санитарное состояние городов, что отрицательно влияло на жизнь горожан. «Значительная смертность в сибирских городах, – отмечал П. Головачев, – происходит от господствующей в них грязи, нечистоты, обыкновенно плохого качества питьевой воды, скопления уголовных ссыльных, не имеющих занятия и приюта, часто вспыхивающих эпидемий тифа, скарлатины и дифтерита»²⁴. Утопавшие в грязи улицы заставляли городскую администрацию заниматься обустройством мостовых. В дореволюционной России самой распространенной была булыжная мостовая, сложенная из круглых или овальных камней – булыжников. Достоинством ее являлась прочность и то, что она, благодаря неровностям, не была скользкой в дождь и грязь. Недостаток заключался в тех же неровностях, отчего экипажи по ним тряслись и громыхали. Грохот этот был настолько силен, что перед домами, где находились тяжелобольные люди, мостовую застилали соломой²⁵. Широкое распространение в это время получили также мостовые из щебенки или хряща (мелкого дробленого камня). Большинство же улиц не имело вообще никакого покрытия и представляло собой обычную проселочную дорогу, а ухабы и ямы в лучшем случае заваливались хворостом и засыпались песком.

К середине XIX в. заметные изменения произошли в благоустройстве забайкальских городов. Несмотря на то, что среди населения Троицкосавска и Кяхтинской слободы было немало

состоятельных лиц, благоустройство города не соответствовало его роли основного центра российско-китайской торговли. Даже таможенные и казенные постройки к середине 1850-х гг. пришли в полную негодность. В 1855 г. Кяхтинский градоначальник указывал, что «дом и пограничные ворота находятся в самом ветхом положении; на воротах государственный герб частично разрушился, а забор, проведенный от пограничных ворот к домам пограничному и принадлежащему американской компании, совершенно исчез и все это вместе представляет безобразный вид». Местные власти по мере возможности пытались исправить положение дел, резонно считая, что пограничный город является как бы лицом России. «Понятия китайцев о России, – отмечал А. И. Деспот-Зенович, – при настоящем отношении международных взаимодействий составляют единственно на основании данных, представляемых Кяхтою, здешние недостатки легко приписываются китайцами целому государству, а потому устранение оных и предоставление городу лучших условий общественной жизни достойно внимания правительства»²⁶. Надо отметить, что именно в годы деятельности его на посту Кяхтинского градоначальника во внешнем облике города произошли заметные перемены. Декабрист М. А. Бестужев очень эмоционально описывал эти изменения в Кяхте, отмечая, что она «помолодела, расфрантилась, приняла лоск европеизма». «Зыбкая масса песков, – писал он далее, – спокойно улеглась под полотном шоссеиного пути, заложенного посреди улицы, разветвляясь по площадям и побочным улицам... По обеим сторонам улицы, по которой мы ехали, были устроены деревянные тротуары, окаймленные рядом тумб и фонарных столбов... Прежде заваленная навозом речка улеглась теперь хоть в узкое, но опрятное ложе, окаймленное фашинником; часть ее воды проведена деревянными трубами в колодцы Торговой Слободы; прочные мосты с длинными каменными открьлками переброшены через нее и через все низменные места...»²⁷.

К середине XIX в. заметны были некоторые следы благоустройства даже в Нерчинске. Забайкальский краевед И. А. Юренский писал в «Очерке Заяблонья»: «... Главные улицы ровные, прямые и содержатся недурно. Нерчинцы иногда любят насладиться природой на живописном острове за Нерчей, где выстроена хорошенькая беседка, или протанцевать французскую кадрили, вальс, даже мазурку»²⁸. Значительные работы по

благоустройству города были произведены в 1860-х гг. купцами Бутиными. Украшением города стал их огромный каменный особняк, поражавший своими великолепными интерьерами. Зелеными зонами города стали общественный сквер с фонтаном на городской площади, где на трех десятинах земли было высажено до 2 тыс. деревьев. Но еще более великолепно устроен был сад Бутиных с оранжереей редких растений. Для более удобной поливки зеленых насаждений и цветов в саду и на площади была построена водонапорная башня. В бутинском саду были устроены гrotы, павильоны, киоски, стояли статуи Самсона, Аполлона, Венеры и др.²⁹

В силу общей экономической и культурной отсталости сибирских окраин, а также из-за климатических условий в городах Сибири только в середине и во второй половине XIX в. начинают прививаться отдельные элементы садово-паркового искусства. В окрестностях большинства сибирских городов располагались значительные лесные массивы, но озеленение их самих оставляло желать лучшего. Даже в губернском центре лишь при домах крупных чиновников и купцов были сады и оранжереи. Мест для народного гуляния и отдыха было крайне мало. Кроме набережной, которая мало посещалась иркутянами «по непривычке», в городе было еще два места отдыха: сад, устроенный еще Ф. Кличкой около своего загородного дома на Ангаре (позднее в этом месте было построено каменное здание института благородных девиц) и «публичный Портновский сад» на Ушаковке, который купец Портнов пожертвовал городу. При Н. И. Трескине там был выстроен зал для танцев и фонтаны, вода для которых была проведена из реки. Там же на Ушаковке была огорожена забором бывшая комендантская березовая роща. Здесь даже были устроены «кое-какие беседки», но из-за неудобного местоположения она также не пользовалась вниманием посетителей. По-прежнему, любимыми местами всех горожан оставались берега Ушаковки, в летнее время целыми семьями выезжали на Иркут и Каю.

Первый же городской публичный сад был разбит на пустынном месте, оставшемся после разборки последних острожных сооружений, в октябре 1824 г. Создание его было связано с именем декабриста А. Н. Муравьева, служившего в Иркутске в 1828–1832 гг. городничем. На месте обруба был устроен первый городской бульвар, засаженный в четыре ряда тополями³⁰. Здесь

устраиались представления, гуляния и иллюминация. По выходным и праздничным дням играл духовой оркестр. После пожара 1879 г. Спасский сад был заново перепланирован. Для его благоустройства городским головою В. П. Сукачевым было выделено из своих средств 10 тыс. руб. В конце XIX в. одним из любимых мест отдыха стал Сукачевский сад, устроенный вокруг его загородной усадьбы. Одной из самых смелых его идей была мечта о создании «зеленого кольца» парков вокруг Иркутска³¹. В 1860-х гг. по решению городской управы Иркутска на месте старой березовой рощи в устье Ушаковки был устроен второй городской сад, получивший название Интендантский. В нем были разбиты аллеи, водные каналы и пруды с мостиками, построены беседки. Со временем он стал наиболее любимым местом организованного отдыха иркутян. В 1890-х гг. здесь был построен летний театр, работал цирк, библиотеки-читальни, буфеты. В зимнее время устраивался каток и ледяные горки.

В других городах региона общественные сады начинают появляться значительно позднее. В первой половине XIX в. озеленение городов выражалось лишь в единичных посадках деревьев и кустарников при жилых домах. Отдельные попытки предпринимались представителями администрации и купцами. Заметную роль в приобщении сибиряков к садовому искусству сыграли декабристы. Так, первый опыт создания зеленой зоны в Верхнеудинске связан с именем декабриста А. Н. Муравьева, а затем под его влиянием первый сад в районе города разбил купец Г. А. Шевелев³². Во второй половине XIX в. городские парки появились в Верхнеудинске, Чите, Троицкосавске и Нерчинске.

К элементам городского благоустройства относились также места захоронений. По давней христианской традиции умерших хоронили на освященной земле близ церквей и монастырей. Первое иркутское кладбище располагалось неподалеку от стен острога у Спасской церкви, а в дальнейшем небольшие погосты возникли практически при каждой приходской церкви. Расширение городских территорий, задачи их благоустройства и улучшения санитарного состояния требовали радикальных мер и в этой деликатной сфере городского общежития. Рядом указов 1760–1770-х гг. Екатерина II распорядилась организовать в российских городах особые места для захоронений, специально оговаривая, чтобы они располагались за городом и были окружены ограждением. В развитие этих предписаний иркутский

губернатор А. Бриль еще в 1768 г. запретил хоронить усопших при Спасской церкви и в других храмах города, распорядившись вынести место погребения к находящейся на окраине Крестовоздвиженской церкви³³. Здесь на Иерусалимской горе и было учреждено городское кладбище. Свое название местность эта, а за ней и кладбище получили от небольшой каменной церкви во имя входа в Иерусалим Иисуса Христа, заложенной в 1793 г. В это же время кладбище окружается рвом и земельным валом. После открытия городского места захоронения при церквях остались лишь небольшие некрополи для захоронения священнослужителей и наиболее почетных прихожан. Со временем небольшие кладбища появились в предместьях города Знаменском и Глазковском, отделенных от города Ангарой и Ушаковкой.

К концу XVIII в. особое внимание в России стали обращать на благоустройство городской среды и насыщение ее пространства малыми архитектурными формами. Непременным атрибутом городских площадей и улиц были верстовые и указательные столбы, шлагбаумы, полицейские будки, почтовые станции, фонари и столбы у тротуаров, уличные мостовые, набережные, мосты и другие сооружения, которые также возводились по типовым проектам. Многочисленные типовые проекты элементов городского благоустройства издавались печатным способом и рассылались на места. Так, к 1805 г. относится чертеж, «каким образом обсушивать городские улицы», представлявший собой типовые профили улиц для провинциальных городов. В том же году были сделаны проекты верстовых столбов, указателей, шлагбаумов, полицейских и солдатских будок и т. д.³⁴ Подробное техническое описание способов строительства дорог, мостов, перевозов содержал указ 1817 г. «Об устройстве городов и селений». В разделе «О городах» наряду с указаниями о соблюдении чистоты и порядка приводились строго определенные цвета для окраски домов. Образцы «дозволенных» цветов – белого, палевого, бледно-желтого, светло-серого, бледно-розового и желто-серого – присылались на «дощечках» Министерством внутренних дел³⁵. Большое внимание уделялось оформлению въездов в города. Как правило, это были либо арки, либоobelisks, поставленные по обе стороны дороги. Впрочем, подобные архитектурные сооружения были крайне редки в сибирских городах. В основном они появлялись в губернских городах к особо торжественным случаям.

Впервые подобное сооружение было построено в Иркутске в 1789 г. для встречи нового генерал-губернатора И. А. Пиля. Это была временная деревянная триумфальная арка, поставленная при въезде в город по Московскому тракту. Более монументальны и долговечны были Московские триумфальные ворота, построенные в 1811–1813 гг. в Иркутске архитектором Я. А. Кругликовым в честь десятилетия воцарения Александра I. Располагались они на берегу Ангары в районе Московской заставы и оформляли собой главный въезд в город. Это было массивное каменное сооружение в четыре этажа, выполненное в стиле ампира. Высокая арка ворот была достаточно красива. Центральный фронтон ее был украшен двумя симметрично расположенными рогами изобилия и другими лепными украшениями. Окрашены ворота были в светло-желтый цвет, а колонны и вся лепнина в белый. Хотя архитектура Московских ворот, по мнению специалистов, носила «сильный провинциальный оттенок», они в течение многих лет украшали Иркутск, придавая ему столичный вид³⁶.

Еще одни триумфальные ворота, уже деревянные, окрашенные в темно-синий цвет, с надписью на северном фронтоне «Дорога к Великому океану», появились в Иркутске в августе 1858 г. Они были построены по проекту городского архитектора А. Е. Разгильдеева к торжественной встрече генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, подписавшего Айгунского договор, определивший границу между Россией и Китаем по Амуру. Ворота были выстроены у Заморской заставы в створе улицы Заморской, к которой подходил тракт от Байкала. Первоначально они ставились как временные и после торжеств должны быть убраны. Но так органично вписались в городскую застройку, став достопримечательностью одной из центральных магистралей города, что городская Дума решила сохранить их в качестве памятного знака. Подобные постройки появлялись и в конце XIX в. Так, украшением города стала Царская триумфальная арка, спешно выстроенная к встрече наследника престола цесаревича Николая в июне 1891 г. Проект городского архитектора В. А. Рассушина был выдержан в характерном для древнерусского каменного зодчества стиле. Сложенная из красного нештукатуренного кирпича Царская арка поднимала на своих фигурных столбах граненый островерхий шатер, завершающийся государственным гербом. С одной стороны от Арки

шел деревянный помост к Кафедральному собору, с другой – длинная и широкая лестница спускалась к берегу реки.

К особо торжественным событиям старались придать городам праздничный вид. Особенно старались городские власти навести лоск перед посещением города членами царской семьи. Например, перед посещением Томска великим князем Алексеем Алексеевичем в 1873 г. городская управа издала распоряжение, в котором просила «жителей и владельцев, как частной, так и казенной недвижимой собственности, обратить должное внимание на соблюдение наружной чистоты и опрятности, как у строений, так и по улицам. Каждый обязывается по своим средствам, насколько это возможно, покрасить и исправить свои дома, крыши и крыльца; развалившиеся и ветхие заборы исправить, отвалившуюся штукатурку поправить, обмазанные домики выбелить; низкие болотные места по улицам загатить и засыпать галькой и песком; тротуары ветхие заменить новыми; с улицы убрать лес и всякий хлам, пустопорожные места обнести приличными заборами; посыпать улицы песком и чаще их мести»³⁷. Подобные же работы проводились на всем пути следования высокопоставленных гостей. С большим размахом украшались сибирские города флагами, зеленью, цветами, иллюминацией во время путешествия по Сибири цесаревича Николая в 1891 г.

В духовный мир сибиряка органично были включены образы и традиции восточного мира, хотя они и не являлись определяющими. Несмотря на то, что сибиряк имел довольно смутное представление о многообразии духовно-нравственных представлений и образов людей Востока, на бытовом уровне они в той или иной степени проникали в его ценности и культуру. Со временем они также становились одним из элементов городского обустройства. Так, еще в начале XVIII в. И. Георги отмечал в иркутских домах «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз, статуэток, картин, бытовых вещей. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы. Китайская материя разных сортов и изделия из нее, чай, сахар имели повсеместное употребление. Даже в деревянном декоре Иркутска сквозит причудливый восточный колорит, привнесенный близостью Китая и монгольских степей. В растительном и геометрическом орнаменте отчетливо просматриваются стреловидные узоры, остrokонечные звезды и завитки, похожие на бараньи рога. На некоторых деталях деревянных ук-

рашений домов можно разглядеть фигурки львов, стоящих на задних лапах. Образы Востока, сошедшие с китайских рисунков и миниатюр, нередко входили в повседневную жизнь, создавая причудливый сплав стилей и архитектурных элементов. Так, иркутский краевед начала XIX в. А. И. Лосев отмечал, что в городе « в садах искусством устроенных амфитеатров и бельведеров не имеется, а беседки в употреблении более китайского вкуса (какие в городе Кантоне) с чертежей и китайских картин»³⁸. В еще большей степени близость Востока была заметна в забайкальских городах. Проезжавший в 1811 г. через Верхнеудинск директор иркутской гимназии И. Е. Миллер отмечал чистоту и опрятность жилых помещений и несомненный китайский вкус в убранстве: «Комнаты по большей части украшены китайскими ландшафтами, историческими картинами, фарфором и другими китайскими художественными произведениями»³⁹. Восточный колорит города стал более заметен во второй половине XIX в. «Здесь все явственнее ощущается соседство с Китаем, – писал в 1881 г. французский путешественник Э. Котто, – Все лавки на базарной площади имеют надписи на китайском и русском языках. В городе проживает несколько сотен китайцев и значительная часть розничной торговли сосредоточена в их руках. ...В городе встречается много бурят. Одежды этих людей, вертикальные вывески с причудливыми надписями, золоченые дощечки из резного дерева, украшающие витрины магазинов – все это напоминало мне о том, что я нахожусь в самом центре Азии»⁴⁰. Небольшие китайские лавочки, рестораны, чайные заведения начинают быстро расти в восточно-сибирских городах после проведения железной дороги. В начале XX в. в Иркутске действовало уже несколько десятков китайских лавочек и магазинов, а всех китайских торговцев в городе насчитывалось до 200 человек. В основном китайскую диаспору в забайкальских городах и Иркутске формировали мелкие торговцы и ремесленники.

Вопросы коммунального хозяйства только во второй половине XIX в. стали предметом рассмотрения городских властей Сибири. С наступлением темноты вся жизнь в городах замирала. Уличное освещение появилось в середине XIX в., но лишь в крупнейших городах. В Иркутске в 1836 г. было установлено 10 первых фонарей, а вскоре еще 50, которые были размещены по Большой и Амурской улицам. В 1849 г. городской голова И. С. Хаминов за свой счет изготовил еще 76 фонарей⁴¹. В каче-

стве горячего в них использовалось специальное масло. Ненадежные, дающие сумеречное освещение масляные лампы, тем не менее, использовались более четверти века. В Тобольске уличное освещение появилось еще позже, в 1857 г. В других городах Сибири не было и этого. В 1870-х гг. в Иркутске появилось 200 фонарей, действующих на спирто-скипидарной жидкости. А спустя десять лет их заменили на керосиновые фонари, которые были настолько лучше, что горожане их стали просто красть. В 1892 г. в Иркутске насчитывалось 423 керосиновых фонаря, но жители жаловались, что горят они «до появления луны на небе»⁴². Иркутянам было уже, с чем сравнивать. В ряде домов и магазинах города в это время было уже установлено электрическое освещение.

Обеспечение городов водой решалось на протяжении рассматриваемого периода достаточно просто. Во дворах большинства горожан и по улицам было вырыто множество колодцев. Кроме того, прибрежное расположение большинства городов также способствовало обеспечению водой горожан. В Иркутске основными поставщиками воды для питья, в противопожарных и технологических целях служили воды Ангары, Иркуты, Ушаковки и других более мелких рек и ручьев. Доставка к потребителям осуществлялась водовозами. Так же просто решались вопросы водоснабжения в других городах региона. В Нерчинске, например, для обеспечения населения водой использовался родник, находящийся у южного склона берегового ската. Вода накапливалась в специальном бассейне, над которым была построена часовня.

Только к концу XIX в. в Иркутске приступили к строительству паровых водокачек, а вопрос об устройстве водопроводов затянулся до начала следующего столетия. Еще хуже обстояло дело с утилизацией и вывозом нечистот. Вплоть до начала XX в. основными сборниками нечистот были выгребные ямы во дворах горожан. Частично эти нечистоты через сточные канавы попадали в речные водоемы, но в основном вывозились ассенизационными обозами в специально отведенные местности. Вопрос о постройке городской канализации в дореволюционное время так и не был решен городскими властями. По центральным улицам устраивались водосточные канавы, но за состоянием их следили плохо, что приводило к разрушению полотна дорог, подтоплению подвальных помещений.

Нельзя сказать, что Городская дума Иркутска не уделяла должного внимания проблеме чистоты улиц. Очистка улиц сдавалась подрядчику с торгов на год, отслеживался процесс вывоза и свалки снега, мусора и нечистот в строго определенные места. Неоднократно принимались постановления о порядке сбора и вывоза с городских улиц отбросов. В соответствии с ним домовладельцы обязывались ежедневно выметать улицы, тротуары и канавы, прилегающие к их домам, до 7 часов утра. Весь мусор надлежало складировать в специальные контейнеры. По мере наполнения домохозяевам следовало вывозить их в специальные места, указанные для свалки нечистот. Сюда же иркутяне должны были свозить и трупы погибших домашних животных. В зимнее время домовладельцам предписывалось расчищать перед домами сугробы, очищать тротуары от снега и во время гололеда посыпать их песком⁴³. Но все это касалось центральных улиц, а в стороне от них и на окраинах все оставалось по-прежнему.

Таким образом, несмотря на общую экономическую и социально-культурную отсталость сибирских городов от Европейской России, в их внешнем виде и благоустройстве в рассматриваемое время начинают происходить заметные изменения. В конце XVIII – первой половине XIX в. усилиями губернских и городских властей в наиболее крупных городах региона формируется городская среда с элементами четкой регулярной застройки, включающей в себя организацию улиц, площадей и набережных. Во второй половине XIX в. закладываются основы коммунального хозяйства, создаются зеленые зоны и места отдыха. Отмеченные изменения затрагивали в основном наиболее крупные города, такие как Иркутск, Чита, Верхнеудинск, Троицкосавск. В то же время в облик средних и, особенно, малых городов по-прежнему оставался полудеревенским, а все благоустройство сводилось к отсыпке улиц битым камнем и устройству тротуаров.

Глава 3

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

3.1. Культура и повседневный быт горожан

Культурная среда города формировалась в теснейшем взаимодействии профессиональной и традиционной культуры. Главным стержнем в понимании культуры выступают ее социальная функция и факторы, влиявшие на этот процесс. Потребление, распределение культурных ценностей в городском обществе становятся социально-значимым фактом, представляя культурно-творческий аспект общественной жизни. «Культура, таким образом, – замечает Л. В. Кошман, – выступает как один из показателей общественного прогресса, в котором воплощаются потребности и возможности жизни человека во всех ее проявлениях, нравственные и политические идеалы, образовательно-правовое самосознание»¹. Городская культура, конечно, была частью культуры официальной, но в тоже время, город являлся носителем инноваций, центром сосредоточения культуры креативной, создающей, формирования культурно-информационной системы, способствующей интеграции культурных процессов. «Все, что происходит в культуре в области религии, знаний, искусства, зародилось в городе», – отмечал еще Н. П. Анциферов².

В тоже время, культура города никогда не была замкнутой системой: через различные формы коммуникаций город был связан с окружающей его сельской округой и другими городами. Само присутствие города, выполнение им административных и экономических функций оказывало заметное влияние на зависимую от него территорию и заметно ускоряло социокультурное пространство сельской местности. Развитие коммуникационных связей во многом определяло степень интенсивности взаимодействия городского населения, потребность в культурном обмене. Именно город был центром развивающихся информационных технологий. В рассматриваемый период можно

было только наблюдать, как из почти неразвитого информационного пространства начинают выделяться первые технологические системы, прежде всего почта. Все остальное – телеграф, телефон, железная дорога и т. п. в Сибири появляются только во второй половине XIX в. Почтовым же сообщением все города России, прежде всего столицы и провинциальные центры, в том числе на сибирских окраинах, были связаны уже к концу XVIII в.

Одним из важнейших компонентов формирования городской культурной среды и повседневной жизни является информационное поле, способы передачи информации, коммуникативные каналы и взаимодействия. Проблема эта в отечественной историографии еще не поднималась. Как правило, она воспринималась, да и то с оговорками для второй половины XIX в., лишь как одно из направлений образовательного пространства города. До недавнего времени информационная среда применительно к дореформенному городу вообще не рассматривалась как самостоятельное направление в историческом исследовании. Считалось, что ее тогда вообще не было, и появляется она только в XX в. Между тем, уже у первых сибирских поселенцев был свой информационный мир. В целом он был такой же, как у горожанина Европейской России или Европы того времени. Но в Сибири было все по-другому, здесь существовало свое информационно-культурное пространство, представленное материальным миром и образами коренного населения. Переселенец приносил с собой не только власть, но и свой уклад жизни, он укоренялся на этой земле, переделывая ее для жизни и дальнейшего развития. «В сфере информационного поля, информационной общности, – справедливо отмечал Д. Я. Резун, один из первых обративший внимание на данную проблему, – это было чистейшим распространением того информационного контента, который существовал у сибиряка «дома», в «покинутом доме», и взаимной ассимиляцией информационных сред – европейской и азиатской»³.

Информация только тогда важна для человека, когда она имеет для него какой-то результат, т. е. возможность использования. Она должна быть своевременна и полезна. В сибирском городе приоритетной была информация служилых и торговых людей из разных мест Сибири. Эту информацию очень сложно выделить, т. к. она обычно не фиксировалась. «Информационный мир сибирского горожанина был первоначально сравнительно узким и преимущественно неофициальным»⁴. Большая

часть информации передавалась через слухи, устные рассказы бывалых людей. Несмотря на то, что горожанин в это время чаще выступал пассивным получателем, а не потребителем информации, он уже систематизировал и анализировал полученные сведения, пытаясь использовать их в своей повседневной жизни. Наиболее активными участниками информационного пространства были представители административного аппарата и торгового капитала.

Основными информационными каналами служили официальная устная и письменная информация (указы, грамоты и т. п.), а также вербальные каналы связи – слухи и сплетни от приезжих, монахов, ссыльных, информация с мест промыслов, торгов и т. п. «Основными источниками письменной информации служили такие каналы как управленческий и административный аппарат, церковь, тогда как деятельность, связанная с торговлей и общественным бытом, в большей степени являлась передатчиком устной информации»⁵. Многообразие информационного поля тех лет компенсировалось только за счет широкого спектра региональных известий о событиях в своем городе, крае, соседних городах. Расширяли информационное пространство выходцы из России и европейских стран, которые сохраняли тесные информационные связи со своими странами или с соплеменниками в России. Достаточно заметной была роль церкви и православия в расширении информационного пространства.

Уже на начальном этапе заселения Сибири сложились основные типы информации: официальная, полуофициальная, неофициальная. При этом особенностью информационной структуры была ее линейность. То есть все информационные потоки почти не пересекались. Изменилось это только с появлением сибирской прессы в середине XIX в. Еще одной особенностью была однонаправленность информационных потоков. Сибирский город более потреблял информацию, нежели сам ее производил. Купцы были людьми практичными. Их интересовало то, что было «здесь и сейчас», чем «когда-нибудь и где-то». Торговые связи также часто служили звеньями информационного и культурного обменов между жителями городов и инородцами и жителями других государств. Уже в XVIII в. в их среде появилась необходимость как то фиксировать разнообразные сведения и передавать их своим детям. Настоящим феноменом сибирского города этого периода стали городские летописи, кото-

рые велись в купеческих родах. Наибольшей насыщенностью летописания отличался Иркутск, ставший одним из главных административно-экономических центров Сибири.

В XVIII в. информационная насыщенность сибирского города возросла. Стал функционировать Московский тракт, связывавший все сибирские города. Он как бы выравнивал информационное поле сибирского города и определял его. Не случайно главными потребителями информации стали представители бизнеса. Именно купцам «была необходима информация, пригодная к анализу, т. е. многообъемная, многофакторная, и, можно сказать, фактически массовая»⁶. К концу века в Сибири появилась почта, пусть медленно, но развивалось образование, научное изучение края, первые зачатки культурной среды. К середине XIX в. сложилось информационное пространство сибирского города практически в максимальном его значении, т. е. совокупность информационных потоков, информационных каналов и информационных источников, создающих в своем непрерывном взаимодействии основу той общей, открытой и доступной информации, по которой мы сейчас судим о его развитии. Слухи и сплетни также гармонично входили в эту структуру. В XIX в. появляются и накопители информации – библиотеки, музеи, архивы и частные книжные собрания.

На расширение информационной среды по-своему влияли огромные сибирские просторы. Многие из купцов и их торговых служащих за свою жизнь преодолевали десятки тысяч верст по всем направлениям. Это расширяло умственный кругозор и представления, приводило к знакомству с множеством различных людей, включало их в информационное пространство Сибири. Кроме того, длительные путешествия были хорошим подспорьем в самообразовании, и для многих чтение давало возможность скрасить долгие часы переездов от одних почтовых станций к другим. Н. А. Белоголовый приводил в пример своего отца, который за свою жизнь 25 раз ездил в Москву и обратно, а, кроме того, неоднократно бывал в Якутске и на Амуре. Даже в год своей смерти, «уже расшатанный болезнью, успел побывать и в Петербурге и в Николаевске-на-Амуре, т. е. на крайних западном и восточном пунктах Российской империи»⁷.

Превращение острожных поселений в городские центры сказалось на всех сторонах их жизни. Менялся внешний вид городов, постепенно приобретая более развитую торговую инфра-

структуру. В течение XVIII в. в городах формируется архитектурно-пространственная среда, в которой заметное место уделяется планировочным решениям и благоустройству. Не менее серьезные изменения происходили в социальной и культурно-бытовой жизни горожан. Уже первое поколение городских жителей внесло свой вклад в накопление сведений о естественно-природном мире Прибайкалья и народах, населяющих этот край. Своеобразным итогом изучения Сибири в XVII в. стала «Чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова и его сыновей (1701 г.), в которой среди прочих имелись чертежи земли Илимского, Иркутского и Нерчинского уездов. На них впервые были представлены графические изображения городов и острогов региона, сельских поселений и мест обитания «ясадного» населения. Собранные казаками-первопроходцами сведения по истории, географии, этнографии края были использованы в ряде сочинений начала XVIII в. Можно назвать «Географическое описание г. Иркутска и Иркутского уезда», автор которого остался неизвестен. В нем даются описания городов и острогов, перечислены заимки служилых и посадских людей, крестьян, показаны дороги между ними, кратко обрисована речная система края. Особую ценность имеют также описания порядков и обычаев, материальной и духовной культуры сибирских народов, ставшие впоследствии основой этнографических исследований.

Позднее эти сведения использовались при составлении ответов на различные анкеты. Необходимость составлять ответы «на запросные пункты господ профессоров Академии» Г. Ф. Миллера и И. Э. Фишера, анкеты Академии наук, Шляхетского корпуса, Комиссии по коммерции заставляло местных чиновников интересоваться старыми документами, собирать различные сведения о природе и географии края, хозяйстве и быте населения. Один из таких составителей канцелярист Георгий Суворов сообщал, что «прошлых лет в архиве Иркутской дела до бытности моей были не описаны и не разобраны, а ныне по определению Иркутской провинциальной канцелярии прошлых лет всякие старинные дела разбираютца по годам и описывают, для чего определен нарочный»⁸. Исторические сведения составлялись не только по Иркутску, но и по самым небольшим поселениям Байкальской Сибири. Так, Иваном Шехонским была составлена «Ведомость, сочиненная Иркутской провинции Верхотурского уезда». В общей сложности в ней представлены ответы

на 158 вопросных пункта по истории, географии, ботанике, зоологии, экономике и т. д. Интересно, что в ответ на 101 вопрос: «Кто воеводы или губернаторы своим тщанием и разумом какую ползу городу показали» составитель прямо написал, что «в Верхоленском остроге от управителей и от других ни от кого тщания и радения не бывало»⁹.

Развитию интереса к окружающей среде, собственной истории, пограничным странам способствовали научные экспедиции, участники которых неоднократно бывали в Иркутске и других городах Байкальской Сибири. Иркутяне с интересом встречались с Д. Г. Мессершмидтом, И. Г. Гmeliным, участниками Второй Камчатской экспедиции В. Беринга, а позднее с П. С. Палласом и И. Г. Георги и другими исследователями. Особое внимание, прежде всего у купечества, вызывали сведения о новых землях на Тихом океане, экзотических странах Юго-Восточной Азии. Восточная ориентация Иркутска проявилась уже с конца XVII в. В городе бывали посланники и торговые люди из различных мест Монголии, Средней Азии, Китая. Разными путями в город попадали представители таких отдаленных государств как Япония или Индия. Японцы были в основном представлены потерпевшими кораблекрушение моряками. Некоторые из них принимали православие и оседали в посадском обществе. В 1720-х г. г. в Иркутске некоторое время проживал индийский купец с диковинным именем Парессотемагир. Был он родом из Дели, в Иркутске занимался торговыми делами. Здесь его окрестили и женили. Он очень заинтересовал Д. Г. Мессершмидта, который брал у него уроки индийского языка и записал с его слов различные сведения о выращивании и сборе сортов чая в Индии¹⁰.

Научные экспедиции расширяли информационное пространство даже самых небольших северных городов региона. Местное население широко привлекалось к различным работам по обеспечению экспедиций, перевозке людей и грузов. Участники первой Камчатской экспедиции зиму 1726–1727 гг. провели в Илимске и Усть-Куте, занимаясь подготовкой к сплаву в Якутск и научными наблюдениями. Так, А. И. Чириков проводил в Илимске геодезические исследования, определяя координаты населенных пунктов. Илимск стал основной базой Второй Камчатской экспедиции. Для различных работ, связанных с ее задачами, были привлечены сотни илимских и ленских крестьян

и разночинцев. В составе последней экспедиции действовал небольшой академический отряд, занимавшийся изучением истории, географии, полезных ископаемых, природы Сибири. На территории Илимского уезда разнообразные исследования проводили астроном Делиль де ля Кроер, натуралист И. Г. Гмелин, историк Г. Ф. Миллер. Последний уделил большое внимание уездному архиву, потребовав от илимских властей, чтобы «команды нашей студенту Алексею Горланову позволено было старинные приказные дела пересмотреть и что от него выбрано будет, оное по приезде нашем для прочтения в нашу квартиру прислать надлежит»¹¹. В Киренском остроге Миллер и Гмелин пробыли с 24 июня до 11 июля 1736 г. Через год, возвращаясь из Якутска, профессора вновь задержались в Киренске, а Гмелин даже зазимовал здесь. Отсюда он рассылал письма и инструкции волостным властям, в которых требовал доставить образцы различных животных. В записках и дневниках ученого много места было уделено описанию Киренска и его окрестностей.

Грамотность проникает в Сибирь вместе с русскими служилыми людьми и казаками. И хотя она на первых порах в целом была низкой, никак нельзя согласиться с мнением отдельных историков об отсутствии в Сибири до XVIII в. грамотных людей за исключением духовенства¹². Освоение новых земель, их изучение и колонизация предполагает движение туда людей энергичных, деятельных, развитых, поэтому среди предводителей казачьих отрядов, торговых и промышленных людей было немало грамотных людей. Об этом свидетельствуют их «отписки» и «скаска», челобитные и другие документы. Уже в 1689 г. в Иркутске были грамотные люди, умеющие не только расписываться, но и составлять деловые бумаги. Взятый на откуп «площадное письмо» Ф. Демидов вынужден был просить воеводу И. М. Перфильева запретить под угрозой штрафа всем другим заниматься этим ремеслом, ибо «мимо иво Федьки пишут площадные дела и всякие письменные крепости сторонние всяких чинов люди»¹³.

Каких-то точных сведений об уровне грамотности в городах Байкальской Сибири в начале XVIII в. практически нет, но показательно, что из 40 человек жителей Уриковской слободы, привлеченных к следствию по делу крестьянки М. Родионовой, грамотных оказалось 7 человек – казак, дьячок, три жителя слободы и, что само по себе интересно, 2 крестьянки. Женская гра-

мотность в России вплоть до XIX в. была уделом только привилегированных сословий. Чаще грамотные встречались среди служилого населения. В этом плане показательны две челобитные иркутских казаков 1698 и 1699 г. г. Первую из них от имени 50 человек подписало 9 казаков, вторую от имени 53 – 19 человек.

В XVIII в. число грамотных людей в регионе заметно растет. За отсутствием школ детей учили у писцов, подьячих, священников, отставных военных. Обучение было самым примитивным и имело целью научить лишь письму и чтению. Удовлетворить свою страсть к более широким знаниям можно было только самообразованием и чтением. Торговые дела заставляли купечество обращать внимание на элементарное домашнее образование своих детей. В роли учителей обычно выступали священники и монахи, разночинцы, чиновники, ссыльные. Некоторое число грамотных встречалось даже среди крестьянского населения. О наличии грамотных среди сельского населения свидетельствуют наказы ленских крестьян в Уложенную комиссию. Так, киренский наказ подписали за себя и остальных местные крестьяне Яков Квасников и Матвей Соскин, в Илгинском остроге за всех подписался староста Филат Чувашов, в Усть-Кутском крестьянин Д. Добрынин, в Кривоуцкой слободе – И. Квасников и Ларион Коковин. Наказы из других мест сохранили подписи местных священников и служилых людей. В целом, надо признать, что количество грамотных в уезде было крайне невелико, и не покрывало даже потребностей местного самоуправления. В 1762 г., например, из числа назначенных в волостях Илимского уезда 9 приказчиков из крестьян только 6 были грамотными, а из 5 выборных лишь один. Немного было грамотеев и среди посадских. В 1749 г., например, илимская воеводская канцелярия отмечала, что в бургомистры и ларешные были назначены посадские, которые «в грамоте читать и писать не умеют, к тому же и малосмышленные»¹⁴.

Во второй половине XVIII в. в связи с реформированием городского самоуправления и изменениями в управлении губернского и уездного звена потребность в грамотных людях значительно возросла. Представители от крестьянства выбирались теперь не только на должности волостного самоуправления, но и в уездные и губернские органы. Первые же выборы показали низкий образовательный уровень ленских крестьян. На выборах в Подкаменной слободе участвовало 80 человек, из

них грамотных оказалось всего 13. В Усть-Кутском остроге от имени 63-х крестьян подписалось шестеро, в Чечуйском лишь 4 из 76 крестьян умели читать и писать¹⁵. Такая же ситуация была на всей территории Байкальской Сибири. Даже в крупных городах региона многие из купцов и посадских не могли за себя подписаться. В тоже время, активное участие в промысловых и торговых операциях на тихоокеанском побережье и в Кяхте само по себе расширяло кругозор предпринимателей и требовало от них значительных усилий по обобщению накопленных знаний. «Самый образ тамошних дел и промышленности, – справедливо подмечала Е. А. Авдеева-Полевая, – требующий смелости, непрерывно новых соображений и некоторых сведений, способствовал направлению общества к образованности, ибо известно, что промышленность и торговля, не ограничивающиеся только делами своего города, всего больше способствует развитию умов и общей образованности. Оттого являлись в Иркутске между общим сословием люди необыкновенные и множество лиц достопамятных и оригинальных»¹⁶.

Домашнее образование получило значительный размах только в Иркутске, подготовив, таким образом, почву для введения первых городских школ. В середине XVIII в. в Иркутске, как писали земские старосты, «в городе от купечества школ никаких не состоит, а обучают своих детей словесной грамоте у разных, а особливо у духовного чину»¹⁷. Наличие элементарно обученных детей позволило открыть в Иркутском главном народном училище в 1789 г. сразу три класса из четырех: в 1 класс записало 50 человек, во 2 – 17, в 3 – 15 человек, «да сверх того не поступивших еще ко обучению в народное училище купеческих и мещанских детей 247, кроме ремесленнических детей... Из вышеописаннова числа не поступивших во обучение ежели последует запрещение оное по домам доныне разнова (чина) учащими детей людьми продолжать, то еще поступить в училище до ста человек может»¹⁸.

Петровские преобразования потребовали большего числа образованных людей, более углубленных знаний и опытных специалистов. Особенно остро эта проблема стояла в Сибири в связи с широкомасштабным изучением ее природных ресурсов, становлением горного дела, описанием и освоением восточных окраин и Тихоокеанского региона. Изучение исторических традиций народного образования имеет важное значение для выяс-

нения характера и уровня культурного развития сибирских городов. Деятельность школ занимала большое место в развитии культурной среды Байкальской Сибири, оказав влияние на процесс консолидации творческих сил, развитие общественной и культурной жизни горожан, их повседневного быта.

Иркутск как центр губернии и один из наиболее крупных городов Сибири сконцентрировал в себе культурный, научный и духовный потенциал, сосредоточил наибольшее количество учебных заведений разного уровня и специализации, оказывая тем самым существенное влияние на процесс формирования сибирской интеллигенции. Выпускники его учебных заведений работали в разных уголках не только огромной Байкальской Сибири, но и в других регионах Сибири и в России.

Первая школа в Иркутске была открыта в 1725 г. при Вознесенском мужском монастыре под именем «мунгальской». Первоначально в ней обучалось 25 учеников, но через десять лет их число выросло до 70¹⁹. Принимали в школу сирот и детей священнослужителей и обучали русской грамоте и монгольскому языку. В 1727 г. с открытием русского отделения школу переименовали в русско-монгольскую, но после 1737 г. преподавание монгольского языка прекратилось и школа превратилась в славяно-русскую. В 1740 г. ее возглавил Павел Малиновский (архимандрит Платон) – бывший префект славяно-латинской школы в Киеве. При нем стала преподаваться латынь, а школа стала именоваться семинарией. При архиепископе Сафронии Хрусталевском «латино-русская» школа была закрыта и при Иркутском архиерейском доме осталась одна «русская».

В 1780 г. в Иркутске была открыта семинария, вторая в Сибири после Тобольской. Для нее было построено каменное двухэтажное здание на берегу Ангары по проекту архитектора А. Я. Алексеева. Число семинаристов превышало 100 человек. При семинарии была хорошая библиотека, в которой, помимо книг на русском языке, была литература на китайском и монгольском языках, хранились уникальные рукописи. В связи с развитием миссионерской деятельностью в Сибири в семинарии преподавались монгольский, маньчжурский и китайский языки, а среди преподавателей были ученые-востоковеды. Так, в 1802–1803 гг. ректором семинарии был Н. Я. Бичурин, в монашестве Иакинф, известный в будущем ученый-китаевед.

В течение нескольких десятилетий семинария являлась единственным духовным средним учебным заведением не только в губернии, но и на территории всей Восточной Сибири. В деле развития народного образования духовенство сыграло значительную роль. Иркутская духовная семинария, по замечанию протоиерея П. Громова, «стояла в ряд со столичными». Контингент учащихся постоянно увеличивался. В 1861 г. он состоял из 319 юношей. Выпускники использовались в основном на церковной службе, а также в различных областях гражданской службы, в первую очередь в учреждениях народного образования. Духовные школы низшего типа не получили широкого распространения в регионе. Они открывались обычно при больших приходах. Содержание обучения определялось Синодом и было самым элементарным.

Женское духовное образование появляется только в середине XIX в., когда в 1854 г. на деньги иркутского купца и благотворителя Е. А. Кузнецова при иркутском женском Знаменском монастыре было открыто епархиальное училище для девочек. Главной целью училища для дочерей священников было «образование и воспитание достойных жен служителей алтаря и попечительных матерей». Число воспитанниц часто равнялось количеству, определенному уставом – 24 воспитанницы и 24 пансионерки. В течение 6 лет девушкам преподавали закон божий, чтение на славянском и русском языках, краткую русскую историю и географию, обучали рукоделию и домашнему хозяйству. Руководству духовной семинарии предписывалось рекомендовать лучшим воспитанникам жениться на воспитанницах женского училища. С 1868 г. выпускницы могли держать экзамен на звание домашней учительницы и, получив документы на право преподавания, становились учительницами церковно-приходских школ.

Духовные школы занимали заметное место в культурной жизни Сибири, но охватывали очень ограниченную группу населения. Обучались в них почти исключительно дети духовенства, продолжавшие стезю своих родителей. В XVIII в. духовные школы уже не могли удовлетворить возросшие потребности государства и общества в светском образовании. В середине XVIII в. в ряде городов Сибири стали открываться «гарнизонные цифирные школы», в которых солдатские дети обучались грамоте и началам арифметики. Начавшиеся в Сибири географические и картографические исследования, работы по измерению и межеванию

земель, открытие горнодобывающих заводов, а также развитие судоходства на реках Сибири и в водах Тихого океана потребовали более углубленных знаний и опытных специалистов.

Инициатором создания навигационных школ в крае выступил В. Беринг. При его непосредственном участии в 1730-х гг. были открыты небольшие школы «для обучения навигацким наукам» в Охотске и Якутске. Несмотря на сложности с содержанием школ и нехваткой специалистов, обе школы с некоторыми перерывами просуществовали до конца XVIII в. В 1740-х гг. по инициативе иркутского вице-губернатора Л. Ланга в Иркутске была открыта школа для подготовки геодезистов и землемеров. В 1754 г. она была преобразована в школу «навигации и геодезии». Первоначально в ней обучалось всего 32 ученика. В программу подготовки учащихся входили арифметика, черчение, геометрия, геодезия, архитектура, судостроение и мореходство. Учителями были назначены прапорщик А. Семьгин, И. Бритов и учитель географии поручик Юсупов. С 1756 г. школу возглавил секунд-майор М. Татаринов, при котором было введено преподавание иностранных языков, а выпускники стали получать обер-офицерские чины²⁰. М. Татаринов одновременно возглавлял Иркутское адмиралтейство и ввел в школе подготовку штурманов для нужд байкальского и тихоокеанского флота. Среди иностранных языков в Иркутской навигационной школе изучался монгольский, манчжурский, китайский и японский языки. Школа японского языка была переведена в Иркутск из Петербурга в 1753 г. Язык преподавали японские моряки, в разное время подобранные после кораблекрушения у русских берегов. Они приняли христианство и получили русские имена – Григорий Свиньин, Василий Панов, Петр Черный, Николай Колотыгин, Федор Ситников и др.

Выпускники Иркутской навигационной школы трудились по всей Сибири, участвовали во многих экспедициях, открывая, изучая и нанося на карты новые земли, реки, моря. Среди ее воспитанников были «пионеры» краеведческого изучения Восточной Сибири архитектор и землемер, автор многих историко-географических работ А. И. Лосев, участник северо-восточной экспедиции И. И. Редовского геодезист и землемер И. Е. Кожевин и др. После смерти М. Татаринова навигационная школа постепенно приходит в упадок. В 1784 г. осталось всего 54 геодезиста и 12 навигацких учеников, а сама школа была передана

в управление губернскому землемеру. Часть учеников направили в различные службы, а остальные 22 ученика в 1795 г. были переведены в главное народное училище, а затем в мужскую гимназию. Директор гимназии определил нескольких в учителя и смотрители, а прочие «вышли уже из возраста»²¹.

Еще более короткой была история Нерчинской навигационной школы. Она была открыта в 1755 г. известным мореплавателем Ф. И. Соймоновым для обеспечения работы секретной Нерчинской экспедиции, исследовавшей возможности вернуть России амурские земли. Основное внимание участники экспедиции уделяли изучению водных путей восточного Забайкалья и верховий Амура. Первоначально в школу было принято 35 учеников. Круг предметов в ней был идентичен иркутской школе. Сам Ф. Соймонов недолго руководил созданной им школой. Через два года его назначили сибирским губернатором, а вскоре чтобы не раздражать китайцев были прекращены исследовательские работы. С 1754 по 1765 гг. навигационную школу закончило 142 человека. Из них 27 выпускников были направлены в морскую службу, 51 – в горное ведомство, 6 – геодезистами на Дальний Восток, 1 – в медицинскую службу, 5 умерли. Остальные 51 человек «непонятных и нерадивых» определили в солдаты и казаки²². В 1765 г. нерчинскую навигационную школу присоединили к иркутской. Как указывал в свое время известный краевед В. И. Вагин: «Навигацкие школы составляли одно из любопытнейших явлений своего времени. Они вообще принесли много пользы там, где были учреждены, а в Сибири, при общем недостатке средств к образованию, может даже более, нежели в других местах»²³. Школы работали в тяжелых условиях: отсутствовали подготовленные преподаватели, учебно-материальная база, достаточный контингент учащихся. Они несколько раз подвергались реорганизации, в административном отношении подчинялись разным ведомствам. Тем не менее, они смогли подготовить большое количество специалистов – моряков, геодезистов, землемеров, мастеров горного дела.

В первой половине XIX в. предпринимались попытки реанимировать подготовку геодезистов и землемеров в Иркутске. В 1813 г. школа возобновила свою деятельность в виде геодезических классов. Ученики находились в ведении губернского землемера и были распределены по знаниям и способностям на 4 класса: землемерские помощники, старшие геодезисты, млад-

шие геодезисты, геодезические ученики. Ученики ходили в классы губернской гимназии и работали в чертежной (с 1817 г. они учились уже без отвлечения в чертежную). Губернский землемер следил за обучением и дважды в год подавал ведомость об успеваемости губернским властям, проводил, вместе с архитектором, экзамены. В 1832 г. была предпринята неудачная попытка преобразовать геодезические классы в училище землемеров. В 1835 г. было утверждено мнение Государственного совета о том, чтобы взамен создания нового учебного заведения выделить в Константиновском межевом институте в Петербурге девять мест для учащихся из Сибири. После получения этого указа ученики геодезии были распущены, а школа окончательно закрылась.

Еще ранее навигационных появились в Байкальской Сибири первые профессиональные учебные заведения в виде горнозаводских школ. Уже в 1728 г. такая школа была открыта при Нерчинских сереброплавильных заводах. Ее главная задача состояла в подготовке мастеров горного дела и рудознатцев для расширения казенного промысла и добычи серебра в восточном Забайкалье. Администрация Нерчинского горного округа вынуждена была открыть горнозаводские школы при крупнейших заводах и рудниках. Так, со временем возникли Горная, Нерчинская, Дучерская, Кутомарская, Шилкинская и Газимуровская школы. В 1788 г. количество учеников доходило до 513 человек²⁴. В начале второй четверти XIX в. в Нерчинском округе насчитывалось уже 9 горнозаводских школ. В них принимались дети от 7 до 10 лет. Учащимся предоставлялось бесплатное пользование книгами и учебными принадлежностями и платилось жалованье в размере 6 руб. в год. В течение 2-х лет дети обучались читать и писать, изучали катехизис и начала арифметики. Способные ученики могли продолжить обучение в главном горном училище Нерчинска, которое относилось к средним специальным учебным заведениям. Поступившие в него выпускники горнозаводских школ в течение 5–6 лет изучали большое количество общеобразовательных и специальных дисциплин. Отличительной чертой училища являлась связь обучения с практической работой учащихся на рудниках и заводах. Учебные заведения Нерчинского горного округа выпускали высококвалифицированных для того времени специалистов, которые принимали активное участие в изучении края и в формировании культурной среды Байкальской Сибири.

Еще одним видом профессиональной школы были военные учебные заведения. В 1732 г. был издан указ о повсеместном учреждении в России гарнизонных школ. Появились они и в сибирских городах – Тобольске, Омске, Томске, Якутске, Селенгинске. В 1750 – х гг. такая школа была создана в Иркутске. Это было элементарное военное учебное заведение для солдатских детей, где обучали военному делу, грамоте, различным ремеслам. Выпускники гарнизонных школ обычно назначались на низшие командные, канцелярские и хозяйственные должности в армии, иногда использовались на гражданской службе. Преподавателями были офицеры, выпускники геодезических и гарнизонных школ. С 1798 г. Иркутская гарнизонная школа, насчитывавшая около 150 человек, стала называться военно-сиротским отделением, как и другие 65 военных учебных заведений России, где обучались и воспитывались дети с семилетнего возраста, от 50 до 100 человек в каждом отделении. Для управления преобразованными заведениями при военной коллегии была учреждена «особая экспедиция о военно-сиротских отделениях»²⁵. Местное управление поручалось военным губернаторам и комендантам. Дети обучались «грамоте, арифметике, барабанщичьей науке, играть на флейте, ... по субботам... читать Высочайший устав о военной службе и воинский артикул»²⁶. В 1805 г. всем обучающимся в военно-сиротских отделениях было присвоено звание военных кантонистов.

Военная школа Иркутска имела некоторые особенности. На базе Иркутского военно-сиротского отделения в 1819 г. при поддержке и по инициативе генерал-губернатора Сибири М. М. Сперанского, будущего декабриста Г. С. Батенькова и коменданта г. Иркутска И. Б. Цейдлера была учреждена первая в Сибири ланкастерская школа. Ланкастерский метод взаимного обучения был в то время новым и прогрессивным для России, благодаря чему Иркутск оказался «на одном уровне со столицами и далеко впереди других городов в деле народного образования». В 1829 г. в Иркутске было два учебных заведения военного ведомства при полубатальоне военных кантонистов и при казачьих командах. Количество учащихся в обоих заведениях составляло 709 человек при 17 учителях. Еще 46 детей обучалось в Верхнеудинском военном училище. В 1835 г. в Троицко-савске открылась русско-монгольская войсковая школа для обучения детей бурятских казаков. Программа обучения в ней была

значительно шире, чем в приходских училищах²⁷. Школа эта по своему учебному плану и программам приближалась к уездным училищам, но по организации учебного процесса, по своему положению являлась своеобразной и единственной в системе народного образования того времени и находилась в ведении Министерства внутренних дел, а не Министерства народного просвещения. Школа имела три класса, каждый с годичным сроком обучения. Принимали туда детей мужского пола «преимущественно старшин 4 казачьих бурятских полков» числом не более 24 человек, в возрасте от 10 до 12 лет. В школе, наряду с общеобразовательными предметами, проводили военную подготовку. Предметами обучения являлись: чтение и чистописание на русском и монгольском языках, российская и монгольская грамматика, арифметика, география и история Российского государства и основания веры, исповедуемой бурятами. Кроме того «проводилась военная экзерциция, сообразно с родом казачьей службы»²⁸. Школа быстро приобрела популярность среди бурятского казачества; в первые же годы своего существования она не могла вместить всех желающих учиться в ней. Однако ходатайство местных властей об увеличении контингента учащихся с 24 до 40 человек не было поддержано в центре. С преобразованием бурятских полков в Забайкальское казачье войско школа была передана в ведение войскового начальства и из Троицкосавска переведена в Селенгинск²⁹. Русско-монгольская войсковая школа просуществовала в общей сложности 49 лет. Она являлась единственной школой у бурят, имеющей более обширную программу, чем приходские училища, и выпустила немалое количество грамотных людей. Выпускники ее работали писарями и урядниками в бурятских казачьих полках, переводчиками в пограничном управлении и даже учителями приходских училищ Иркутской губернии.

В 1858 г. вышел указ военного министра об открытии в Иркутске училища военного ведомства с 50 вакансиями для казачьих детей. Оно было предназначено для подготовки писарей для военно-сухопутного ведомства. В том же году появился указ военного министра о перемещении управления начальника артиллерии Восточной Сибири из Верхнеудинска в Иркутск и об учреждении там дивизионной артиллерийской школы. В 1859 г. было утверждено положение Сибирского комитета об открытии

сотенных школ в Иркутском и Енисейском конных казачьих полках: 2 – в Иркутском, 6 – в Енисейском³⁰.

Профессиональные знания передавались и частным образом, через обучение у специалистов. Именно так чаще всего готовили медицинских работников. Их готовили, как правило, при госпиталях и попутно при некоторых школах, либо частным образом. Медицинские школы в Сибири первоначально открылись в Алтайском и Нерчинском горных округах. В 1750-х гг. лекарь Е. Томилов начал занятия с учениками в Нерчинском заводском госпитале, а после перевода в Дучерский госпиталь продолжил подготовку медиков и там. С 1765 г. обучение медицинскому делу проводил при Селенгинском госпитале лекарь П. Лебедев, а А. Малков в те же годы – в госпитале Кутомарского завода³¹. В конце XVIII в. в Нерчинске занимался подготовкой медиков О. Кричевский, а в Верхнеудинске – И. Реслейн. Заметную роль в оспопрививании в Забайкалье сыграли нерчинские штаб-лекари М. С. Кремков и Ф. К. Джунковский. С 1811 г. оспопрививание было введено в курс Нерчинского уездного училища³².

Начало медицинского образования в Иркутске относится ко второй половине XVIII в. Подготовкой медицинских кадров занимался губернский доктор штаб-лекарь А. Поддубный, открывший частную школу. В 1784 г. по распоряжению Иркутского губернского наместничества ему были отданы «в лекарскую науку» ученики градской школы, дети мещан и цеховых П. Ф. Данилов, П. Ф. Бородин, А. В. Огарков, Ф. Г. Ошаров, И. А. Тарасов. В 1793 г. ему были выделены еще два человека из учеников народного училища. Лекарям нужны были помощники и ученики для прививки оспы и работы в новой строящейся аптеке. Во время эпидемии оспы, охватившей во второй половине XVIII в. всю страну, в Иркутске, как и в ряде других городов, был устроен «оспенный дом»³³. В 1798 г., когда в Иркутске была учреждена врачебная управа, Андрей Поддубный вошел в ее состав в качестве акушера, две другие должности – инспектора и оператора – заняли Федор Рейслен, доктор 7 класса, получивший образование в Страсбурге, и штаб-лекарь 7 класса Иван Шиллинг.

Государство стремилось поддержать врачебное дело. В 1797 г. при утверждении штата Иркутской губернии на содержание докторов, лекарей и их учеников было выделено 14 280 руб. При врачебной управе и аптеке находилась небольшая группа учеников. Однако общее состояние медицинского дела в Бай-

кальской Сибири находилось на самом низком уровне. Различные болезни и эпидемии уносили значительное число людей, особенно детей. Средства народной медицины были бессильны перед серьезными заболеваниями. Первые попытки оказания врачебной помощи населению в самом северном городе Байкальской Сибири Киренске относятся к концу 1770-х гг., когда в уезде были зафиксированы случаи заболевания оспой. По просьбе усть-киренской воеводской канцелярии из Иркутска в июне 1779 г. был отправлен «цырюльник иркутского батальона» Андрей Кузнецов. Он был учеником штаб-лекаря Кратче, положившего начало оспопрививанию в Иркутской губернии³⁴.

В 1790-х гг. в уезде начался массовый падеж скота. Так как никакие меры предприняты не были, то вскоре болезнь затронула и людей. В июле 1795 г. исправник доносил в Иркутск, что врача в Киренске нет, между тем, как болезнь появилась на людях и есть уже смертные случаи³⁵. Видимо, после этого в Киренск был определен первый штатный врач. До 1812 г. обязанности штаб-лекаря исполнял Дьяконов, затем титулярный советник Аллоиз Гетте. Губернская и местная администрация принимала меры по совершенствованию медицинской части. Так как казенных средств не хватало, активно пытались подключить к решению проблемы частный капитал. В 1806 г. в Иркутске была открыта первая общественная больница, построенная на капитал купца Н. Чупанова. Информация об этом достойном подражания примере была направлена во все уезды губернии, в том числе и в Киренский, «чтоб оное сообщить публике города Киренска». В 1812 г. была сделана первая попытка открытия городской больницы. Для этой цели городское общество предполагало приобрести дом умершего штаб-лекаря Дьяконова, но вдова последнего не согласилась. Тогда свои услуги предложил купец Петр Черепанов. Городские власти планировали открытие лазарета для военной команды. Черепанов же предложил сделать в будущей больнице два отделения – одно для военных, другое для жителей города и уезда. Уже в следующем году он предполагал начать постройку здания для больницы, «не иначе как по основанию опытно сделанного плана, который составить чрез искушавшихся в том людей»³⁶. Постройка и приобретение необходимого оборудования и мебели обошлись ему в 9 тыс. руб. Еще более 4 тыс. для содержания больницы и медицинского персонала было собрано киренскими

гражданами. Торжественное открытие больницы состоялось 29 мая 1818 г. Здание имело три комнаты. В одной находилось отделение для воинских чинов, в другой – общественная больница, а третья, между ними, использовалась под жилье для смотрителя. Больница была рассчитана на 25 мест, в том числе гражданское отделение на 10 коек. Находилась она в ведении приказа общественного призрения, который выделял на содержание больных всего 214 руб. в год. Кроме того, небольшие суммы на нужды больницы ежегодно собирались волостными правлениями. В 1818 г. был определен также штат медицинской части уезда. Он состоял из уездного штаб-лекаря, лекарского ученика, смотрителя больницы и шести служителей. Услугами больницы ежегодно пользовалось до 80–90 человек. К 1840-м гг. здание ее пришло в ветхость. В Киренск был командирован из Иркутска архитектор Кашкаров, которому было поручено решить вопрос о ремонте здания, либо о переносе больницы в другое помещение. Архитектор посчитал целесообразным подыскать новое здание и предложил купить дом купца 3 гильдии Павлина Курбатова, что и было сделано.

На средства того же Черепанова в 1816 г. при Спасском соборе была открыта богадельня для престарелых и инвалидов, рассчитанная на девять мест. Современники высоко оценили благотворительную деятельность купца Черепанова. Его портрет долгие годы украшал стены городской больницы. По ходатайству Иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина он был награжден золотой медалью на алой ленте.

В целом же состояние медицинского дела в Киренском уезде, как и по всей Байкальской Сибири в этот период оставляло желать лучшего. Больницы постоянно испытывали недостаток лекарств и самого необходимого имущества. Врачей было крайне мало, а уровень подготовки большинства из них был столь низок, «что по чрезвычайной обширности округов, они не успевают надзирать больных даже в благополучное время, при случившихся же довольно не редко эпидемических болезнях, подвергшиеся им, остаются без врачевания»³⁷. Справедливости ради надо отметить, что не лучше дело обстояло в целом по Сибири.

С расширением сферы управления в Сибири остро стояла проблема кадров среднего и низшего звена. В какой-то степени дефицит восполнялся выпускниками иркутской гимназии и приезжими из России, но уровень их подготовки не всегда соответ-

ствовал необходимым требованиям. Согласно «Положению о канцелярских служителях гражданского ведомства», принятого в 1827 г., поступающие на службу чиновники обязаны были не только читать и писать, но и знать грамматику и арифметику и обладать специальными знаниями и умениями. С этой целью в 1828 г. во многих губерниях России открылись училища по подготовке квалифицированных чиновников. Целью их создания являлась подготовка «к должностям канцелярским и вообще к гражданской службе», а также поддержка малообеспеченных чиновников и служащих в воспитании своих детей. Предполагалось, что ученики будут содержаться на счет Приказов общественного призрения, на государственные средства. Иркутское канцелярское училище содержалось на средства Иркутского и Енисейского приказов общественного призрения. Этих средств было недостаточно, и когда речь зашла, например, о перестройке здания, денег хватило только на ремонт. Открытие в Иркутске подобного училища в 1834 г. явилось большим событием для горожан. В административном отношении училище находилось в ведении министерства внутренних дел, в учебном отношении подчинялось Иркутской дирекции училищ. Курс обучения училища был примерно равен курсу уездного, добавлялись только специальные предметы. Предполагалось и более широкое образование. С 1840 г. наиболее успешным ученикам было разрешено обучаться в гимназии «для слушания уроков латинского, французского, немецкого языков». В первом классе предполагалось введение ланкастерского метода обучения, учебные пособия соответствовали учебникам уездных училищ. Попечительный совет Иркутского училища полагал в 1845 г. увеличить количество учащихся до 60 человек (ранее было 25, а при открытии – 15), «что может удовлетворить местные потребности Восточной Сибири».

Еще одним из направлений в распространении специальных знаний в конце XVIII – первой половине XIX вв. в виду недостатка профессиональных кадров стало создание дополнительных курсов и классов при общеобразовательных учебных заведениях. Только при Иркутской гимназии было открыто в разное время несколько таких классов и курсов (классы языков, ветеринарный, судопроизводство, бухгалтерия и др.). Специальные дисциплины вводились и в уездных училищах. Особенно популярными в то время были классы языков – монгольского,

маньчжурского, китайского, японского. Классы восточных языков вводились в иркутской духовной семинарии и навигационной школе. В 1820-х гг. активно прорабатывалась идея открытия в Иркутске специальной школы восточных языков, но печальный опыт изучения восточных языков в иркутской гимназии заставил отказаться от мысли об учреждении Азиатского училища.

Особенно остро проблема изучения монгольского и китайского языков стояла в Кяхте, ставшей центром всей русско-китайской торговли. Не случайно, первым учебным заведением в Кяхте стала школа переводчиков при пограничной канцелярии, открытая в конце XVIII в. В 1813 г. монголоведом и предпринимателем А. В. Игумновым была учреждена частная школа, в которой, кроме других предметов, обучали монгольскому языку. В 1814 г. в ней было 9 учеников, из них 5 бурят и 4 русских³⁸. Большую роль в становлении обучения китайскому языку сыграл известный ученый, глава русской духовной миссии в Пекине Н. Я. Бичурин (в монашестве Иакинф). Он не однократно упрекал кяхтинских купцов в пренебрежении к изучению языка своих торговых партнеров. Китайские купцы в Маймачене были расторопнее. В каждой лавке Маймачена были рукописные словники, составленные самими китайцами на «кяхтинском наречии». Н. Я. Бичурин и стал инициатором открытия в 1831 г. в Кяхте училища китайского языка, первого специализированного учебного заведения подобного рода в России. В мае 1831 г. директор кяхтинской таможни послал в Азиатский департамент МИД ходатайство об открытии школы китайского языка «поелику наше купечество, торгующее на Кяхте, совершенно не знает оно, а китайцы говорят на испорченном русском наречии, на котором с большими затруднениями объясняются, почему нередко происходят споры и недоразумения».

Обучение затруднялось отсутствием учителей и учебников. Первым учителем стал сам Иакинф, в совершенстве знавший китайский язык. Уезжая из Кяхты зимой 1832 г., он передал занятия в школе Кондратию Крымскому, прожившему в Китае десять лет в составе духовной миссии и «изрядно говорившему по-китайски». Ученики, проучившиеся менее года, уже могли объясняться с китайскими торговцами и знали более ста иероглифов, встречавшихся в названиях товаров и деловых бумагах. Перед отъездом Бичурин устроил своим ученикам публичные экзамены, на которых дети показали отличные результаты. В

январе 1834 г. директор кяхтинской таможни обратился в МИД с просьбой направить «...хотя года на два учителем китайского языка отца Иакинфа». Просьба была удовлетворена, и в феврале 1835 г. Бичурин прибыл в Кяхту. С собой он привез изданную в Петербурге свою «Граматику китайского языка». Программа обучения в кяхтинском училище, разработанная Бичуриным и рассчитанная на четыре года, положила начало методике преподавания китайского языка в России. По грамматике Бичурина велось преподавание и на восточных факультетах Казанского и Петербургского университетов. Первые 7 учащихся, «оказавших достаточное знание в китайском разговорном языке в купеческом быту и общежитии употребительном», были выпущены в 1838 г. Почти все выпускники училища «состояли при делах у торгующего в Кяхте купечества». Среди наиболее известных учеников Кяхтинской школы был М. Г. Шевелев, окончивший полный курс с блестящими успехами в 1863 г., и И. Р. Лебедев, много лет проработавший в Ханькоу. Преподавание языка по системе Бичурина в Кяхте продолжалось до 1861 г., вплоть до конца существования училища.

Немногочисленные профессиональные учебные заведения в городах Байкальской Сибири охватывали незначительную часть населения. Основная масса горожан, особенно женщин, оставалась за чертой образовательного процесса, довольствуясь семейным и домашним обучением, а то и вообще была неграмотной. Даже среди купечества лишь немногие сознавали необходимость и пользу образования. Впрочем, подобная картина наблюдалась по всей стране. В наказе архангельских купцов в Уложенную комиссию проводилась даже мысль о необходимости принудительного приобщения купцов к грамотности. Они предлагали всем жителям городов предписать, «чтоб они детей своих обоего пола без всякого изъятия под чувствительными штрафами российской грамоте и катехизису учили бы»³⁹. Впрочем, уже тогда наиболее просвещенные из купцов говорили о необходимости не только общего образования, но и коммерческого. Так, депутат от Енисейска Самойлов считал, что для купечества необходимы «познание закона Божия, российской грамматики, чистое письмо, немецкий язык и другие, если найдутся учителя, арифметика, знание разных товаров и цен их, так же мер и весов, географии и истории»⁴⁰. Основная же масса городских обитателей предпочитала элементарное образование,

обучение детей основам письма и чтения, считая, что дальнейшая их служба мальчишками, лавочными сидельцами вполне даст им необходимый уровень знаний.

На обращение Иркутского губернатора Ф. И. Клички о необходимости учреждения городского училища положительно ответили только трое купцов. «Прочие же, имеющие детей, подписали: некоторые дома учить будем, а другие – учить не желаем». Губернатору пришлось прибегнуть к усилиям, в том числе и административным, чтобы достичь желаемого. Так 1 февраля 1781 г. в Иркутске возникла первая в Сибири городская школа. Ее появление было обусловлено развитием экономических и общественных отношений. Торговый и административный центр обширного края нуждался в светском образовании более, чем другие города Сибири. Сначала школа размещалась в деревянном доме купца Я. Протасова, но уже через год переехала в специально выстроенный для нее двухэтажный каменный дом. Средства для строительства собрало городское общество. Для обучения в школе было набрано 135 учеников, которых разделили на 3 класса (два словесной грамоты и один арифметический). С мая 1783 г. должность старшего учителя с окладом в 100 руб. занимал бывший чиновник А. Тырков, помощником его был отставной солдат Д. Ордин. Закон Божий преподавал дьякон Троицкой церкви И. Сухих. После того, как в 1787 г. А. Тырков ушел служить в казенную палату, на его место приняли верхотурского купца Н. Шестакова, ранее служившего конторщиком в компании Г. И. Шелихова.

Первоначально в школу было принято 135 учеников. В 1782 г. на обучении находилось 143 детей, в 1788 г. – 42, в 1789 г. – 43 человека. В ведомости за 1781–1787 гг. значилось 154 учеников⁴¹. Уменьшение числа учащихся объясняется многими причинами: необязательностью обучения (являясь всеобщей, элементарная школа не была обязательной), неподготовленностью общественного сознания, недостаточностью средств, не вполне профессиональным уровнем обучения, отсутствием педагогических кадров. Все это приводило к утрате авторитета школы среди жителей города. Среди первых учеников школы были известные в будущем иркутские предприниматели Прокопий Медведников, которого «обучили истолкованию христианского закона и арифметике»; Логгин Медведников, который оказался выпускником «с определением жалованья в ма-

гистрат»; Иван Очередин и др. Выпускники школы находились на службе в государственных и общественных учреждениях города, часть из них выбывала «на поруки отцов», другие – «отданы обучаться латыни архиерею», «определен на службу», «отдан отцу для науки художества» и т. п. Несмотря на многие недостатки, которые были характерны для других подобных школ России, иркутская градская школа сыграла положительную роль в развитии образования и просвещения иркутян. Городская дума в 1788 г. писала: «От училища замечаетца польза та, что выходящие ученики, умеющие читать и писать во опшестве занимаются по городovým службам с таким понятием, которое без затруднения отправлять должность их позволяет»⁴².

Материальное обеспечение возлагалось на городское общество, которое передало училищу вновь выстроенный каменный дом и 500 руб., пообещав «сверх того на поправку сего дома и разные училищные надобности... ежегодно вносить в Приказ общественного призрения по 200 рублей»⁴³. Пожертвования поступали от купцов, обязавшихся отчислять определенную сумму с пошлин кяхтинской торговли. В 1792 г. иркутские купцы Киселевы представили в Приказ общественного призрения в пользу училища 1/142 долю промыслов со своего судна, возвратившегося с Алеутских островов, что составило 2101 руб.⁴⁴ Однако материальное обеспечение школы было все же недостаточным.

В первый же год в Иркутском училище было открыто три класса из четырех; в первый класс поступило 70 учеников, во второй – 22, в третий – 16, всего 108 человек. В числе поступивших были дети Э. Лаксмана – Мартин и Афанасий, дети купцов Сибиряковых, Дудоровского, Солдатова. В 1795 г. иркутское купечество было ходатайствовало о введении класса бухгалтерии, но не смогло добиться положительного решения. В 1780-х гг. были предприняты попытки учреждения школ в других городах региона, но из-за недостатка средств они закончились неудачно. Тем не менее, обсуждение учебных планов, задач детского образования не проходили бесследно. Так, в 1780 г. в Охотске коллежским асессором И. Бензингом было разработано Положение об общенародной школе. В нем были детально прописаны учебные дисциплины и характер обучения. Отмечалась необходимость изучения языков, как коренного населения, так и европейских, что было очень важно для мореплавателей. Интересно, что в Положении были записаны требования к обес-

печению санитарно-гигиенических норм учащихся: «для лучшего в школе содержания свежего воздуха не только ежедневно сторожу выметать горницы, но и насыпать рубленным зеленым кедровником, также и выкуривать можжевельником»⁴⁵.

В 1780-х гг. правительство предложило открыть в губернских городах четырехклассные народные училища, первое из которых было образовано в 1783 г. в Петербурге. Школьный устав 1786 г. предусматривал два типа учебных заведений: главные и малые народные училища. 21-м пушечным выстрелом возвестил губернский город торжественное открытие главного народного училища 22 сентября 1789 г. В 1793 г. в Верхнеудинске было создано малое народное училище. Училища находились в ведении местных властей. Иркутское городское общество вносило на содержание училища 200 руб. ежегодно. Кроме этого, местное купечество отчисляло определенную сумму от пошлин с кяхтинской торговли. Количество учеников колебалось в среднем от 100 до 120. В Верхнеудинском училище в 1802 г. обучалось 18 чел. Наряду с названными, предполагалось открыть училища еще в ряде городов Иркутской губернии. Однако они так и не открылись. В 1804 г. было учреждено лишь Балаганское инородческое училище.

С открытием в 1789 г. иркутского главного народного училища градская школа с 43 учениками влилась в него, а само училище разместилось в ее помещении. Новое училище было рассчитано на четырехлетний срок обучения. Преподавательские кадры стали более профессиональными. К открытию его из Петербургской учительской семинарии были отправлены учителя С. Бельшев, Е. Флоринский, С. Петров и С. Марковский. Кроме программы, предусмотренной Уставом, с 1792 г. было введено обучение монгольскому, китайскому и маньчжурскому языкам, а с 1792 г. еще и японскому. Правда, первые два класса в 1794 г. были закрыты «за трудностью и неудопонятностью сих языков и по нехотению учеников и родителей их продолжать сего учения». Но японский язык изучался до 1816 г. (с 1805 г. – в гимназии). С 1795 г. в училище стали преподавать также немецкий и французский языки.

подавляющую часть учащихся составили купеческие и мещанские дети. Так с 1789 по 1805 гг. в главном народном училище Иркутска прошло обучение 2 974 ученика. Из них более половины (1503 чел.) приходилось на долю податной части

общества. Дети чиновников, дворян и разночинцев составляли около 45 % учащихся⁴⁶. При училище была неплохая библиотека, пополнявшаяся пожертвованиями иркутян. Так, в 1802 г. иркутский купец Ф. Щегорин преподнес в дар китайских и маньчжурских книг более чем на 1000 руб. Собрание различных рукописей преподнес училищу купец Киселев, череп мамонта – гражданский губернатор А. И. Толстой, коллекцию минералов маркшейдер Губанов. У вдовы ученого Э. Г. Лаксмана была приобретена библиотека и минералогическая коллекция.

Следует отметить, что абсолютное большинство учащихся не заканчивало полного курса обучения. Так, весь курс народного училища прошли только 45 человек, в основном, дети чиновников⁴⁷. Купцы и мещане по-прежнему считали, что для образования достаточно одного-двух классов, по окончании которых забирали детей и пристраивали их к делу. И все же успехи образования в Иркутске были очевидны. Так же, как и востребованность его в обществе. Не случайно народное училище Иркутска первым в Сибири было преобразовано в ноябре 1805 г. в мужскую гимназию. Одновременно с ней в губернском центре открылись уездное и Воскресенское приходское училища. Иркутская гимназия в первой половине XIX в. была одной из лучших во всей Российской империи относительно учебно-материальной базы. Она с самого начала относилась к 1 разряду по размеру отпускаемых государственных средств. Ее бюджет состоял также из средств Приказа общественного призрения, денежных пожертвований горожан, платы с учеников. Преподаватели были переведены из народного училища, а затем их состав пополнился выпускниками Петербургского педагогического института. Гимназию разместили в двухэтажном каменном здании на Амурской улице, построенном по проекту А. И. Лосева в 1799 г. для Главного народного училища.

В первый год в гимназию поступило 30 учеников. В дальнейшем количество учащихся постоянно росло. Ее воспитанники получали достаточно качественное образование, позволявшее им занимать различные должности на государственной службе, в образовании, науке. Гимназия являлась основным поставщиком педагогических кадров для учебных заведений Байкальской Сибири в первой половине XIX в. Многие продолжали образование в российских высших учебных заведениях. Так, из окончивших полный гимназический курс за десятилетие с 1847 по

1857 г. 74 гимназистов, 32 выпускника (ок. 44 %) поступили в высшие учебные заведения страны, в том числе 21 – в Казанский университет, 11 в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Все они успешно закончили эти заведения и получили дипломы на степень кандидата⁴⁸.

В течение полувека иркутская гимназия оставалась единственным средним учебным заведением в Байкальской Сибири. Только в 1876 г. в Троицкосавске был открыто Алексеевское реальное училище, первое подобного типа в Забайкалье. Оно разместилось в двухэтажном каменном доме на Большой улице, пожертвованном крупнейшим кяхтинским предпринимателем Я. А. Немчиновым.

По штату 1804 г. в Иркутской губернии должно было открыться 15 уездных училищ. Открылось только 6: Иркутское (1805), Верхнеудинское (1806), Нерчинское (1811), Троицкосавское (1812), Киренское (1814), Нижнеудинское (1817). Из государственной казны на каждое полагалось по 1, 6 тыс. руб. Немалую долю в содержании училищ составляли пожертвования от населения. Хуже обстояло дело с развитием приходских училищ. Их содержание полностью зависело от городских и крестьянских обществ, благотворительности частных лиц. Губернская администрация в отношении начальной школы вела непоследовательную политику: она неоднократно то отменяла обязательный сбор крестьян на училища, то вновь его восстанавливала. Количество училищ в первой половине XIX в. увеличивалось очень медленно. В 1830 г. их было не более 10, а 1846 г. – 21⁴⁹. Всего в Иркутской губернии в 1859 г. насчитывалось 24 учебных заведения министерства народного просвещения. В 1859–1861 гг. заметно увеличилось количество приходских училищ. Начинают действовать Верхоленское, Знаменское, Бирюльское, Басайское, Ольхонское, Хоготовское в Верхоленском округе; Верхнеострожское, Черемховское в Балаганском округе.

В целом рост числа учащихся в учебных заведениях региона был незначительным. В 1820 г. в них числилось 862 ученика, 1830 г. – 1029, 1846 г. – 1581⁵⁰. Сословный состав учащихся был весьма пестрым. В гимназии основную массу учащихся составляли дети дворян и чиновников, купцов и мещан. Доля остальных сословий была невелика. В уездных и приходских училищах более 50 % учащихся принадлежало купечеству и мещанству. Основная масса крестьянского населения оставалась безграмотной.

Крестьяне не были заинтересованы в обучении своих детей, поскольку знаний, применяемых на практике, школа не давала.

Открытие начальных училищ в большей степени зависела от административного рвения чиновников, чем от инициативы самих крестьян. Так, заметную роль в учреждении в Киренске уездного, а в уезде приходских училищ сыграл земский исправник П. А. Шевелев. По его инициативе начался сбор средств для Киренского уездного училища. На эти деньги был приобретен дом для училища и некоторое имущество. В 1814 г. училище приняло в свои стены 40 первых учеников. П. А. Шевелев не оставлял своим вниманием слабый росток просвещения в Киренске. К 1816 г. им было собрано около 3,3 тыс. руб. на устройство дома под квартиры учителей, в следующем году еще 682 руб. Отмечая его заслуги в развитии образования, училище вывесило портрет своего благодетеля. Долгие годы в стенах его хранилась также бронзовая доска с вензелем Шевелева⁵¹. Различные пожертвования в пользу училища, подчас значительные, собирались и в последующие годы. В 1835 г., например, иркутский купец Медведников подарил ему два деревянных дома и 2 тыс. руб., за что был награжден золотой медалью. В 1821 г. при уездном училище был открыт приходской класс, выполнявший роль подготовительного. В 1836 г. училище было преобразовано по уставу 1828 г. и получило соответствующий штат и смету в 5,4 тыс. руб. в год. Число учеников в нем колебалось в пределах 30–40 человек при 4-х штатных учителях. Пожертвования граждан позволили училищу содержать небольшую библиотеку. В 1840-х гг. она насчитывала около 814 различных книг и журналов. Уездное училище со временем стало центром культурной жизни города. Здесь устраивались вечера, театрализованные представления, а на ежегодные публичные испытания учеников собирался весь высший свет Киренска⁵². По инициативе и при поддержке все того же Шевелева в Киренском уезде в 1816 г. были открыты приходские училища в 3-х волостных центрах: Нижнеилимском погосте, Марковском и Петропавловском селениях. Новый всплеск интереса к начальному образованию в уезде возникает лишь в середине XIX в. В эти годы возобновляются старые и открываются новые приходские училища уже для детей обоего пола: в 1845 г. Петропавловское (в Чечуйске), в 1846 г. Нижнеилимское и Марковское, в 1850 г. Витимское, в 1857 г. Орленгское, в 1861 г. Преображенское. В большинстве из

них учеников было очень немного. Некоторые не имели постоянных учителей, а их функции выполняли местные священники.

В учреждении уездного училища в Баргузине определенную роль сыграл верхнеудинский исправник М. М. Геденштром, который предложил еще в 1829 г. предложить учредить здесь училище совместно с крестьянским и мещанским обществами. Но только в 1841 г. сын баргузинского тайши Сахар Хамнаев на свои средства построил дом для училища и пожертвовал 300 пудов хлеба. Декабрист М. К. Кюхельбекер склонил к поддержке училища баргузинского купца А. А. Цивилева. Училище было открыто только в 1844 г. В 1845 г. в нем обучалось 25 детей, в том числе 18 мещан, 2 казака, 2 бурята, 2 купца. За свои благотворительные дела на ниве просвещения Цивилев был награжден в 1854 г. золотой медалью на Аннинской ленте.

Во второй четверти XIX в. берет свое начало история школьного женского образования в Байкальской Сибири. Как известно, крайне медленно шло открытие приходских училищ, где могли обучаться лица обоего пола. В 1835 г. в них числилось только 23 девочки. Доступ в гимназии им был закрыт, не учились они и в уездных училищах. Е. А. Авдеева-Полевая в своих воспоминаниях об Иркутске 1820-х гг. писала: «Здесь нет ни одного пансиона или училища для девиц: учатся, как кто может, некоторые дома, другие у священников»⁵⁴. Первое женское учебно-воспитательное заведение в Иркутске – сиропитательный дом – было открыто в 1838 г. по инициативе вдовы купца Л. Ф. Медведникова Елизаветы Медведниковой. Сиропитательный дом являлся одновременно учебным и воспитательным заведением для девочек их обедневших семей и сирот. Отличительной особенностью Сиропитательного дома было учреждение при нем банка, за счет прибыли которого он и содержался. При открытии поступило только 9 воспитанниц. И тех, по воспоминаниям современников, матери провожали с воплем и рыданием, как на явную смерть. С годами учреждение приобретало все большую популярность среди населения. В 1845 г. здесь обучалось уже 59 девушек, в 1861 г. – 128, 1899 г. – 230⁵⁵. Воспитанницы состояли из лиц всех сословий, не исключая дворянского, но больше было дочерей мещан и лиц податного состояния. Обучение было самым элементарным. Больше внимания уделялось практическим занятиям – рукоделию и домашнему хозяйству. Поэтому большинство из них после окончания заведения занимались шитьем.

В 1845 г. в Иркутске открылся Девичий институт Восточной Сибири. Его созданию губернский центр обязан как администрации края в лице генерал-губернатора В. Я. Руперта, так и общественности – купцам и золотопромышленникам – П. В. Голубкову, П. П. Сукачеву, Е. А. Кузнецову и многим другим. Как и сиропитательный дом, Девичий институт состоял в ведомстве учреждений императрицы Марии. Главное руководство было возложено на генерал-губернатора Восточной Сибири. Непосредственное руководство осуществляли гражданский губернатор, Совет попечителей и начальница института. Состав воспитанниц вначале был определен в 70 девушек, (40 бюджетных и 30 пансионеров, содержащихся на средства родителей и благотворителей). В приеме детей на казенное содержание преимущество отдавалось круглым сиротам и дочерям бедных чиновников. В институт, кроме детей дворянства и чиновничества, разрешалось допускать дочерей инородческих тайшей и шуленгов (бурятской знати). В 1855 г. сословный состав выпускниц выглядел таким образом: из 26 выпускниц было 20 дочерей чиновников и обер-офицеров, 4 дочери купцов и 2 дочери лиц духовного звания⁵⁶. С этого же года пансионерками стали приниматься дочери всех свободных состояний. Общее число воспитанниц возрастало довольно медленно: в 1850 г. оно составляло 71, 1855 г. – 78, 1861 г. – 91⁵⁷. Девичий институт в Иркутске – первое среднее учебное заведение для женщин – занимал значительное место в системе образовательных учреждений всей Восточной Сибири.

Попытки организаций женских средних учебных заведений относятся к середине XIX в. В 1845 г. в Киренске была учреждена женская прогимназия, но спустя два года она закрылась из-за отсутствия учениц⁵⁸. В 1860 г. в Иркутске было создано женское училище II разряда – первое учебное заведение такого рода в Восточной Сибири. В 1870 г. оно было преобразовано в прогимназию, а затем в гимназию. В 1873 г. в ней обучалось 180 девочек, а в 1917 г. – 706⁵⁹. В 1879 г. была учреждена женская прогимназия, позднее преобразованная во вторую женскую гимназию, где в 1917 г. обучалось 576 девочек⁶⁰. После крупного пожертвования И. С. Хамина оба учебных заведения стали носить его имя. В апреле 1862 г. в Троицкосавске открывается женское училище, которое в 1870 г. было преобразовано в женскую гимназию, третью по времени открытия в России. Этому учебному заведению было присвоено имя графа Н. Н. Муравье-

ва – Амурского. Первоначально для обучения было принято 42 девочки. Преподавание велось на высоком уровне, и численность гимназисток постоянно возрастала. Современники оставили вполне благоприятные отзывы об этом учебном заведении. Декабрист Михаил Бестужев писал: «Я нашел его выше моего ожидания. Я не стану утверждать, что все было безупречно хорошо, этого не достигали и лучшие, много лет существующие учебные заведения, но, по крайней мере, я тут нашел молодых учителей с теплой любовью к своим обязанности, с ясным пониманием святости из призвания и стремлением по возможности его исполнить... Я отдал мою Лелю в эту гимназию»⁶¹.

Наряду с развитием системы образования в городах по-прежнему сохранялось домашнее образование. В 1809 г., например, в Иркутске педагогической практикой занималось 23 человека, у которых обучалось 116 мальчиков и 19 девочек⁶². Как правило, они готовили детей для поступления в гимназию, предоставляли дополнительные образовательные услуги (уроки музыки и пения, танцев, иностранных языков). Обычно обучение этим дисциплинам производили иностранцы и ссыльные. К услугам частных учителей прибегали чиновники, состоятельные иркутские и иногородние купцы. Уровень домашнего образования был заметно выше и со временем превратился в элитный, дававший более высокий уровень знаний. Так, дети курского купца А. Полевого получили только домашнее обучение, что не помешало им со временем добиться заметных успехов на культурном и общественном поприще, заслужить признание современников и потомков.

В 1811 г. в Иркутске 19 учителей обучало 135 человек (116 мальчиков и 19 девочек), по одному списку, и 4 учителя (без указания числа обучающихся) – по другому списку. Учителями выступали священнослужители, их жены и вдовы – 7 человек, чиновники, их жены и вдовы – 6 человек, мещане и цеховые – 8 человек, военнослужащие – 2 человека. Каждый обучал от 3 до 19 учеников. Таким образом, как указывает документ, «частные люди обучают своих детей... грамоте разными способами и случаями в домах, снискивая учителей из таковых же частных»⁶³. Общее число обучаемых, видимо, составляло не менее 150–200 человек.

Со временем стали появляться частные школы. В Байкальской Сибири в первой половине XIX в. такие школы действовали почти во всех городах и крупных селениях. Обычно обучение

в них велось по программе приходских школ, преподавание дополнительных предметов зависело от учителя. Обучение, как правило, было платным, а потому доступно лишь зажиточным людям. Некоторые представители чиновничества и купечества предпочитали более быстрое приобретение навыков грамотности систематическому многолетнему образованию, и находили более выгодным платить частному учителю. К услугам частных учителей часто прибегали высокопоставленные чиновники, в том числе гражданский губернатор Трескин, директор Тельминской казенной мануфактуры Соколовский, архитектор Кругликов и др. Не случайно, когда в 1812–1813 гг. дирекция Иркутской гимназии пыталась наложить запрет на частную педагогическую практику, их инициатива не нашла поддержки ни на местном уровне, ни в столице⁶⁴. В длинном перечне лиц, занимавшихся обучением на дому, были указаны губернский секретарь Елисеев, бывшие чиновники из ссыльных Петерсон и Борисов, пастор Беккер, ссыльный француз И. И. Филон-Деласье. Судьба последнего по-своему примечательна. Филон Анофриевич Деласье (так его имя трактуется в документах) был сослан в Сибирь по указу Сената в июле 1806 г. за сочинение фальшивого свидетельства. Первоначально был приписан к Кривоуцкому селению. Но уже в 1812 г. обзавелся домом в Киренске и подал прошение о причислении в местное мещанство, «поелику и более нахожу себя быть способным и полезным обществу в сем звании»⁶⁵. В Киренске он занялся педагогической деятельностью. После вмешательства губернской администрации переключился на предпринимательские занятия. К 1816 г. он уже производил достаточно крупные торговые операции в уезде, получив разрешение свободно передвигаться по его пределам. В 1818 г. ловкий и дальновидный француз вступил в российское подданство, продолжая состоять в киренском мещанском обществе. Наибольшие интересы он имел в Витимской волости, где состоял писарем и одновременно являлся поверенным по питейной части. Со временем бывший поселенец явно зарвался, был пойман на махинациях с хлебом, и по определению М. М. Сперанского в 1821 г. переведен на жительство в Верхнеудинск. Там его следы и теряются. В истории же культуры Киренского уезда он остался не только как человек, занимавшийся домашним обучением, но и как автор «Записки о состоянии Киренского уезда», в которой дал краткую, но достаточно емкую ха-

рактику хозяйства и нравственного облика населения. Так, он отмечал негативную роль ростовщического капитала, представленного иркутским и местным купечеством, духовенством, сельскими богатеями. Особенно досталось местному духовенству, которого он обвинял в алчность и лихоимство. В целом записка ссыльного француза не отличалась объективностью. Он излишне преувеличивал пороки местных жителей, особенно их склонности к пьянству и «крайнюю леность к упражнениям»⁶⁶.

В 1833 г. в Иркутске открылось частное учебное заведение – пансион титулярного советника Н. Ф. Скрябина. Частная школа находилась в его собственном доме, преподаванием занимался сам владелец, ранее работавший учителем Оекского приходского училища и иркутского уездного училища. Учениками открывшегося пансиона стали дети состоятельных граждан Иркутска – купцов 1, 2, 3 гильдий, в том числе М. Трапезникова, К. Трапезникова, И. Баснина, а также крупных чиновников. Первоначально в школу были зачислены 16 человек от 6 до 9 лет. По ведомости пансиона за вторую половину учебного года в нем училось уже 25 человек. Как видим, профессиональный педагог привлек внимание горожан, да и потребность в образовании была велика. В эти же годы действовало частное училище в Верхнеудинске, открытое отставным чиновником 14 класса Кулешовым. В 1832 г. в нем обучалось 10 детей мужского, и 5 женского пола. В том же году в Троицкосавске открыл частную школу титулярный советник Устюжанов. В 1845 г. Черепановым была открыта первая частная школа в Кяхте. Однако правительство ограничивало число частных учебных заведений. Разрешение открывать частные школы давалось лишь лицам, имеющим права учителей и наставников, удостоверение о «добром поведении», русское подданство, разрешение попечителя округа, который имел над ними строгий надзор, осуществлявшийся инспекторами под руководством дирекции училищ (не менее одного раза в год). Директор имел право закрыть заведение из-за «беспорядков по нравственной части». Именно «по нравственной причине» в 1838 г. не было разрешено надворной советнице Языковой учредить в Иркутске частную школу «для обучения детей женского пола», хотя потребность в ней была.

В 1850-е гг. в Иркутске существовали частные учебные заведения общеобразовательного характера: для мальчиков – пансион Гээка, Полинцова и Косыгина, который, «удовлетворяя

требованиям современной педагогической науки, начинает пользоваться известностью и успехом; говорят, что в нем будут обучать воспитанников ремеслам и гимнастике»; для девочек – пансион и детский приют г-жи Ришелье⁶⁷. Частные объявления в газетах свидетельствовали о распространении домашнего обучения. Так, «Иркутские губернские ведомости» сообщали: «Г-жа Римская-Корсакова желает заниматься обучением детей у себя на квартире»⁶⁸. В 1860 г. домашней учительнице Конкордии Пикок было разрешено открыть в Иркутске училище для девиц по программе: закон божий, арифметика, история, география, русский, французский, немецкий языки, чистописание, рисование, естественная история, а также, по согласию родителей, музыка и танцы⁶⁹. Предполагалось, что иностранные языки, рисование и музыку будет вести сама К. Пикок, для остальных же предметов приглашались учителя из гимназии и лица, которые имеют на это законное право. На первый раз предполагалось обучать до 10 учениц.

Довольно широкую практику в Иркутской губернии получила частная педагогическая деятельность декабристов, о которой достаточно много писалось в литературе⁷⁰. Она носила негласный характер, т. к. правительство в своих инструкциях и распоряжениях запрещало декабристам, выходящим на поселение, обучать детей грамоте. По этой причине не сохранилось точных сведений, сколько школ открыли декабристы, сколько в них обучалось детей. Известно, что на территории Байкальской Сибири занимались педагогической деятельностью: Н. и М. Бестужевы, К. П. Торсон, В. и М. Кюхельбекеры, Ю. К. Люблинский и др. Многолюдная группа декабристов находилась в Иркутске и около него. Здесь занимались обучением детей П. И. Борисов, А. П. Юшневский, П. А. Муханов, А. В. Поджио, В. Ф. Раевский и др.

Территориальное распределение учебных заведений является одной из важных характеристик образования. В городах региона с более высоким уровнем экономического и социального развития, степень развития системы народного образования была выше. В 1840-х гг. наибольшее количество школ имелось в Верхнеудинском, Нерчинском и Иркутском округах. Крупнейшим образовательным центром являлся губернский город Иркутск. Он был единственным сибирским городом, сосредоточившим наибольшее количество учебных заведений, в том чис-

ле три средних – мужскую гимназию, Девичий институт, духовную семинарию. Эти учебные заведения внесли значительный вклад в распространение грамотности и культуры города и губернии, формирование местной интеллигенции.

С развитием системы образования города Байкальской Сибири начинают постепенно превращаться в социокультурные центры. Культурная жизнь города опиралась на целую систему учреждений культуры. Если центральным объектом инфраструктуры культуры городов предшествующей эпохи была церковь с сопутствующими ей учреждениями, то к середине XIX в. она постепенно оттесняется на второй план. Центрами культурной жизни становятся учебные заведения (гимназии, уездные училища и т. п.), библиотеки, музеи, театры, редакции газет.

Появление домашнего и школьного образования заметно расширило культурную среду сибирских городов, что проявилось, прежде всего, в росте интереса к печатному слову. Первые рукописные и печатные книги были в основном духовного содержания. Уже в начале XVIII в. у высшего иркутского духовенства были значительные домашние собрания на церковнославянском, греческом и латинском языках. Среди городского населения особый интерес вызывали книги прикладного, практического характера, хотя было немало любителей религиозных и житийных произведений. Эту особенность горожан подметил в 1789 г. И. А. Крылов, писавший, что в противоположность дворянству, «предпочитавшему развлекательное чтение, купцы и мещане интересуются главным образом книгами поучительными»⁷¹. Книги заполняли пробелы образования, расширяли представления о мире и обществе. Благодаря самообразованию среди сибиряков встречались неординарные, яркие личности с разносторонними интересами. О купце В. Н. Баснине современники писали, что «умственно он развился благодаря необыкновенной охоте к чтению, врожденной замечательной любознательности и энергии».

Недостаток литературы компенсировался рукописными сочинениями. Многие иркутяне имели рукописные сборники, в которых переписывались понравившиеся произведения. Городских обывателей разных сословий объединял интерес к прошлому своего города и края. Уникальным явлением для России были сибирские городские летописи. Во многих купеческих семьях Иркутска велись или имелись списки этих погодных записей. Многие из них записывали рассказы и предания иркут-

ских старожилов. В одном из документов Иркутской канцелярии сообщалось о сборе подобных сведений: «...все те деятельности для любопытных замечателей здесь и выписаны... об некоторых бывшие в то время самовидцы и памятовавшие старожилы иркутские в нынешних годах точностью уверили и засвидетельствовали»⁷². Иркутские летописи с наибольшей полнотой выразили местную историческую традицию. На их страницах нашла отражение борьба купечества с произволом и злоупотреблениями местной администрации.

Особенностью Иркутска было сохранение городского летописания даже в то время, когда в других сибирских городах оно исчезло. Превращение города в крупнейший административный и экономический центр Сибири, активное участие местных предпринимателей в освоении огромных восточных окраин настоятельно требовало сохранения и ретрансляцию постоянно растущей и меняющейся информации. Наиболее удобной формой ее фиксации стали семейные погодные записи. Первыми летописцами были посадский Василий Сибиряков и его сыновья – Михаил и Николай, доведшие записи до 1803 г. Купцы Михаил и Захар Щегорины переработали и дополнили записи Сибиряковых⁷³. Семейные летописи велись в десятках купеческих домах Иркутска, а их списки широко расходились среди образованной части городского населения. В свою очередь они зачастую становились основными источниками для более поздних исторических трудов и публицистики. Так, одна из самых известных работ декабриста В. И. Штейнгейля «Сибирские сатрапы», написанная в сибирской ссылке, фактически представляет собой развернутый комментарий к одной из таких летописей. Об этом говорит и одно из названий этой записки «К иркутскому летописцу пояснение»⁷⁴.

Первую попытку обобщить городские летописи и составить своеобразный летописный свод предпринял в 1812 г. известный иркутский краевед, губернский землемер и архитектор А. И. Лосев. Собственно летописная форма является лишь внешним каркасом его сочинения. В отличие от других летописей труд Лосева не привязан к Иркутску. В нем представлен разнообразный и значительный материал о Восточной Сибири. Много сведений дается о научном изучении Забайкалья и северо-востока Сибири. Нужно иметь в виду, что в начале XIX в. историческое осмысление Сибири только начиналось, поэтому работа

А. И. Лосева стала вообще первым опытом обобщения прошлого Иркутской губернии⁷⁵.

Продолжателями начатой А. И. Лосевым традиции стали П. И. Пежемский и В. А. Кротов, которые, используя различные источники, представили картину городской жизни за период с 1652 по 1856 гг. В XIX в. летописную традицию Иркутска с блеском продолжил библиограф и краевед Н. С. Романов, доведший ее до 1924 г. В качестве источников им использовались периодическая печать, книги о Сибири, свидетельства очевидцев, личные впечатления. Удивительно, что эта традиция в Иркутске сохранилась до настоящего времени. Достойным продолжателем ее стал иркутский историк Ю. П. Колмаков, продливший летописный свод Иркутска до 1990 г.⁷⁶

Развитие интереса к книге привело к появлению в городе книжной торговли и домашних библиотек. Уже в 1770 г. небольшую торговлю книгами вели протоколисты Прозоров и Зеленский. В 1788 г. в лавке Гостиного двора торговал книгами поверенный вологодского купца В. Жукова иркутский мещанин М. Красноглазов. В конце XVIII – начале XIX в. значительные книжные собрания были у купцов Дудоровских, Казанцевых, Сибиряковых, Трапезниковых, Саватеевых, Старцевых и др. Позднее славилась своей обширностью библиотека В. Н. Баснина, которая была открыта для всех желающих. Николай Полевой отмечал, что еще мальчиком перечитал тысячи томов различных книг от стихов Карамзина до подшивок «Вестника Европы» в домашней библиотеке своего отца. Домашние библиотеки были у многих чиновников, директоров и учителей учебных заведений, врачей и ученых.

По мере распространения грамотности потребность в книгах возрастала. Ее уже не могли удовлетворить домашние библиотеки, имевшие узкий круг читателей. Светская литература, наряду с духовной, начинает регулярно поступать в Иркутск, а затем и в другие города и села по мере роста числа учебных заведений. Уже при первых школах – русско-мунгальской, навигацкой – были небольшие книжные собрания, включавшие учебную литературу. Крупнейшей библиотекой среди всех учебных заведений XVIII-XIX вв. располагала духовная семинария, открытая в 1780 г. Она постоянно пополнялась книгами из собраний иркутских иерархов, а также частных лиц – декабриста М. С. Лунина, купца В. Н. Баснина. Библиотека распола-

гала фондом старопечатных книг, латинских рукописей, монгольскими и тибетскими ксилографами. Она считалась фундаментальной и была доступна лишь исследователям. Учащиеся семинарии пользовались ученической библиотекой, которая пополнялась книгами по направлению Синода.

Первая публичная библиотека была открыта в Иркутске 3 декабря 1782 г. Идея ее создания полностью принадлежит Иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке. Еще до отъезда в Иркутск он изложил свои мысли «об основании в здешнем отдаленном краю книгохранительницы» Екатерине II и получил ее одобрение. Она распорядилась отпустить из казны 3000 руб. для приобретения книг. В Иркутске Ф. Н. Кличка смог убедить иркутян в необходимости публичной библиотеки. Его идею активно поддержали ученые-натуралисты Э. Г. Лаксман и А. М. Карамышев, полковник С. Бентам, Г. И. Шелихов и другие иркутские купцы. Для библиотеки в центре города было построено трехэтажное каменное здание, на фронтоне которого было высечено: «Матерью Отечества дарованных книг хранилище, сооруженное попечением начальства и иждивением граждан». Сам губернатор пожертвовал библиотеке более 200 книг, в том числе издание знаменитой французской энциклопедии. Его примеру последовали сотни жителей Иркутска и уезда. К началу 1783 г. в библиотеке насчитывалось 1304 названия книг, стоимостью более 5 тыс. руб.⁷⁷.

Иркутская библиотека была уникальным явлением для провинциальной России. Библиотека была открыта для всех жителей Иркутской губернии и была совершенно бесплатна. Читать книги можно было как в самой библиотеке, так и на дому, причем с особого разрешения их можно было увозить в другие города губернии. После отъезда Ф. Н. Клички из Иркутска библиотека постепенно приходит в упадок. Многие книги были утеряны или пришли в негодность. В 1789 г. библиотека была передана главному народному училищу, а в начале XIX в. вместе с ним вошла в состав иркутской гимназии. К этому времени ее книжный фонд состоял из 1108 названий в 2407 томах на русском, китайском, греческом, немецком, французском языках.

Основанные в XIX в. практически во всех городах Байкальской Сибири учебные заведения имели, как правило, библиотеки. Со временем они становились центрами формирования интереса к литературе и общественной жизни, так как были дос-

тупны не только учащимся. Размеры их зависели от финансовых возможностей учебных заведений и продолжительности их существования. Так, библиотека Девичьего института через 30 лет после создания имела 701 сочинение в 1446 томах, фундаментальная библиотека учительской семинарии к 25-летию насчитывала 1604 названия в 3960 томах, а ученическая – 491 название в 863 томах, а уездное училище в Киренске располагало через 30 лет после открытия библиотекой в 814 томов⁷⁸.

Даже в отдаленных и малозаселенных уездах региона зарождался интерес к книге. Например, в Киренске возросшие интересы читающей публики уже не могли удовлетворить училищная и монастырская библиотеки. Какое-то количество книг и журналов выписывалось частными лицами. В описи имущества умершего в 1818 г. киренского мещанина Д. Сычева мы встречаем около 10 икон, 35 рисованных и печатных картин, среди которых преобладали портреты и сюжеты на библейские и мифологические темы. Кроме того, у него было 7 книг. Примечательно отсутствие библии. В тоже время среди книг Сычева были «Краткая российская история» и 7-ой том «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Все имущество Сычева было продано с торгов в возмещение долгов. Книги были куплены чиновником Казанцевым и мещанином В. Фроловым⁷⁹.

Распространение книг в Байкальской Сибири сдерживалось не только длительным отсутствием собственного книгопечатания, но и сравнительно поздним возникновением системы книготорговли. В этих условиях наиболее распространенным способом пополнения частных библиотек была подписка на книги и периодические издания. Из-за ее дороговизны подписка была доступна в основном купцам и чиновникам. Кроме индивидуальной подписки, существовала и коллективная. Так, в Иркутске в 1818–1833 гг. существовала «Компанию для выписки периодических изданий и книг». Ею выписывались «Московские ведомости», «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Москвитянин» и другая периодика. Журналы и газеты выписывались учебными заведениями, некоторыми присутственными местами, городской думой.

Отличительной чертой почти всех крупных домашних библиотек первой половины XIX в. – С. Ф. Дудоровского, А. В. Белоголового, В. Н. Баснина и других – была их доступность для всех желающих, а некоторые приобрели статус публичных биб-

лиотек. Первая такая библиотека в Иркутске была открыта в 1840 г. купцом М. А. Болдаковым и насчитывала 4.572 книги на русском языке и 256 – на иностранных⁸⁰. За счет платы подписчиков и средств самого владельца из Москвы и Петербурга выписывались периодические издания, романы, исторические сочинения, описания путешествий. Библиотека действовала до 1851г., но приносила владельцу одни убытки и была продана купцу С. С. Попову. Новый владелец не смог расширить круг подписчиков и через год был вынужден библиотеку закрыть, подарив часть книг только что открытой библиотеки Сибирского отдела РГО, а остальные продал.

В феврале 1858 г. открылась частная публичная библиотека С. Д. Протопопова – М. П. Шестунова, получившая позднее название «Иркутская публичная библиотека Н. В. Пестерева». Плата за чтение составляла 12 руб. в год за чтение книг и журналов и 10 руб. – только за чтение книг. Библиотека пополнялась беллетристикой, периодикой, изданиями о Восточной Сибири. Роль этой библиотеки в общественной жизни Иркутска была весьма велика – здесь собирались, обсуждали литературные новости и действия местной администрации. Бывали здесь и ссыльные петрашевцы – Ф. Н. Львов, сам М. В. Буташевич-Петрашевский. В конце 1859 г. библиотека была закрыта как центр антимуравьевской оппозиции, а М. П. Шестунов выслан в Забайкалье. Часть книг была продана В. И. Вагину, который возглавил новую частную публичную библиотеку.

На основании правительственного циркуляра 1830г., предписывавшего создание библиотек в каждом губернском городе, в 1835 г. Иркутске вновь появилась городская публичная библиотека. Заведовал ею бывший директор гимназии С. С. Щукин. Книжный фонд был составлен из пожертвований, в том числе В. Н. Баснина. Н. С. Романов отмечает, что в библиотеке было собрано все, что считалось лучшим в тогдашней небогатой литературе – в ней было «несколько сочинений высокого достоинства и несколько книг весьма редких»⁸¹. Уже в начале 1840-х гг. библиотека пришла в упадок, очевидно потому, что круг читателей в городе был сравнительно невелик – чиновники и учащиеся, для которых главный интерес представляли свежие журналы, а их публичная библиотека не могла получать в достаточном количестве из-за отсутствия средств. В 1856 г. библиотека почти полностью прекратила свою деятельность, имея 958 названий книг и

журналов. Более счастливой была судьба новой городской публичной библиотеки, открытой в марте 1861 г. по инициативе группы чиновников и общественных деятелей. Она развивалась благодаря книжным и денежным пожертвованиям иркутян. С 1864 г. библиотека находилась в ведении городской думы и получала от нее субсидию, размер которой постепенно увеличивался.

Появление общественных и частных библиотек, рост числа домашних книжных собраний у разных слоев городского общества свидетельствовали о расширении культурной среды и формировании местной еще очень малочисленной и разрозненной интеллигенции. Повышенный интерес к книге в сибирском обществе в начале XIX в. отмечала Е. А. Авдеева-Полевая. «В Иркутске издавна, – писала она, – были библиотеки почти у всех достаточных людей, и литературные новости получались там постоянно. Чтение – лучший просветитель ума, и соединение его с бытом чисто русским издавна образовало в Иркутске общество чрезвычайно оригинальное и вместе с тем просвещенное»⁸². Не удивительно, что именно в Иркутске появляются ростки ранней сибирской публицистики и литературы. Творчество Н. А. Полевого и его сестры, братьев Щукиных, И. Т. Калашникова, А. И. Лосева, П. А. Словцова отличало новое восприятие Сибири и Иркутска как своей «малой родины». Авторы стремились не только воспеть красоту природы края, но и поднять острые социальные вопросы взаимоотношения местного общества и коронной администрации. Не случайно, один из современников оценил повесть Н. Полевого «Сохатый» как «знамя литературного восстания сибиряков». При этом идеологи сибирского возрождения в отличие от областников середины XIX в. воспринимали себя россиянами, а свою родину – неразрывной частью России. «Не надо воображать себе Сибирь, – писал Н. А. Полевой, – однообразною, дикою странюю. Она удивительно разнообразна климатом, местоположением, местностью... В гражданственности вы даже не заметите никакой перемены против России: Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск – это русские города. Широкой полосой нашей дороги пролегают до самого Иркутска русское образование, русский язык, русские нравы»⁸³. Характеризуя произведения сибирской краеведческой литературы этих лет, М. К. Азадовский отмечал, что они нередко были сухи, академичны, но часто в них звучал и страстный тон: «Это – не только

опыты изучения и познания края, но и пропаганда его, стремление заставить отрешиться от привычных воззрений на край или даже Сибирь в целом, заставить отказаться от взглядов на Сибирь как на «царство мрака и хлада»⁸⁴.

К середине XIX в. круг читателей заметно вырос, об этом свидетельствует увеличение числа личных библиотек, разнообразие сословной и профессиональной принадлежности их владельцев. Почти каждый город региона имел свои библиотечные традиции. Частными купеческими книжными коллекциями могли пользоваться жители Троицкосавска (библиотеки Игумнова, Сабашниковых, Я. А. Немчинова), Нерчинска (библиотеки братьев Зензиновых, Бутиных), Верхнеудинска (библиотека Лосевых), Читы (библиотека М. М. Немерова, частная библиотека при общественном собрании). Наличие домашних библиотек, как и домашних художественных и минералогических коллекций стало в эти годы признаком хорошего тона. Интересные домашние музеи сложились в домах крупных предпринимателей Байкальской Сибири М. В. Сибирякова, В. Н. Баснина, С. С. Дудоровского (Иркутск), А. М. Курбатова (Верхнеудинск), М. А. Зензинова и Н. Д. Бутина (Нерчинск).

В эти годы русская литература с гораздо большей активностью, чем прежде, вторгалась в общественную жизнь, это отразилось в утверждении реалистических тенденций в творчестве писателей, журналистике. Литература Сибири этого времени также отражает социально-культурную ситуацию. Значительно возрос интерес к публицистике, правовой и общественно-политической литературе. В. И. Вагин отмечал, что в местном обществе хорошо знали столичные передовые журналы «Отечественные записки», «Современник», но литературный вкус был развит еще слабо⁸⁵. Тем не менее, при всей малочисленности в крае высокообразованных людей, на рубеже 1850–1860-х гг. в Байкальской Сибири, как и во всей России, стал нарождаться и быстро расти новый читатель. Как писал Н. В. Шелгунов, «точно чудом каким-то созданся внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, с общественными мыслями, желавший думать об общественных делах, желающий научиться тому, что он хотел знать»⁸⁶.

Характерной приметой времени стало появление в городах края литературных салонов и других «культурных гнезд». Наиболее насыщенная культурная и общественная среда была, есте-

ственно, в Иркутске. Здесь уже в конце XVIII в. в купеческих особняках Н. П. Мыльникова, М. В. Сибирякова, А. Е. Полевого собиралась интеллектуальная элита города, представители власти, приезжие путешественники и ученые. В первой половине XIX в. большой популярностью у иркутян пользовались литературно-музыкальные салоны В. Н. Баснина, Е. П. Ротчевой, декабристов Волконского и Трубецкого.

После прекращения издания тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» до середины XIX в. в Сибири существовала только рукописная литература. Стремление к консолидации общественных и культурных сил проявилось в создании местных рукописных литературных изданий: «Енисейского альманаха на 1828 г.» в Красноярске и «Ангарского вестника» в Иркутске. Уже в них проявилась потребность в собственном литературном творчестве, желании мыслить и говорить о себе. В конце 1830-х гг. иркутянин Н. И. Виноградский издавал небольшую рукописную газету «Домашний собеседник». В ней помещались повести, рассказы и стихи. По словам В. И. Вагина, «общество интересовалось газеткой, и она читалась усердно»⁸⁷. Но газета Виноградского просуществовала недолго. Кроме того, время от времени в Иркутске выходили другие рукописные журналы: «Домашний собеседник» (1820 г.), «Звездочка» (1840 г.), «Козуля», «Мещанин» и «Заушаковский вестник» (1856 г.). Значительная часть материалов этих сборников имела социальную направленность, критиковала произвол местной власти и даже поднимала вопросы дальнейшего развития страны. Так, в рукописных журналах «Козуля» и «Мещанин», выпускаемых семинаристами, высказывались мысли, что всякое разделение народа на сословия является противным здравому смыслу.

Он был очень тонок – слой интеллигенции Байкальской Сибири первой половины XIX в. Тем не менее, многие представители ее внесли свой посильный вклад в дело изучения и просвещения края. Литературные салоны и рукописные альманахи в первой половине XIX в. существовали в Верхнеудинске, Троицкосавске, Нерчинске. Как правило, они формировались при домах местных просвещенных купцов, а активную роль в них играла интеллигенция и политические ссыльные, которых в Сибири принимали открыто и дружелюбно. Так, в Кяхте в салоне купчихи Серафимы Сабашниковой желанными гостями были

братья Бестужевы и другие декабристы. В доме этой развитой, европейски образованной женщины бывали и известные путешественники, и политические ссыльные, и видные государственные деятели. Здесь читали и обсуждали издания «Вольной русской типографии» «Полярную звезду», «Колокол». Герценовские издания поступали в Кяхту двумя путями: доставлялись с чайными караванами через Китай и Монголию и привозились самими сибиряками, путешествовавшими за границей. Забайкальские купцы В. С. Кандинский и И. Н. Сабашников побывали в 1862 г. на Лондонской выставке и посетили А. И. Герцена, а другой сибиряк, известный врач и общественный деятель, Н. А. Белоголовый был одним из его тайных корреспондентов.

Усилиями местного литературного кружка в Кяхте в начале 1830-х гг. издавались рукописные журналы «Кяхтинский литературный цветник» и «Кяхтинская стрекоза». Активное участие в их издании принимали местные учителя Д. П. Давыдов, автор песни «Дума беглеца на Байкале», и В. П. Паршин, врач А. И. Орлов.

В Нерчинске славились библиотеки купцов Юренских и М. А. Зензинова. Здесь же существовало общество молодых гостинодворцев, которые выписывали из Петербурга литературу и периодическую печать. «Здесь с 1820 года, – вспоминал М. Зензинов, – основана библиотека, получают целые груды журналов, существует обычай собираться друг у друга для чтения и прочего»⁸⁸. В 1830-х гг. в Нерчинске сложился кружок передовой молодежи, в который входили учителя местного училища И. И. Голубцов, В. И. Седаков, Н. Н. Попов, В. П. Паршин, А. А. Мордвинов, священники К. К. Стуков и С. Е. Боголюбовский, чиновник Н. И. Бобылев, купцы М. А. Зензинов и И. А. Юренский. Они интересовались историей края, изучали материалы местного архива, собирали естественно-научные коллекции. Результатом этих занятий были «литературные опыты» и краеведческие очерки по истории и природе Забайкальского края. Помимо литературных и научных интересов нерчинскую интеллигенцию отличала любовь к музыке и театру. Организатором любительского театра стал В. Арсентьев, местный мещанин, происходивший из писарей. Первый спектакль состоялся в 1841 г. на «святках» в «рабочем доме» в Култуке⁸⁹.

Центром культурной жизни Восточного Забайкалья долгие годы служил гостеприимный дом купцов Кандинских в большом Нерчинском заводе. Здесь собирались инженеры, учителя и

политические ссыльные – поляки и декабристы. В доме имелось два фортепьяно, большая библиотека, устраивались музыкально-литературные вечера, обсуждали свежие книги. На праздниках, которые устраивали Кандинские, были «специально выписанные музыканты, обилие угощений, игры, танцы – все это дополнялось чтением стихов и дружескими беседами. Среди близких знакомых хозяев были и ссыльные»⁹⁰.

Большие библиотеки в Забайкалье имели также селенгинский купец Д. Д. Старцев, верхнеудинские купцы Г. А. Шевелев и А. Курбатов, житель Петровского завода купец Б. В. Белозеров. Центром культурной жизни Верхнеудинска был дом купца М. К. Курбатова. По воспоминаниям А. Мартоса, это был самый красивый дом в городе, быт его был организован по европейски, т. е. имел модную мебель, фортепиано, картины, библиотеку⁹¹. Вокруг хозяина дома в 1830–1840-х гг. сложился кружок из представителей местной интеллигенции. В него входили купцы Г. А. Шевелев, А. Налетов, медики А. И. Орлов и И. С. Ветров, чиновник В. С. Шапошников. Многие из них поддерживали связи с декабристами братьями Бестужевыми, Кюхельбекерами, Е. П. Оболенским, И. И. Горбачевским, П. И. Борисовым. При кружке издавался рукописный альманах «Метляк», редактором которого был А. И. Орлов, уже имевший опыт выпуска подобного рода изданий в Кяхте⁹². А. К. Курбатов и сам серьезно занимался изучением природных ресурсов Забайкальского края, был корреспондентом ряда центральных журналов и газет, активно сотрудничал с Российским географическим обществом.

Рукописные журналы и альманахи подготовили почву для появления периодической печати в Байкальской Сибири. Начало частной периодической печати в Байкальской Сибири положила либеральная еженедельная газета «Амур», первый номер которой увидел свет в Иркутске в январе 1860 г. Издавалась она на средства купцов А. А. Белоголового, И. И. Пиленкова и С. С. Попова, редактировалась М. В. Загоскиным. Кроме местной интеллигенции, в ней сотрудничали петрашевцы, ушедшие из-за притеснений цензуры из «Иркутских губернских ведомостей». Несколько статей опубликовал в «Амуре» М. А. Бакунин. Практически одновременно еще одна газета появилась в Кяхте. Идея издания местной газеты родилась в кружке С. С. Сабашниковой, активным участником которого был кяхтинский градоначальник А. И. Деспота-Зенович. Он же был назначен цензором новой газеты⁹³.

Редактором «Кяхтинского листка» стал учитель русского языка Троицкосавского уездного училища П. С. Андруцкий. Газета выходила при поддержке декабристов М. А. Бестужева и И. Н. Горбачевского. М. А. Бестужев сочувственно встретил первую забайкальскую газету. Он писал сестре: «Третьего мая мы приветствовали новорожденное дитя – 1-й «Кяхтинский листок», явившийся поутру на свет божий. Между общими желаниями присутствующих я выразил свое желание, чтобы ребенок был воспитан без пеленок... Все с любопытством его рассматривали. Ничего... парнишка здоровый, опрятный, с замечательною физиономиею, и уже царапается»⁹⁴. Газета печаталась в кяхтинской общественной типографии, оборудованной на средства купцов А. М. Лушникова и Н. М. Игумнова тиражом в 300 экземпляров. На первых порах она действительно отличалась острой социальной направленностью. Постепенно основное место на ее страницах заняли сообщения о движении товаров и ценах, состоянии торговых путей через Монголию и Китай в России и Западную Европу. В качестве собственных корреспондентов газеты выступали торговые агенты российских чайных компаний в Ханькоу и Тяньцзине. Информация поступала с чайных аукционов в Лондоне, в которых участвовали купцы из Байкальской Сибири. То есть «Кяхтинский листок» оправдывал то назначение, ради чего он был создан – служить коммерческим интересам местного купечества.

Свой небольшой круг интеллектуальной элиты формировался даже в небольших северных городах региона. Житель Киренска А. М. Беклимишев в 1820 г. был в числе членов-учредителей Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), изъявляя готовность «соревновать в трудах и сношениях с обществом». Замечательной личностью был В. И. Седаков. После окончания в 1816 г. иркутской мужской гимназии он некоторое время работал в Олекминске и Якутске, а с 1819 по 1828 гг. возглавлял уездное училище в Киренске. Известный сибирский историк П. А. Словцов, бывший в то время директором училищ Иркутской губернии, познакомился с ним в 1825 г. во время ревизии и отмечал его знания и усердие. Пытаясь как-то преодолеть хронический недостаток учебных пособий, Седаков составил «начертание русской истории» для местных учеников. Но большую известность он приобрел как натуралист. Он увлекался сбором коллекций минералов, расте-

ний, насекомых, был членом московского общества испытателей природы, опубликовал несколько статей и заметок. После 1828 г. служил в Нерчинске, а с 1840 г. в Якутске. Почти ничего не знаем мы о преподавателе арифметики и геометрии местного уездного училища И. И. Затопляеве. Между тем, его с полным правом можно назвать первым краеведом Киренска. В 1841 г. им было закончено составление «Статистического описания Киренского округа». Судьба рукописи коллежского секретаря во многом типична для того времени. Отправленная в центр, она была погребена в недрах министерства внутренних дел. Описание Затопляева имеет достаточно четкую структуру, написано живым, доступным языком. Отмечая скудость материала, автор вместе с тем не ограничивается личными наблюдениями, а достаточно часто делает исторические экскурсы. Подробно и обстоятельно описывается население города и уезда, основные занятия и промыслы, ленское судоходство. Значительное место уделено характеристике уездного училища, где служил автор, Киренскому Троицкому монастырю, управлению города и уезда. Словом, рукопись И. И. Затопляева является наиболее полным и всесторонним источником по истории уезда и самого города в первой половине XIX в.⁹⁵

Изучение края было невозможно без функционирования архивов, музеев и библиотек, и в этом плане Иркутск находится в весьма благоприятных обстоятельствах. Городской архив был не только самым полным по объему документов, но и использовался как заезжими учеными, так и местными краеведами. При публичной библиотеке стараниями ученых натуралистов Э. Г. Лаксмана и А. М. Карамышева был организован небольшой музейный кабинет. Он занимал одну из комнат библиотеки. В нем были представлены образцы и макеты различных современных «дикивинок»: телескоп, электрическая машина, орудие приготавливать целительные воды, а также модели фабрик, водоходных судов, различные минералы и гербарии растений. В музее можно было увидеть кусок ткани с Сандвичевых островов, полученный от капитана Дж. Кука, шкуру китайского козла, морских животных, лук и колчан, и все снаряжение калмыцкого воина и другие редкости⁹⁶. Сюда же привозили образцы оружия и бытовых вещей коренного населения Аляски и Алеутских островов.

Новый этап научного изучения Байкальской Сибири был связан с созданием в Иркутске Сибирского отдела Русского гео-

графического общества, который был открыт в ноябре 1851 г. (с 1877 г. – Восточно-Сибирский – ВСОРГО). В деятельности отдела принимали участие представители всех слоев населения: чиновники, учителя, купцы, священнослужители, мещане, грамотные крестьяне и инородцы, политические ссыльные. Под эгидой ВСОРГО были организованы десятки крупных экспедиций для изучения края и сопредельных стран, которые решали как научные, так и практические задачи. Наряду с исследовательской работой ВСОРГО активно занимался просветительской деятельностью. В 1854 г. при нем был создан музей, который постоянно пополнялся экспонатами, собранными в результате экспедиций. В 1854 г. в Иркутске был открыт статистический комитет, начавший систематический сбор сведений о населении, хозяйстве губернии и занятиях ее жителей.

Наряду с просвещением и книгой все большую роль в формировании культурной среды городов Байкальской Сибири начинает играть живопись и различные проявления музыкально-театральной жизни. Именно они придавали завершенность городской культуре, так как исторически были присущи именно городу. В течение XVIII в. искусство в основном было представлено мастерами иркутской школы иконописи. Их трудами создавались иконы для домашнего употребления. Они же расписывали многочисленные храмы города, создавая их цельность и неповторимость. Развитие светской культуры и административное значение Иркутска вызвало к жизни моду на официальные парадные портреты членов императорской семьи, которые украшали все казенные заведения. Война 1812 г. пробудила патриотическое сознание сибиряков и обострила интерес к исторической и портретной живописи. Портреты военачальников и героев, изображения батальных сцен выписывались из столиц и становились привычным элементом интерьеров присутственных мест и домашних гостиных иркутских чиновников и купцов. Несмотря на большую отдаленность от культурных центров страны, в города Байкальской Сибири сравнительно быстро попадали новинки живописи. Стремясь подражать столичной моде, их выписывали из Москвы и Петербурга, привозили с Нижегородской ярмарки.

В первой половине XIX в. наряду с оригинальными произведениями живописи и «писанными» копиями во многих городских домах появились дешевые штампованные портреты и жанровые картинки – лубки. Они становились модными не только в

мещанской городской среде, но даже в сельской местности. А. Мартос, проезжая по Байкальской Сибири, видел картинку с изображением Ермака, губернаторов, героев Отечественной войны 1812 г. во многих городских и крестьянских домах. А в одном крестьянском доме в д. Тайгурка близ Черемхова он с удивлением заметил «изрядную фламандскую картину»⁹⁷.

В среде образованной публики были популярны различные акварели и гравюры исторической тематики, проявлялся интерес к ландшафтной живописи. Приезжающие с разными научными экспедициями профессиональные художники впервые запечатлели виды Иркутска, Селенгинска, Верхнеудинска, Кяхты. Картины и гравюры И. Люрсениуса, А. Е. Мартынова, Е. М. Корнеева, Бомануара, иркутян А. И. Лосева, В. Алексеева, П. И. Пежемского донесли до нас городской пейзаж Иркутска и других городов региона, а также различные бытовые сценки. Самобытным мастером портретной живописи стал учитель рисования иркутской гимназии М. Васильев. Популярностью пользовались его портреты М. М. Сперанского, купцов Басниных и др. Среди первых художников было немало ссыльных. Так, А. Х. Бенкендорф во время своей поездки в Забайкалье в начале XIX в. встретил некоего француза Монтескую, который провел на Нерчинских рудниках 7 лет, а потом проживал в Иркутске: «Здесь он открыл в себе небольшой талант, малюя, с позволения говоря, портреты: он навещал меня ежедневно и с философическим пафосом декламировал бесконечную историю своей жизни и ужасный опыт своих несчастий». Впоследствии художественными работами и рисунками занимались некоторые из декабристов. Наибольшую известность своими портретами друзей по несчастью и сибиряков получил Н. А. Бестужев⁹⁸.

В начале XIX в. собрания картин были у многих богатейших купцов Иркутска. Известными собирателями книг, редкостных предметов и произведений искусства были в Иркутске купцы С. С. Дудоровский, К. М. Сибиряков, В. Н. Баснин. В их собрания входили изделия декоративно-прикладного искусства, скульптура, живописные и особенно графические произведения (коллекция гравюр Баснина). В это же время произведения искусства и изящные бытовые предметы повсеместно входят в быт населения губернии. В доме М. В. Сибирякова гостей поражала прекрасная шпалера с оригинала Ван Дейка и огромный портрет Г. Державина кисти итальянца С. Тончи. В его собрании были

коллекции гравюр с видами городов России, уникальные гобелены русской работы, различная скульптура. Собрание В. Н. Баснина содержало до 7 тысяч гравюр русских и иностранных мастеров, живописные полотна, множество старинных карт.

В первой половине XIX в. в Иркутской губернии продолжает развиваться обучение рисованию. Иркутяне издавна проявляли интерес к живописи. Ученики и учителя геодезической и навигацкой школ рисовали сибирские пейзажи. Например, на публичном экзамене в Иркутской губернской чертежной в 1812 г. были представлены рисунки, изображавшие «вид горы Хамар-Дабан» и вид города Охотска. Интересные рисунки Иркутска и других мест и селений сделаны иркутскими землемерами А. И. Лосевым, И. И. Кожевиным, краеведом Н. С. Щукиным, летописцем П. И. Пежемским. Серьезное значение придавалось рисованию в Иркутской мужской гимназии. Художественными экспонатами пополняются коллекции гимназического музея. Рисование начинает преподаваться и в учреждаемых с 1805 г. уездных училищах. В середине столетия в Девичьем институте Восточной Сибири и сиропитательном доме Елизаветы Медведниковой рисованию стали обучаться девушки.

История сибирского театра восходит к традициям скомошества и народного кукольного театра (вертепа). Вертепные представления устраивались на святках, а также между рождеством и масленицей. Вертепы были очень популярны у простых обывателей города, поэтому делались попытки создания стационарных кукольных театров. «Какой-нибудь мещанин, – писал Н. С. Щукин, – нанимал в большом доме, среди города, квартиру, сооружал вертеп, набирал певчих и пускал зрителей по пяти и десяти копеек за вход; над воротами дома горел фонарь»⁹⁹.

Широко были распространены различные музыкальные инструменты. Китайские посланники в 1714 г. заметили в Иркутске «колокола, барабаны, деревянные флейты, сиповки, с медными струнами гусли и скрипки». Скрипки были очень популярны среди иркутян. И. Т. Калашников называет среди лучших музыкантов Иркутска поляка Савицкого, чиновника Горновского, коменданта Сухотина и слепого скрипача «Митьку». Последний, кроме игры, славился изготовлением скрипок. В XVIII в. в домах зажиточных горожан появились ручные органы, а с конца века в домашний быт входят и такие сложные музыкальные инструменты, как фортепиано. На них музицировали в до-

мах некоторых чиновников и купеческих особняках. Важным моментом в формировании музыкальных и зрелищных вкусов стало появление военных духовых оркестров, а также хоровых коллективов. Без оркестров не обходилось ни одно официальное торжество, а также балы и маскарады, которые давались губернаторами и городскими властями. У многих сибирских губернаторов имелись домашние оркестры. Так, с первым иркутским наместником генерал- поручиком И. В. Якобием в 1783 г. прибыло около полутора сотен чиновников и прислуги, среди которой было «одних музыкантов... до сорока человек». В конце XVIII в. в Иркутске действовало пять крупных хоров: архиерейский, казачий, солдатский, полицейский и хор молодых чиновников. Особо выделялся казачий хор, который «пел весьма искусно и прекрасно исполнял концерты Бортнянского»¹⁰⁰. В домах зажиточных горожан практиковалось домашнее музыкальное и вокальное обучение девочек. Часто преподавателями выступали ссыльные и иностранцы. В одном из первых очерков будущего декабриста В. И. Штейнгейля с характерным названием «И в несчастьи можно служить обществу» рассказывается о ссыльном, которой обучал детей директора кяхтинской таможни, а затем открыл «школу для бедных и неимущих сирот». Он же составил из своих учеников «хор певчих и довел их до возможного в сем маленьком местечке совершенства»¹⁰¹. В более крупных городах роль ссыльных в развитии музыкального образования была еще более заметно. Как отмечал И. Т. Калашников, «Иркутск обязан был своими музыкальными познаниями ссыльным, равно и первый танцевальный учитель в Иркутской гимназии был также из ссыльных»¹⁰².

Во второй половине XVIII в. в России получает развитие театральное искусство. Театральные пьесы с большим интересом читались в Иркутске, а ссыльные и приезжие чиновники рассказывали о театральных постановках в Петербурге и Москве. В 1787 г. любительский театр возник и в Иркутске. Его активным поборником стала жена чиновника В. А. Троепольского, которая была в своем театре и режиссером и актрисой. Любительская труппа ставила разнообразные пьесы – от классических пьес А. П. Сумарокова до комедий А. О. Аблесимова и Д. И. Фонвизина. И. Сиверс, посетивший Иркутск в 1790 г., писал о воспитательном значении театра для молодежи и отмечал: «Театр? – слышу я ваш вопрос. – В такой отдаленной стране?»

Да, совершенно точно! И еще больше вы удивитесь, если добавлю, что актеры – местные жители, никогда раньше не видавшие театр, и все же несмотря на это их представления весьма милы и музыка не неприятна»¹⁰³. Театр Троепольской предназначался для избранного «благородного» общества. После прекращения его работы любительские театры для узкого круга ставились в помещении «благородного собрания», мужской гимназии, в губернаторском доме. А в 1803 г. купеческий сын Е. П. Солдатов открыл театр уже «для всей публики». Театр находился в одноэтажном длинном здании на Заморской улице напротив мещанских торговых рядов. Ставились в основном комические оперы А. Буланта «Сбитенщик» и «Кузнец», М. М. Соколовского «Мельник – колдун, обманщик и сват». Спектакли шли на святках и в Пасху, но существовал театр недолго. Уже в 1805 г. появился новый театр, основанный ссыльными – князем В. Н. Горчаковым и гвардейским офицером А. П. Шубиным. Представления давались два раза в неделю и пользовались большой популярностью. Основой репертуара оставались комические оперы, созданные в последней четверти XVIII в., пьесы А. Коцебу, волшебные оперы «Калиф на час», «Красавица и привидение». Была собрана неплохая актерская труппа. К актерам, выступавшим в театре Е. П. Солдатова, были добавлены несколько способных актрис, молодых унтер-офицеров и певчих гарнизонного хора. Оркестр был составлен из полковых музыкантов и нескольких скрипачей из ссыльных¹⁰⁴. Музыкальное оформление постановок осуществлял капельмейстер полкового оркестра унтер-офицер Киселев, известный в городе под именем Пантелеича. Во время губернаторства Н. И. Трескина унтер-офицерам и военным запретили играть на сцене, и в 1809 г. театр был закрыт. Так же недолго просуществовал на иркутском рынке общедоступный дешевый театр казачьего урядника Клепикова и мещанина Кондратова¹⁰⁵. До середины 1850-х гг. общедоступный театр в Иркутске не возобновлялся, но время от времени любительские спектакли играли в гимназии, в семинарии, в домах некоторых чиновников. Трудно переоценить значение театра в развитии культурной среды города. Как и книга, он активно воздействовал на формирование нового вкуса, потребностей, моды и даже поведения людей.

В первые десятилетия XIX в. в городе существовали три хора: архиерейский, солдатский и казацкий, а в 1820-х гг. – и чиновничий, имелся гарнизонный оркестр, игравший марши и танцы.

В августе 1832 г. был дан первый в Иркутске инструментальный концерт любителей. С этого времени Иркутск и другие города региона стали посещать первые гастрольные труппы и музыканты. В 1840-х гг. спектакли и концерты устраивались в доме генерал-губернатора В. Я. Руперта под руководством Л. Ф. Львова. Значительную роль в развитии музыкальной жизни Иркутска сыграли декабристы – Ф. Ф. Вадковский, игравший на скрипке и А. П. Юшневский, который давал уроки игры на фортепьяно. В домах Трубецких и Волконских устраивались музыкальные вечера.

В 1851 г. в Иркутске при содействии генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского был открыт первый профессиональный театр. Первым антрепренером его стал И. Маркевич. Хозяйственной и репертуарной частью заведовала дирекция, во главе с чиновником А. Н. Похвисневым, знатоком и любителем театра. Среди актеров были А. А. Рассказов, А. Х. Ярославцев, выступавшие ранее на московской сцене. Вообще труппа была немногочисленна (в иные сезоны не более 6 чел.), но славились среди провинциальных театров хорошими актерами. Ставились пьесы Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, В. Шекспира. В мае 1852 г. в иркутском театре впервые в Сибири было поставлено «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Много места в репертуаре занимали водевили и мелодрамы. В январе 1861 г. здание театра сгорело. В 1864 г. было построено новое здание театра, которое взял в аренду купец II гильдии И. О. Краузе. Зал вмещал до 500 зрителей, спектакли шли 3 раза в неделю. Репертуар изменился мало, но была предпринята попытка постановки оперетт Ж. Оффенбаха, что было новшеством в Иркутске. Из-за слабости труппы они успеха не имели. Актеров Краузе набирал в Москве и Петербурге. Арендатор театра постоянно жаловался на невыгодность своего дела, но антреприза благополучно просуществовала до 1873 г. В уездных городах Байкальской Сибири спектакли профессиональных трупп были редкостью, а отдаленные и малые города региона гастролеры вообще не посещали. Более-менее оживленная музыкально-театральная жизнь имела место в Троицкосавске и Нерчинске.

Таким образом, в конце XVIII – первой половине XIX в. в городах Байкальской Сибири формируется достаточно насыщенная культурная среда. Наиболее ярко она проявилась в Иркутске. Здесь, как ни в каком другом городе Сибири, сформиро-

валась благоприятная атмосфера для творчества, возникла общественная потребность в приобщении к высокому искусству, образовалось довольно многочисленное ядро творческой интеллигенции, представленной различными социальными слоями общества. Здесь жили и творили известные ученые и деятели культуры как Э. Г. Лаксман, А. М. Карамышев, Ф. И. Ланганс, И. Т. Калашников, В. И. Лосев, В. Алексеев, П. А. Слобцов и многие другие. Особенностью культурной среды города было то, что все эти новации не замыкались в каком-то одном слое населения, а захватывали основную массу чиновничества, купечества и мещанства.

Необходимо отметить, что радикальные перемены в социокультурной жизни города приходятся на последнюю четверть XVIII в. Если купцы 1760-х гг. далеко не все могли подписаться за себя, то их дети и внуки, получившие образование, обладали более широким кругозором. Они уже по-иному расценивали свое значение в экономической и общественной жизни страны. Среди них появляются новые морально-этические нормы и ценности. Приоритетными становятся просвещение, собирание предметов культуры и старины, любовь к книге, благотворительная деятельность. Один из первых иркутских краеведов Н. С. Щукин имел все основания гордиться высоким уровнем культуры своего родного города. «Представь себе, – писал он, – здешние купцы имеют богатые библиотеки, выписывают все журналы, все вновь выходящие книги. Дочери их и жены занимаются чтением, играют на фортепиано. В Сибири, любезный друг, в Сибири, о которой все имеют такое низкое мнение, – в этой дикой и холодной стране, удивляются стихам Пушкина и читают Гомера»¹⁰⁶.

Новый облик города, значительные изменения, произошедшие за XVIII в. в социальной и культурной жизни Иркутска, оказали заметное влияние на бытовую культуру горожан. Еще в середине века город ничем не напоминал столицу Сибири. Дома были скромные, без украшений и обстановки, жители ходили в простых русских одеждах, хотя и сшитых из-за дешевизны из китайского материала. Нравы и быт были патриархальными. В конце же XVIII в. путешественники и бытописатели отмечают европейский склад жизни горожан, связанный с новой планировкой города и жилых зданий, одеждой и украшениями, временем препровождения, тягой к культуре. «Жители Иркутска поч-

ти все бреют бороду и стригут волосы, не носят русских кафтанов, и даже черный народ носит летом халаты, а зимой тулупы, крытые китайкою или нанкою; летом круглые шляпы и картузы, а зимою шапки и меховые картузы», – писала Е. А. Авдеева-Полевая¹⁰⁷. Современники, отмечая достаточно высокий уровень бытовой комфортности иркутян, прежде всего купечества, связывали его с частыми их поездками в Москву и другие города России и частым общением с местными и столичными чиновниками. Превращение Иркутска в крупный административный центр огромной территории от Енисея до тихоокеанского побережья сказался на росте неподатного населения. По числу административных служащих и военных разных уровней он заметно превосходил остальные города региона. Кроме того, здесь всегда было много приезжих чиновников, ученых, членов посольств и т. п., что «не могло не иметь влияния на обычаи и даже образованность граждан... Тогда вошли в моду даже многие светские обычаи»¹⁰⁸.

На бытовую культуру и поведение горожан оказывало влияние пребывание в городах ссыльных из дворян, многие из которых устанавливали тесные, иногда дружеские отношения с местным образованным обществом. Устраиваемые ими литературные и музыкальные вечера, домашние спектакли, пикники с фейерверками и экскурсии в живописные городские окрестности – все это служило примером для сибиряков, приобщало их к разнообразной духовной жизни, заставляло заниматься самообразованием и тем самым повышало общий уровень сибирского общества. Так, благотворное влияние ссыльных декабристов «на окружающую среду было глубоко, хотя, быть может, и не легко уловимо... Каждый из них в отдельности и все вместе взятые – они были такими живыми и превосходными образцами культуры, что естественным образом поднимало значение и достоинства ее в глазах всякого, кто с ними приходил в соприкосновение»¹⁰⁹.

Поведение, манеры, мелочи дворянской бытовой культуры подмечались, перенимались, служили образцом для многих представителей элиты местного общества. И уже в начале XIX в. столичные гости с удивлением констатировали: «Иркутск как город – очень хорош, много богатых купцов и каменных домов. Купцы в Иркутске не носят бород, одеты во фраках по последней моде; кареты, коляски, выписная мебель, библиотеки – не редкость. Жены купцов одеваются по парижским картинкам»¹¹⁰.

Следует отметить, что изменения в материальном быту в меньшей степени отражались на духовных представлениях и ценностях сибиряков. В первой половине XIX в. горожане во многом сохраняли «патриархальность в семейных устоях» и общественной нравственности, «твердо соблюдали посты» и традиции православной обрядности. Свое свободное и праздничное время горожане проводили по старинке, отличаясь лишь размахом угощений и приемов. И все же уровень образования и воспитания не мог измениться в такие короткие сроки. Е. А. Авдеева-Полевая была права, когда писала: «Ныне все молодые женщины, купчихи, одеваются точно так же, как и в столице. Кто приедет прямо из Москвы или Петербурга, тот мало заметит разницы в одежде; зато его слух жестоко пострадает от тамошнего выговора»¹¹¹.

Чем дальше от губернского центра, тем больше было консервативности в домашнем быту и жизни. А. И. Лосев, одним из первых обративший внимание на образ жизни населения городов Байкальской Сибири, отмечал, что даже в Верхнеудинске уровень европеизации купечества был заметно меньше, чем в Иркутске, особенно в женской среде¹¹². В других городах региона, исключая Троицкосавск с Кяхтинской слободой, «немногие последуют нынешнему вкусу роскоши, но по большей части придерживаются старых обычаев умеренности»¹¹³.

Важную общественную и культурную роль в жизни горожан стали играть праздники, торжественные обеды и приемы. Один из первых произошел по случаю воцарения императрицы Елизаветы Петровны, когда публике были представлены различные картины с надписями иллюминацией. При Ф. Н. Кличке торжества в честь событий в императорской семье становятся регулярными. Так, отмечая манифест о рождении цесаревича Константина, в городе состоялся торжественный молебен, а затем губернатор дал первый в истории Иркутска бал-маскарад, «который составлял семьдесят пять масок, и немалое число бес масок к большому удивлению и увеселению здешних жителей»¹¹⁴. В дальнейшем парады, торжественные приемы, балы становятся необходимым атрибутом светской жизни Иркутска. Приемы для избранного общества по торжественным поводам проводили генерал-губернатор и гражданский губернатор, городской голова или купеческое общество, а иногда и проезжавшие через город лица. Так, в памяти иркутян надолго запомнил-

сы «танцевальный завтрак», который давал 10 января 1807 г. местной публике в здании гимназии российский посланник в Японию, камергер Н. П. Резанов. «После завтрака, окончившегося в 4 часа пополудни, опять начались танцы и продолжались до 1-го часа ночи»¹¹⁵. Начиная с М. М. Сперанского, балы и приемы становятся неременной частью бытовой культуры иркутского общества, «совершенно изменив свой полуазиатский характер». Кроме домов и присутственных мест они проводились в биржевой зале Гостиного двора, в Комендантской роще и Портновском саду. Так происходила общая европеизация общественного быта под воздействием военных и гражданских властей. Кроме того, в городе всегда было немало людей европейской национальности (поляки, немцы, шведы и др.), оказавшихся здесь по тем или иным причинам. Их воздействие разрушало сторомосковское общинное мировоззрение, способствуя индивидуализации городского сознания.

По степени насыщенности культурной инфраструктуры и изменений в быту с Иркутском мог сравниться только Троицко-савск с Кяхтинской торговой слободой. Тон задавала слобода, ставшая со временем поселком миллионеров. Здесь могли проживать только купцы первой гильдии и их домочадцы. Все остальные жили в нескольких верстах в Троицкосавске. Сама Кяхта, ставшая главным центром русско-китайской торговли, часто посещалась торговцами, чиновниками и учеными из России. Местные купцы по торговым делам бывали в Нижнем Новгороде и Москве. Здесь как и в Иркутске уже в первой половине XIX в. стали одеваться по европейской моде, а «правильной речью и общительностью они не отличались от среднего интеллигента»¹¹⁶. Жены и купеческие дочери блистали богатыми нарядами, выписанными из столицы или из Европы. Купцы имели свой клуб, сады, музыкантов, хор и жили «на широкую ногу». Не случайно декабрист Н. А. Бестужев окрестил слободу «Забалуй-городком»¹¹⁷. Купечество, имея с торговли и контрабанды большие барыши, легко тратило их на балы и приемы. «Звуки бальной музыки раздавались почти всякий вечер, а звуки оттыкающихся шампанских пробок раздавались чуть ли не с зарей и до другой»¹¹⁸. Эту характерную деталь кяхтинского быта отмечал еще в конце XVIII в. П. С. Паллас: «Здесь повсюду господствует обыкновеннейшее всегда пиршество, какого, кроме Иркутска, почти ни в каком сибирском городе не найдешь. Но обхожде-

ние кяхтинских жителей было б гораздо приятнее, если б по компаниям не так чрезвычайно чаем докучали: ибо каждый купец сим только и щеголяет, что приедем гостю ставит пить чай ото всех сортов один после другого, сколько у него ни случится»¹¹⁹.

Кяхтинские купцы гордились своим гостеприимностью и хлебосольством. На празднествах и приемах приезжих удивляла демократичность, когда в доме миллионера «на застолье можно было встретить брата ремесленника, около модной дамы, которой присылают туалеты из Москвы или Парижа, сидела какая-нибудь бедная кузина или тетка с платком на голове». Здесь шумно отмечалось великое множество праздников. С самого утра накрывали стол белой скатертью, и «после утреннего чая и возвращения из церкви, до самого вечера, подходили к нему каждую минуту, крестились три раза, выпивали и закусывали, так что к вечеру были совершенно пьяные и засыпали»¹²⁰. В большие праздники устраивали походы и поездки из дома в дом. В поезд, составленный из пролеток, фазтонов и прочих повозок, подключали небольшой оркестр местного музыканта Андропова. Отворялись двери, зал освещался, быстро накрывали стол с закусками и винами, обносили приезжих конфетами, орехами, изюмом, чаем, нередко шампанским. Как отмечал И. И. Попов: «В Кяхте все богаче и грандиознее...»¹²¹.

Спесь и разгул обладателей крупных капиталов причудливо соседствовали рядом с достаточно насыщенной культурной средой. Особенно выразительные контрасты бытовой культуры, смесь традиционного образа жизни с европейскими инновациями можно было встретить в Иркутске и Троицкосавске (Кяхте). «Несмотря на фраки и бритые подбородки, — писал И. Т. Калашников, — ...нравы купечества были крайне оригинальны. Сказывают, что попойки были господствующим увеселением и ни одна пирушка не обходилась без драки»¹²². Если в кругах первогильдейцев и среднего чиновничества еще соблюдались определенные приличия и этикет, то «между мелким купечеством, между мещанством таких кружков не было: здесь было почти поголовное пьянство. Нередко оно сопровождалось и дракой»¹²³. Кяхта и Троицкосавск также отличались склонностью к обильным возлияниям. Причем, как пишет современник, если в Москве пили чистую водку, то кяхтинские купцы обожали дорогие вина и шампанское. В Кяхте «обжорство и пьянство при каждом удобном случае, где женщины не уступали мужчи-

нам было содержанием жизни. Активистки основали здесь дамский клуб по борьбе с пьянством, который «процвел много лет, затем распался, а пьянство осталось»¹²⁴.

С другой стороны, города Байкальской Сибири испытывали сильное влияние восточной культуры, прежде всего китайской. Несмотря на то, что горожан имели довольно смутное представление о многообразии духовно-нравственных представлений и образов китайской культуры, на бытовом уровне они в той или иной степени проникали в их образ жизни. Так, еще в начале XVIII в. И. Георги отмечал в иркутских домах «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз и посуды, статуэток, картин и других бытовых вещей. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы и овощи. Китайская материя разных сортов и изделия из нее, чай, сахар имели повсеместное употребление. В Иркутске и городах Забайкалья из китайских товаров легко можно было найти бархат, шелк-сырец, китайку (хлопчатобумажная ткань), сученный шелк, чай байховый и кирпичный, бадьян, румяна, белила, фарфоровую и глиняную посуду, сахар-леденец и песочный, разные сорта фруктов, орехи, конфеты, табак «шар», тушь и некоторую мелочь. Сибирский историк П. А. Словцов отмечал, что здесь «семьи городские и деревенские носили рубашки из фанзы и дабы». У многих купцов и мещан мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими.

Интересно, что даже некоторые обычаи купцы заимствовали у китайцев. И. Георги рассказывает, что ему приходилось наблюдать в отдельных купеческих семьях Иркутска один из моментов застольного этикета, перенятого у китайцев, когда не только пили чай, но подавали десерт на множестве китайских тарелок из китайских фруктов и конфет. До 1777 г. иркутяне не употребляли чернил, а писали тушью, привозимой из Китая. В Иркутске звучала речь на китайском, монгольском, японском языках, а среди горожан было немало людей побывавших в Китае или связанных с русско-китайской торговлей.

В еще большем масштабе влияние Китая ощущалось в городском быту Забайкалья, особенно в Кяхте и Троицкосавске. Так, в кяхтинской торговой слободе составной частью домашнего обихода были частые встречи с китайскими торговцами, совместные обеды и переговоры, постоянно звучал китайский язык. Жизнь кяхтинцев была неразрывно связана с китайским

торговым поселением Маймачен, расположенным с другой стороны государственной границы. Постоянные и взаимные общения приводили к тому, что китайская бытовая культура и традиции постепенно проникали в повседневную жизнь купцов и мещан Троицкосавска. Как, правило, все договора заканчивались китайскими обедами, представлявшими собой целую церемонию. А. Х. Бенкендорф, присутствующий на одном из таких обедов в Маймачене, вспоминал: «Нас угостили бесконечным множеством блюд в миниатюрных фарфоровых чашечках и в столь маленьких порциях, что их еле удавалось распробовать. Основу всех блюд, приправленных китайским уксусом, совсем без соли, составляли баранина, различные сладости и мучные изделия. Десерт состоял из довольно большого числа различных конфитюров, сухих и засахаренных фруктов». На обед подавалось до 40–75, а иногда и 120 блюд. Это зависело от целого ряда обстоятельств и прежде всего от взаимовыгодности торговых контактов. С. Максимов вспоминал, что на самом плохом обеде подавалось 42 блюда, а маймачинский дзаргучай на официальном празднике «Белого месяца», начиная обед «вверх ногами» (со сладкого), кормил троицкосавских чиновников 4 часа¹²⁵. Со временем и кяхтинские купцы старались удивить своих гостей китайскими обедами и чайной церемонией. Так, китайский обед из 40 блюд, которым угощал Дж. Кеннана и его спутников кяхтинский купец А. М. Лушников, явился для них «неизвестным прежде и любопытным событием»¹²⁶.

Даже в деревянном декоре городов Байкальской Сибири явно проступает причудливый восточный колорит, привнесённый близостью Китая и монгольских степей. В растительном и геометрическом орнаменте отчетливо просматриваются стреловидные узоры, остrokонечные звезды и завитки, похожие на бараньи рога. На некоторых деталях деревянных украшений домов можно разглядеть фигурки львов, стоящих на задних лапах. Образы Востока, сошедшие с китайских рисунков и миниатюр, нередко входили в повседневную жизнь, создавая причудливый сплав стилей и архитектурных элементов. Так, иркутский краевед начала XIX в. А. И. Лосев отмечал, что в городе «в садах искусством устроенных амфитеатров и бельведеров не имеется, а беседки в употреблении более китайского вкуса (какие в городе Кантоне) с чертежей и китайских картин»¹²⁷.

Кстати, Иркутск с конца XVIII в. отличал не только китайский, но и американский вкус. Участники промыслов привозили домой различные экзотические вещи, предметы быта и культуры коренного населения, массу информации о новых островах и народах, их населяющих. Вывозили и самих индейцев для обучения, в качестве жен и т. п. Известно, что Г. Шелиховым было вывезено в Иркутск 12 алеутских мальчиков для «обучения их российской словесности и наукам». Они жили в доме Шелихова и даже приглашались на различные праздничные мероприятия в городе. Так, их приглашал иркутский губернатор М. М. Арсеньев на бал, «и оне делали собранию удовольствие по своим обычаям производить при вокальной музыке свой танец»¹²⁸.

В целом надо признать, что уровень и глубина восприятия азиатской культуры была невелика. Главным образом, как отмечено выше, взаимопроникновение осуществлялось на самом простом бытовом уровне. Впрочем, иногда степень воздействия восточной цивилизации на конкретного человека была более существенной. Среди сибиряков порой появлялись подлинно знающие китайского и монгольского языка, истории и культуры сопредельных территорий. Такие люди становились настоящими специалистами и исследователями Востока, а иногда и ревнителями азиатской культуры и менталитета. Уже упоминавшийся выше иркутский историк, географ, статистик А. И. Лосев проявлял серьезный интерес к народам региона, причем не только к их хозяйству и быту, но и к духовным представлениям. Он одним из первых обратил внимание на основы буддистского учения в его ламаистской интерпретации, дав развернутый очерк религиозных воззрений монголов и восточных бурят. Иркутский купец Ф. И. Щегорин, длительное время находившийся в Китае, стал одним из признанных знатоков экономики и политики этого государства, одним из первых ревнителей конфуцианской политической модели в России. Записки и проекты иркутянина, во многом противоречивые и спорные, являются все же определенным показателем возросшего политического сознания формирующейся российской буржуазии, стремившейся к расширению внешнеторговых связей, к более устойчивой и сбалансированной экономике¹²⁹. Интересны они и с точки зрения характеристики культурного уровня купеческой среды, лучших представителей которой с полным правом можно отнести к демократической интеллигенции.

Таким образом, к концу XVIII в. школьное образование, библиотеки, коллекции музейных редкостей, частные книжные собрания становятся необходимым элементом повседневной жизни иркутян. В других городах Байкальской Сибири подобной насыщенности культурной среды еще не было.

Особенностью формирования культурной среды сибирского города было то, что инновационные процессы не замыкались только в каком-то одном слое населения, а постепенно захватывали значительную часть чиновничества, купечества и мещанства. Как подмечали современники, между чиновниками и купцами «есть частое общение» и этой атмосферой сибирские города выгодно отличались от большинства российских. Более того, купеческие круги не только активно спонсировали общественно-культурную среду города, но и сами принимали заметное участие в развитии культурного процесса. Такой сплав разных культур не мог не привести к формированию самобытного и разнообразного городского быта, к развитию гражданского и культурного кругозора иркутских жителей.

3.2. Формирование городского социума и проявление общественных инициатив

Города, в отличие от сельских поселений имели значительно больше предпосылок для появления в них элементов, характерных для гражданского общества. В силу неоднородности социального состава горожан, обширности городского хозяйства, необходимости создания комфортных условий для проживания, в городах создавались предпосылки и потребности в коллегиальных внесловных общественных органах. В течение XVIII в. в городах формировались структуры сословного и общественно-управления. Уже в XVIII в. российский город перестал быть замкнутым пространством. Он становился открытым внешним влияниям и одновременно получал возможность воздействовать на многие стороны жизни окружавшей его местности. По мере становления и развития городского сообщества города становились центрами социально-культурной жизни регионов, отражая и защищая интересы горожан. «Город в России XIX в., – отмечает Л. В. Кошман, – как определенный социальный срез общества соединял и развивал те сферы его жизнедеятельности, которые были необходимы для общественного прогресса»¹.

В повседневной жизни региональная власть постоянно взаимодействовала с общественным самоуправлением различных сословных групп населения. Традиции мирской жизни и общинного самоуправления были перенесены в Сибирь из северных уездов России. Именно земское самоуправление и было наиболее действенной мерой ограничения всевластия местной администрации, разгула их произвола и корыстолюбия. Еще Соборное уложение 1649 г. подтвердило право мирского челобития на «плохих» воевод. Но в Сибири конфликт между административной властью и населением зачастую принимал более радикальные меры. Сплоченность мирских организаций служилого, посадского и крестьянского населения объяснялась отсутствием в Сибири крепостничества, слабостью центральной власти, широкими возможностями для ухода на новые земли, ведущей ролью служилого населения. Традиции казачьего войскового круга, решительность и социальная активность служилого населения, являвшего основной опорой воеводской власти, – все это не могло не проявиться в ходе открытых столкновений. Зачастую именно служилое население выступало инициатором смены воеводской власти, добиваясь не только наказания «лихих» воевод, но и реального участия в управлении краем. В этой борьбе их ближайшим союзником выступало посадское население городов и острогов. Усугубляло ситуацию неуклонное сужение прав служилого элемента, войска. Они все более сближались с посадским населением, теряли льготы и пожалования. Ответом было обострение социальных конфликтов, стремление отстаивать свои свободы и права самым радикальным образом – вооруженными выступлениями. В ходе столкновений городского сообщества с воеводской властью происходил процесс сближения позиций различных слоев городского общества, выработки общих требований, выдвижения общественных лидеров.

Наиболее масштабное и длительное народное движение, охватившее практически всю Байкальскую Сибирь, развернулось в середине 1690-х гг. Крупные волнения происходили в Красноярске, Илимске, Братском остроге, Нерчинске, забайкальских городах и острогах. Иркутские и забайкальские служилые люди были недовольны действиями иркутского воеводы А. Савелова. По характеристике городской летописи новый воевода «был весьма корыстолюбив, с подчиненными обращался дерзко, жителям делал разные притеснения и обиды, казакам не

выдавал хлебного жалования»². За довольно короткий срок воевода настроил против себя служилое и посадское население не только в Иркутске, но и других уголках уезда. Особое негодование у иркутян и забайкальцев вызывали незаконные торговые операции воеводы с монголами и китайцами. В китайском торге он участвовал в компании со своим братом – нерчинским воеводой. Причем, по данным забайкальских казаков среди товаров, отправленных в Китай, были ружья и порох, что уже пахло изменой. Летом 1696 г. забайкальские казаки осадили Иркутск, требуя смены воеводы. В восстании забайкальских острогов только служилых участвовало более 500 человек. Их посланцы появлялись в верховьях Лены, Нерчинске и Читинской слободе. Иркутские служилые люди и посад воспользовались этими событиями для укрепления мирской власти. Используя смерть вновь назначенного воеводы С. Полтева, иркутяне объявили «мирской сход» и утвердили в должности воеводы его малолетнего сына Николая, а «в товарищи» к нему избрали представителя зажиточной части общества сына боярского Ивана Перфильева, который почти два года управлял огромным краем до прибытия нового воеводы И. Николаева.

Учитывая серьезность ситуации на востоке Сибири, правительство было вынуждено признать повсеместность воеводских злоупотреблений и предприняло грандиозное следствие, продолжавшееся до 1702 г. Возглавил его думный дьяк Д. Полянский. Сыск подтвердил большинство обвинений в адрес воевод и правомерность их отрешения от власти. Многие воеводы и приказчики понесли наказания, имущество их было конфисковано. Так с Афанасия Савелова было взыскано более 4 тыс. руб., а его брат – нерчинский воевода Антон Савелов был бит кнутом в Енисейске и отправлен в Якутск в казачью службу³. В то же время, государство стремилось упорядочить правовую базу управления в Сибири. Только за 1696 г. было обнародовано 17 указов, направленных на укрепление и более четкую регламентацию сибирской власти, сбора ясака, таможенных пошлин и усиления контроля за населением.

На фоне бурного и богатого на политические события XVII в. общественные отношения в Сибири последующего периода кажутся более мирными, не сопровождающимися массовыми выплесками социальной активности. В целом для Сибири в XVIII – первой половине XIX в. были характерны не актив-

ные, а пассивные формы борьбы, проявлявшиеся в подаче жалоб и челобитных, в отказе от выполнения обременительных повинностей и работ, в бегстве с обжитых мест. В Сибири не было крепостного права и главным притеснителем народных масс выступали не помещики, а местная администрация, постоянно увеличивающая бремя налогов и повинностей. Наиболее активная сила прошлых бунтов и восстаний – казаки и служилые люди с созданием регулярных военных сил сошли со сцены, а движущей силой городского сообщества становятся представители торгового и промыслового капитала.

Становление городского самоуправления в России содействовало общественному развитию и выработке общесословных ценностей и интересов. Наиболее активной и общественно зрелой силой городского общества выступало купечество. Свое экономическое положение оно подкрепляло ведущей ролью в городском управлении. Выступая, прежде всего, за свои интересы, купечество, тем не менее, являлось единственной оппозиционной силой, с которой не могла не считаться местная администрация. В отстаивании общесословных и городских прав наиболее деятельные, волевые представители купеческой элиты приобретали общественный вес и авторитет. Современники отмечали, что уже в конце XVIII в. в Иркутске сложилась сплоченная купеческая группировка, претендующая на монопольные права в предпринимательской деятельности и сфере городского управления и хозяйства. «В городе, – замечал один из мемуаристов, – где не было дворянства, кроме бедных и безгласных чиновников, купеческое общество одно составляло некоторый оплот самоуправству и беззаконию, столь обыкновенному в прежнее время в отдаленных провинциях»⁴. Справедливости ради следует сказать, что занятие купцами высших должностей нередко содействовало их предпринимательской деятельности. Они получали возможность получить выгодные казенные контракты, подряды и откупа. Купец, успешно исполняющий свою службу, получал признание общества и правительства.

Проблема взаимоотношения государства и купечества, купечества и городского общества сложна и почти не изучена. В Сибири она к тому же имела свою специфику. В силу отсутствия здесь дворянства, малочисленности и слабости административного аппарата, на плечи «лучшей» части горожан ложились самые различные казенные и общественные службы. Социаль-

ному и личностному становлению сибирского купечества во многом способствовало то, что его представители были заняты на таких службах, которые требовали образования и смекалки, предприимчивости и имущественной ответственности.

Формирование общественного сознания, понимание своей роли в обществе и государстве, осознание того, что «среди всех сословий – звание купца, гражданина, столь же почетно, благородно и необходимо, как и другие звания», далось сибирскому купечеству не просто и растянулось на все XVIII столетие. Городское население Байкальской Сибири на себе испытали все прелести чиновничьего произвола и беззакония. Среди иркутских воевод и губернаторов редко можно было найти человека честного, радеющего о процветании общества и края. Чаше встречались такие, как Л. Ракитин или А. Жолобов. Оба закончили свою жизнь на плахе, настолько вопиющими были их преступления. Воевода Лаврентий Ракитин, по словам летописца, с самого начала правления проявлял чрезмерную жесткость, наказывая кнутом за самые малые преступления. В 1717 г. он встретил за Байкалом идущий из Китая караван купца Гусятникова и отобрал у него золото, серебро и различные китайские товары. В Иркутске говорили, что сделано это беззаконие было по прямому распоряжению сибирского губернатора М. П. Гагарина.

Не менее колоритной фигурой был статский советник Алексей Жолобов. За свое трехлетнее пребывание в должности вице-губернатора Иркутской провинции (1731–1733) он смог правдами и неправдами нажить почти 35 тыс. руб. Своих противников, а среди них были чиновники и торговые люди, он «пытал безвинно и при пытках жег огнем». В 1736 г. после продолжительного следствия он был казнен в Петербурге⁵. Сменивший его полковник Андрей Плещеев также оставил в Иркутске недобрую о себе память: был «вспыльчив и корыстолюбив, промышленных и торговых людей за недачу подарков драл плетью и кнутом и притеснял приказных служителей; приверженцев же своих любил постоянно угощать и поить разными винами допьяна»⁶. Плещеев не ужился с местным епископом Иннокентием (Неруновичем), который также отличался вспыльчивостью и тяжелым нравом. Однажды они схватились на обеде у президента магистрата купца Глазунова, да так, что епископ вынужден был спастись бегством. Среди иркутян долго жило предание об артиллерийской дуэли, устроенной ими⁷. Непомер-

ным корыстолюбием и взяточничеством отличался иркутский губернатор бригадир Ф. Г. Немцов, возглавлявший Иркутскую губернию в 1776–1778 гг. Сохранилось предание, что он покровительствовал разбойникам, которые делились с ним частью награбленного. При губернаторе состояла так называемая «глухая команда», которая терроризировала город и его окрестности. Сменивший его Ф. Н. Кличка назвал Немцова «гонителем и разорителем» жителей губернии. «Он чрез свои выдумки, – отмечал он, – какие только к ненавистному его корыстолюбию приобрести мог, то не пропустил ни одного случая к поглощению у всех того, что на вкус жадным казалось его глазам, буде же сам не мог до чего достигать, тогда на оное злоупотребление имел пособствовавших ему привезенных с собой офицеров, подьячих, купцов и собственных людей»⁸.

Среди иркутских воевод и губернаторов XVIII в. редким исключением из правил были Л. Ланг, К. Л. Фрауендарф, Ф. Н. Кличка. Так, Ф. Н. Кличка за свое короткое губернаторство (1779–1783) оставил в Иркутске «славу доброго и справедливого начальника» и своим «благоразумием, добротою и благонамеренностью напечатлел в сердцах иркутских жителей надолго о себе славное воспоминание». Особенно велик его вклад в социально-культурное развитие города. При нем были впервые открыты в Иркутске городская школа, преобразованная затем в училище для детей всех сословий, публичная библиотека и музейный кабинет при ней. Губернатор смог объединить городское общество, направить его на решение задач развития просвещения и гражданственности. Заметную роль в консолидации городской элиты сыграл созданный им совет из лучших граждан города, который собирался раз в неделю, а в экстренных случаях и чаще. Среди прочих дел, по словам В. И. Штейнгейля, губернатор «совету поручал ссорившихся граждан примирять, поэтому в городском магистрате не было дел»⁹. Эти начинания Ф. Н. Клички при его приемниках были упразднены, хотя не считаться с возросшей ролью городской элиты власть уже не могла. В начале XIX в. иркутский губернатор А. М. Корнилов предложил для координации действий местных властей создать «комитет из чиновников каждого звания, опытных и при том общем благе мыслящих». Кроме начальников гражданских и военных учреждений членом комитета он предложил сделать авторитетного иркутского купца Н. П. Мыльникова. Планировалось,

что комитет будет регулярно собираться (один или два раза в неделю) по вечерам в доме губернатора и обсуждать вопросы о распределении ссыльных, заготовке хлеба, земледелии, торговле, об устройстве дорог, о судебных делах. Исполняя совещательные функции при генерал-губернаторе, полагал А. М. Корнилов, комитет поможет привести управление в должный порядок. Однако сибирский генерал-губернатор И. О. Селифонтов не поддержал эту идею, сославшись на то, что без разрешения верховной власти образовать такой комитет нельзя.

Не только воеводы и губернаторы, но и заезжие чиновники из столицы порой терроризировали все население города, творя произвол и беззакония. Чего стоит один «крыловский погром», который со страхом вспоминало не одно поколение иркутян. Герой его коллежский асессор П. Н. Крылов был направлен в Иркутск для следствия по делам винных откупов, находящихся в руках иркутского купечества. Настоящая причина была в стремлении генерал-прокурора Сената А. И. Глебова захватить в свои руки столь доходное дело. Упорство иркутян, которых поддержал и вице-губернатор И. Вульф, лишь разожгло аппетиты. П. Н. Крылову было поручено любыми средствами доказать виновность иркутских купцов и сломить их сопротивление. Облеченный чрезвычайными полномочиями и высоким покровительством следователь с усердием принялся за дело. Окружив себя охраной из 77 казаков, он фактически отстранил от власти местную администрацию. В течение двух лет (1758–1760) он творил в городе все, что хотел. Десятки иркутских купцов были арестованы и под пыткой были вынуждены оговаривать себя. П. Крылов со своими подручными захватывал их дома, расхищал имущество, насиловал жен и дочерей. Богатейший иркутский предприниматель И. С. Бечевин пытками и издевательствами был доведен до смерти, а почти весь его капитал присвоил себе следователь. Всего же с иркутских купцов была выбита огромная сумма – более 155 тыс. руб. Но это только официальные сборы. А. М. Сибиряков, рассказывая о преступлениях Крылова в Уложенной комиссии, отметил, что Иркутску был нанесен ущерб на 300 тыс. руб.¹⁰ Ни одно стихийное бедствие не принесло бы столь ощутимых последствий.

Зарвавшийся следователь, ни в грош не ставивший местную администрацию и церковную власть, почувствовал себя настоящим властителем края. Его самодурству не было предела.

Чтобы увековечить свое имя в Иркутске, он распорядился укрепить на груди орла, венчавшего Сергеевскую башню острога, вместо Георгия Победоносца жестяную доску с надписью: «Году 1760 месяца сентября бытности в Иркутску начальника коллежского асессора Крылова»¹¹. Предел бесчинствам П. Крылова положил сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, распорядившийся арестовать следователя. Почти год он просидел под арестом в Иркутске и только в ноябре 1761 г. был отправлен в Петербург. Конечно, «следствие» П. Н. Крылова – явление вопиющее даже на фоне обычной для того времени системы вымогательства и злоупотреблений. Отсутствие гражданских прав и гарантий приводило к тому, что ни капитал, ни положение в обществе не служили надежной защитой от произвола и самодурства. Вот почему иркутские купцы несколько лет упорно добивались осуждения Крылова – для них это была борьба за свою честь и достоинство, определенный этап в консолидации городского общества. В 1761 г. в столицу с челобитной на «крыловский погром» были отправлены выборные от купеческого общества Петр Мальцев и Иван Верховцев. Поднимался вопрос о Крылове и в начале царствования Екатерины II. В итоге иркутянам удалось добиться осуждения своего мучителя на пожизненную каторгу.

Значительным этапом в становлении гражданского общества было участие горожан в выработке наказов в Уложенную комиссию. Время правления Екатерины II вообще отличалось большим вниманием к потребностям развития российского города и нарождающейся буржуазии. Самой императрице принадлежит удивительно точная формулировка рыночного процесса: «Никаких дел, касающихся до торговли и фабрики, не можно завести принуждением, а дешевизна родится только от великого числа продавцов и от вольного умножения товаров»¹². Немаловажным дополнением к этому было становление правового и общественного сознания в купеческом обществе. Еще в 1766 г. два представителя от Иркутска были приглашены в столицу для слушания Манифеста о создании нового Уложения. Затем наступила очередь составления наказа от жителей г. Иркутска. Утвержден он был на городском сходе 23 июня 1767 г. Сочинителями его были сын боярский В. Лапин и купцы А. Шалин и Ф. Власов, а общее руководство осуществлял городской голова М. А. Сибиряков. Наказ представлял интересы купечества и це-

ховых, разночинцев, сибирских дворян и детей боярских. Наиболее обширным и детально прописанным был раздел наказа, включивший пожелания и чаяния купечества и цеховых. Кроме чисто сословных требований в нем много места уделялось ограждению чести и достоинства купцов и содержалось требование «положить за бесчестие денежное взыскание». Среди других сибирских городов подобные требования содержались только в купеческих наказах Тобольска и Селенгинска. Особо стоит отметить стремление регионального купечества взять в свои руки всю кяхтинскую торговлю. Они просили предоставить право торгова в Кяхте для сибирских купцов, а российским производить обмен товаров только через их посредничество¹³.

Представлять интересы иркутян в Комиссии об Уложении было доверено купцу А. А. Сибирякову Меньшому. Среди купечества он выделялся общественной активностью, был начитан, особенно интересовался правом. В его библиотеке были копии всех указов и постановлений со времени Петра I. Избранный в 1767 г. депутатом в Комиссию, он более двух лет находился в столице, участвуя в работе подкомиссии «О почтах и гостиницах». Следует отметить, что дворянское большинство боялось бойкого и начитанного иркутянина, и не пропустило его в более важные комиссии «О порядке государства» и «О размножении народа», в которые он первоначально пытался баллотироваться¹⁴.

Помимо Иркутска свои наказы в Комиссию направили городские общества Нерчинска, Якутска, Кяхты и Селенгинска. В подготовке наказа от Нерчинска активное участие приняли купец И. Бусыгин и посадские С. Попов, И. Фадеев, Ф. Черепанов, И. Волков¹⁵. Как правило депутатами от сибирских городов выбирались представители местных купеческих элит. Правда были и исключения. В отдаленных и северных городах, где были традиционно сильны позиции служилых людей и казачества, в депутаты могли выбирать людей из управленческого звена. Так, в Нерчинске выбрали дворянина князя П. Гантимурова, в Якутске – сибирского дворянина А. Данилова. Выборные депутаты заметно выделялись даже на фоне городских верхов своим положением и заслугами. Им были пожалованы неслыханные дотоле в России привилегии – неприкосновенность личности и имущества с освобождением от телесного наказания, пыток и смертной казни. Депутатское звание должно было получить притягательную силу и благодаря довольно значительному для того времени жало-

ванью, совмещавшемуся со следовавшим депутату содержанием по государственной Наконце, все депутаты награждались почетной золотой медалью на память и назидание потомкам¹⁶.

Следует иметь в виду, что «обряд выборов» совершенно игнорировал различие сословных и социальных интересов слоев городского общества. Допуская в городах всесословные выборы, притом одного лишь депутата от всех групп населения, правительство не принимало в расчет того, что во многих городах страны, особенно на окраинах, городское сообщество было неоднородно и не имело сколько-нибудь общих интересов. Некоторые города Байкальской Сибири, где кроме податных слоев сильные позиции имели представители старой служилой элиты (сибирские дворяне, казаки, разночинцы), чтоб выйти из затруднительного положения, выбирали одного депутата, но вручали ему несколько наказов. Так, Иркутск был представлен тремя наказами (от сибирских дворян и детей боярских, купцов и цеховых, разночинцев), Нерчинск двумя (от казаков и служилых людей, от посадских и купцов), а Якутск даже четырьмя (от дворян и детей боярских, казаков, купечества и разночинцев). Таким образом, представители этих городов получили поручения отстаивать в Комиссии различные, подчас противоречивые ходатайства своих доверителей.

С самого начала городское общественное управление заняло твердую позицию по отношению к разветвленной и изощренной системе злоупотреблений со стороны чиновников. Эта борьба способствовала сплочению купечества, придавала динамизм общественной жизни, выдвигала лидеров. Доверие сограждан обязывало ко многому, и даже первостатейные купцы почитали службу обществу за великую честь. В этой связи вполне оправдан пафос и искренность Н. П. Мыльников, который по поводу своего избрания городским головой писал: «...Не без удовольствия я оное принял и при первоначальном бытии сие звание отменным счастием то поставил в честь себе и своему роду в потомственную память! И положил, чтоб посвятить все мое усердие на исправление сей должности, не жалея истощивать силы»¹⁷. В 1790-х гг. его дом стал своеобразным центром притяжения для иркутского купечества, недовольного злоупотреблениями местного чиновничества. К тому же, дом Мыльниковых считался неофициальным центром американской промышленной деятельности купцов, здесь обсуждались проекты созда-

ние единой торгово-промышленной компании для морской торговли на Южных Курилах и Японии, так как «разные компании, торгуя одинаковыми товарами, делают одна другой подрыв». Эти планы так и остались на бумаге, но в итоге их обсуждения появилась возможность создания объединенной компании иркутских купцов-промышленников, во главе которой встал Н. П. Мыльников с сыновьями. Так в начале 1796 г. возникла Иркутская коммерческая компания, ставшая предтечей будущей Российско-Американской компании.

Не менее колоритной фигурой в иркутском обществе был М. В. Сибиряков. Богатейший купец, самодур, человек волевой и решительный, он был типичным представителем авторитарного стиля управления. Характерно замечание о нем одного из современников: «Тоже дикий был человек; как начнет чубуком махать – беда. А все-таки голова, защитник»¹⁸. Вот это последнее и привлекало к нему горожан. Несмотря на его необузданность и жесткость, противодействие администрации, формальные основания – неоднократно состоял под судом, иркутяне четырежды выбирали его городским головой. Это был человек, который последовательно отстаивал права и свободы общества, вступая при необходимости в конфликт с городской и губернской администрацией. Кстати, к судебной ответственности Сибиряков привлекался именно за «дерзости» и «неисполнения» предписаний правительственных органов. «Купец Сибиряков, – указывал один из его оппонентов иркутский военный губернатор Б. Б. Леццано, – есть человек беспокойный и дерзкий, сужденный за многие противузаконные и лживые поступки, заводил со всеми почти бывшими здесь начальниками от лица городской думы и собственно от себя несогласия и укорительные переписки, оказывая уже против предписаний правительствующего Сената неповиновение»¹⁹. Такими же были Н. Мыльников, С. Дудоровский и другие столпы иркутского общества – «суть люди первые Сибирякова единомышленники, расстраивающие целое общество и поощряющие к неповиновению».

Конечно, Сибиряков и его окружение действовали, прежде всего, в своих интересах, стремясь монополизировать основные сферы торговой и промысловой деятельности. Но их противодействие произволу и вымогательству неразборчивой в средствах чиновной коррупции создавало иллюзию социального партнерства, придавало их деятельности общественную значимость.

Борьба иркутского купечества с губернской администрацией в конце XVIII–начале XIX в. объективно содействовала активизации общественной жизни в Иркутске и других городах Байкальской Сибири, формированию идеалов и мнения городского общества. Это было уже не «темное царство», где «нет ни света, ни тепла, ни простора», а вполне сложившаяся купеческая олигархия, сознающая и отстаивающая свои корпоративные интересы. Следует особенно подчеркнуть, что эти изменения в общественной жизни и быте сибирских купцов происходили почти на полвека раньше, чем в России. Еще в середине XIX в., по свидетельству купца Н. П. Вишнякова, значительная часть московского купечества жила семейной, патриархальной жизнью. «В нашей среде, – писал он, – интересы общественные были слабо развиты, а политических и вовсе не существовало... Все это нас трогало мало. О правительстве, всем том, что могло иметь к нему отношение, старшие говорили с оглядкой, шепотом»²⁰.

Показателем изменений, произошедших в правосознании иркутян к началу XIX в., стала их известная борьба с сибирским губернатором И. Б. Пестелем и его ставленником в Иркутске Н. И. Трескиным. Стержнем ее было осознание необходимости равенства всех граждан перед законом, создающим равновесие между правами гражданина и государства. Трескин был весьма деятельным и умелым администратором. Ему удалось навести порядок во всех сферах управления, привести Иркутск в лучшее состояние, но методы, которыми достигались перемены, были чисто полицейские, полностью исключаящие заботу о гражданах города. Губернатор вникал во все мелочи, жестко регламентировал все и вся. За каждым самым незначительным нарушением следовало наказание. По словам С. С. Шашкова, «Иркутск при нем превратился во что-то вроде военного поселения». Н. И. Трескину удалось довольно быстро разгромить купеческую оппозицию в лице все тех же М. В. Сибирякова и Н. П. Мыльникова. Они были высланы в отдаленнейшие города губернии. Сибирякова отправили в Нерчинск, а Мыльникова в Баргузин, где они и закончили свои дни. Губернатор окружил себя доверенными лицами из числа чиновников и купцов, установив своеобразную чиновничью монополию. Все жалобы и прошения в корне пресекались, дошедшие до Петербурга попадали в руки сибирского губернатора и возвращались обратно к Трескину. Поборы деньгами и натурой, как с отдельных лиц, так

и с целых обществ, стали обыденным явлением. Все стороны жизни были пронизаны коррупцией. Как отмечал впоследствии М. М. Сперанский, «чем далее спускаюсь я на дно Сибири, тем более нахожу зла, и зла почти нестерпимого: слухи ничего не увеличивали и дела хуже еще слухов».

Несмотря на репрессии, полицейский режим, отсутствие гласности, в иркутском обществе росло негодование против многочисленных злоупотреблений чиновников. Самые разные социальные силы объединялись против деспотизма Трескина. С гневными обличительными речами выступал приказчик И. Рогачев, по рукам ходили обличительные письма, составленные чиновником С. Горновским, вокруг монголиста и китаевода А. В. Игумнова группировалась местная интеллигенция. Активными участниками этой оппозиции были иркутские купцы и мещане. Во главе противников «трескинской партии» стояли иркутские купцы Константин Трапезников и Петр Баснин. Главным их орудием стали всевозможные жалобы, челобитные и прошения, которые направлялись в Петербург²¹. Одну из таких жалоб тайно доставил в столицу мещанин Саламатов, человек решительный и находчивый. Он сумел лично передать донос иркутян Александру I. В марте 1819 г. последовал указ о назначении генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанского с широкими полномочиями по ревизии действий местной администрации.

В течение всего XVIII в. происходила консолидация податной части городского общества в рамках сословных организаций и городского общественного самоуправления. Гильдейское, мещанское и цеховое общества выполняли не только задачи контроля за раскладкой и сбором податей, но и играли реальную роль в сближении этих групп городского населения. Они организовывали корпоративную и досуговую жизнь трудового населения, представляя его интересы перед государственной и муниципальной властью. Еще большее значение в общественном быту горожан занимала церковь. Посещение ее в будни и праздничные дни воспринималось не только как акт религиозный, храм был местом общения, встреч, знакомств. Приходские храмы объединяли вокруг себя людей различных социальных и имущественных групп, проживающих на их территории. Как правило, церковными старостами становились зажиточные прихожане, которые своими вкладами и примером содействовали инициативам по строительству, ремонту и укра-

шению церковей. Церковная благотворительность была одной из наиболее ранних форм филантропической деятельности. Следует отметить, что приходская сфера жизни сибирского горожанина является самостоятельным предметом изучения и имеет собственную историографию²².

Не только борьба с произволом администрации сближала разные городские сословия. Жители городов часто оказывали материальную поддержку как попавшим в беду своим землякам, так и населению других городов при пожарах, наводнениях и других стихийных бедствиях. Но наиболее ярко проявлялось общественное единение во время серьезных социальных потрясений и войн.

Война 1812 г. вызвала небывалый патриотический подъем в стране. Одним из проявлений его стали добровольные пожертвования на нужды армии и ополчения, поддержку пострадавших от войны городов и сельских жителей. Манифесты Александра II и обер-прокурора Синода А. Н. Голицина ориентировали власти и церковь на расширения патриотического движения населения страны, зывали к опыту и героям российского сопротивления польско-шведским интервентам в начале XVII в. О нападении Наполеона в Сибири, тем более в Иркутске узнали с опозданием. В столице Восточной Сибири манифесты Александра I получили только 6 августа – в день оставления русскими войсками Смоленска; жителей города известили о войне немедленно, а остальное население губернии узнало о ней в середине или даже в конце месяца.

О формировании ополчения и сборе пожертвований Иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин выпустил указ для «повседневного обещения всех состояний и всякого звания людей, находящихся в городах и уездах: Иркутском, Нижнеудинском, Киренском, Нерчинском, Верхнеудинском и Якутской области». Значительную активность проявляли церковные власти. Епископ Иркутский и Нерчинский Вениамин обратился с просьбой к иркутскому городскому голове М. И. Саватееву, предлагая ему обратиться к городскому обществу с призывом оказать содействие в борьбе с врагом: «изъяснив им волю высочайшую, по предлагаемому святому и прямо христианскому преднамерению, убедить их к оному усерднее и добродетельнее исполнить»²³. На призыв руководителя города откликнулись как иркутские купцы, так и иногородние, находящиеся в то время в городе. Всего было собрано ок. 4 тыс. руб.²⁴. Следует отметить,

что столь небольшие сборы с иркутского купечества объяснялись тем, что большинство из них в летнее время обычно находилось в отлучке по торговым делам. Но даже будучи в других городах, иркутяне живо реагировали на патриотический порыв страны. Так, иркутский купец 1 гильдии П. Т. Баснин узнал о войне 1812 г. на Макарьевской ярмарке. Участвуя в собрании местного купечества, он выступил с инициативой о сборе пожертвований на снаряжение ополчения и первым выделил сумму в 1 тыс. руб., а сверх того вызвался склонить других купцов и собрал еще 3,5 тыс. руб.²⁵

Для приема ополченцев, «вещественных пожертвований» и денег были учреждены особые присутствия в Иркутске, Якутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Киренске. В указе отмечалось, что в эти присутствия «могут представляться как люди от обществ и частные свободно пожелавшие в натуре, так и все прочие вещественные и денежные пожертвования, какие только могут по мере усердия и возможности каждого быть посильны». Так как Сибирь не была включена в число губерний, где формировались ополчения, местные присутствия ведали сбором денежных и «вещественных пожертвований». Пожертвования принимали различную форму. Так, крестьяне Минусинской округи «для военной, надобности... по собственной своей воле и с общего согласия на побеждение врага, стремящегося к разорению нашего отечества», пожертвовали по 25 копеек с каждой ревизской души.

О подъёме патриотических чувств населения говорил и тот факт, что пожертвования вносились не только состоятельными торговцами, но и «не торгующими» купеческими вдовами и даже разорившимися купцами. В Байкальской Сибири больше всего пожертвований «на отражение врагов отечества» поступило от русских сельских обществ, бурятских ведомств, рабочих и служащих Тельминской казенной суконной фабрики. Живо откликалось на пожертвования бурятское население: буряты, кроме денег, доставили большое количество мяса, кожи, рогатого скота и лошадей. Хоринские буряты передали 1000 лошадей для русской армии. Значительные пожертвования внесли также верхоленские и кудинские буряты.

В Иркутске при получении известий о сборе пожертвований сразу же стала производиться подписка среди мещан и цеховых. В списке жертвователей значилось 70 человек, собравших 782 рубля. Каждый жертвовал от 5 до 60 руб. 560 руб. по-

жертвовали гласные Иркутской градской думы от купцов, мещан и цеховых. Только за август и сентябрь 1812 г. жители края внесли более 50 тыс. руб.

Всего в 1812 г. в Иркутской губернии было собрано – 186 тыс. руб., в Тобольской – 162 тыс., в Томской – 158 тыс. руб. Всего же сибиряки собрали в 1812–1813 гг. на военные нужды почти 400 тыс. руб. золотом, серебром и пушшиной. По сумме взноса Иркутская губерния была первой в Сибири и девятнадцатой в России. На следующий год по Иркутской губернии было собрано 101,9 тыс. руб. пожертвований, в том числе 45,9 тыс. на ополчение и 39,2 тыс. руб. «для потерпевших по случаю настоящей войны от свирепости неприятеля»²⁶.

В годы войны ярко проявилось единение сибирского общества, всеобщий патриотический настрой всех социальных групп горожан. И. Т. Калашников приводит трогательную картину прощания горожан с уходящим в действующую армию иркутским батальоном: «Слезы благословения и молитвы сопровождали защитников отечества. Весь город сошелся на берег Ангары, чрез которую переправлялись воины»²⁷. Колокольным звоном и пушечной стрельбой приветствовал Иркутск известие об освобождении Москвы, а затем и России от французов. В небывалый народный праздник вылилось получение манифеста о взятии Парижа в июне 1814 г. «Несмотря на отдаленность, – вспоминал И. Т. Калашников, – сердца иркутские не менее забились от радости, как и в центре России. Сибирь смотрит на Россию, как на мать свою, и сибиряк никогда не отделял, не отделяет и не отделит себя от общей судьбы Отечества»²⁸. Праздник начался общим молебном и колокольным звоном. Затем состоялся военный парад, завершившийся стрельбой из ружей и пушек. После парада высшее общество города было приглашено на обед и бал в загородный губернаторский дом. В саду резиденции было организовано гуляние для народа²⁹.

В деле облагораживания, «окультуривания» нравов сибирского городского общества большую роль сыграло влияние дворянства и чиновничества, а позднее и политической ссылки. В истории Байкальской Сибири были не только губернаторы-самодуры, но и настоящие государственные деятели, много сделавшие для развития края. Имена Ф. Н. Клички, М. М. Сперанского, Н. Н. Муравьева говорят сами за себя. Благодаря таким представителям власти, Иркутск заслуженно приобрел статус сто-

личного центра Сибири и его справедливо называли «сибирскими Афинами». По словам Г. Н. Потанина, «нигде местное богатое купечество не подвергалось такому сильному воздействию чиновничьей среды, как в столице Сибири; эти чиновники, иногда с университетским образованием, наезжавшие из Европейской России, поднимали в местном обществе не только запросы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой, и вопросами общественной и государственной жизни»³⁰.

Малочисленное дворянство, в большинстве своем связанное с Сибирью лишь периодом служебной деятельности, не играло заметной роли в сибирском городском обществе. Оно поневоле должно было искать сближения с верхушкой купечества, образуя вместе с ней своеобразный «высший свет». Как отмечал позднее Н. А. Белоголовый: «В сибирских городах общество состояло из чиновников, военных и гражданских, и из купцов, и эти два сословия, в силу численной малочисленности общественных сил, неизбежно перемешивались между собою чаще, сближались теснее, и это вело только к еще большему развитию купцов и их общественной равноправности»³¹. Уже с 1780-х гг. начинается их сближение в сфере досуга и быта, что оказывало значительное влияние на европеизацию городского образа жизни. Совместные приемы, балы и маскарады придавали купечеству столичный лоск. В 1799 г. в Иркутске было открыто благородное собрание, где работал буфет, устраивались вечера и балы, любительские спектакли. Доступ в него был открыт далеко не каждому чиновнику. Годовой билет стоил 20 руб., а чиновник средней руки получал в год не более 300 руб. Н. И. Трескин закрыл это первое своеобразное неформальное объединение. Разгромив купеческую оппозицию, он вообще на время заморозил общественную жизнь. Вот как описывал это время один из чиновников: «В Иркутске не было никаких публичных увеселений, существующих в столицах и лучших губернских городах, не было лиц и мест, которые могли бы служить точкою соединения граждан и чиновников; не было общего мнения. Каждый жил и действовал отдельно и сближался с другими, сколько требовали личные выгоды»³².

При М. М. Сперанском все снова оживилось, было восстановлено и благородное собрание. Короткое пребывание его в Иркутске заметно повлияло на вкусы и манеры горожан. «Его образ жизни, – вспоминала позднее Е. А. Авдеева-Полевая, – его

манера обращаться, его мнение, все было наблюдаемо, пересказываемо и служило образцом для многих»³³.

С именем Н. Н. Муравьева связано дальнейшее развитие общественной жизни в Иркутске, появление первой в Восточной Сибири газеты, но еще большее значение для города, да и для всей Сибири, имело присоединение к России Приамурья и Приморья, установление новой границы с Китаем. В августе 1858 г. специально для торжественной встречи генерал-губернатора после подписания Айгуньского договора с Китаем в Иркутске были возведены городской Думой триумфальные Амурские ворота.

Глубокий след в общественной и культурной жизни Байкальской Сибири оставило пребывание здесь ссыльных декабристов и петрашевцев. Литературно-музыкальные салоны в домах Волконских и Трубецких привлекали не только местное чиновничество, но и многих иркутских купцов. Совместные встречи, деловые отношения и интересы способствовали сближению декабристов с лучшими представителями иркутского купечества – Кузнецовыми, Трапезниковыми, Басниными, Белоголовыми, Медведниковыми, ставшими не только их деловыми партнерами, но и друзьями. Многие сибирские купцы, в том числе и иркутские, оказывали декабристам посильную помощь и старались облегчить их участь. В свою очередь, декабристы, стараясь лучше узнать и понять сибирскую действительность, активно содействовали выработке в местном обществе «сибирских вопросов», подготавливая тем самым почву для зарождения сибирского областничества. Вспоминая обучение у декабристов, Н. А. Белоголовый позднее вспоминал: «Они сделали меня человеком, своим влиянием разбудили во мне живую душу и приобщили ее к тем благам цивилизации, которые скрасили всю мою последующую жизнь»³⁴. Заложенные декабристами традиции активного восприятия социальных проблем и включенности в жизнь местного общества были продолжены последующими поколениями политических ссыльных. Причем в новых исторических условиях это сближение с потребностями и интересами иркутского общества принимает уже не только нравственно-культурный, но в значительной степени политический характер.

Размывание сословных рамок в сибирском обществе, «частое общение» между чиновниками и купцами с одной стороны, и купечеством и мещанскими слоями, с другой, создавали благоприятную атмосферу для развития общественной и культур-

ной жизни Иркутска и творческих импульсов его граждан. Этим он выгодно отличался от других сибирских городов, тем более от российских. В России подобная ситуация была в принципе невозможна. Уже упоминавшийся нами Вишняков писал: «Отношение купечества к дворянству было, естественно, полно недоверия, зависти и недоброжелательства. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такую же редкостью, как купца или купчиху в дворянской»³⁵. В Иркутске же было в порядке вещей, когда генерал-губернатор Восточной Сибири М. М. Сперанский открывал бал в паре с женою городского головы купчихой Саватеевой. Справедливости ради надо сказать, что недостаток воспитания и благородных манер накладывал на иркутское общество налет провинциализма, общество было скованно, отличалось значительной разобщённостью интересов, вкусов, образования. От наблюдательного взгляда не могло укрыться, что балы и собрания выглядели жалкой копией столичных развлечений. Как отмечал умный и язвительный Ю. Джулиани, посвятивший характеристике бытовой культуры иркутян специальную статью, в развлечениях и танцах не было заметно «истинной веселости, непринужденности, говорливости: какая-то холодность и робость составляют недостаток сего публичного собрания»³⁶.

Демократизация общественных отношений затронула даже верхушку иркутского общества. Здесь не было места сословным и национальным предрассудкам. «В Иркутске очень мало интересовались происхождением, – вспоминал сын иркутского генерал-губернатора А. П. Игнатьева, – и в доме родителей весело танцевали и евреи Кальмееры, и гвардейские адъютанты отца, и богатые золотопромышленники, и интеллигенты-ссылно-поселенцы, и скромные офицеры резервного батальона. Такое пестрое общество ни в одном губернском городе Центральной России, а тем более в Петербурге – было немислимо»³⁷.

Несмотря на свою сравнительную малочисленность, ведущую роль в развитии общественной жизни сибирского города играло купечество. Современники часто воспринимали купечество по внешним проявлениям, мало пытаясь понять их мотивы, морально-нравственные ценности, объясняя любое действие желанием наживы и обогащения. Как справедливо заметил К. С. Аксаков: «Купца теребят, а в душу его еще не заглянули». Конечно, были среди купечества люди непорядочные, готовые

ради прибыли на любые противоправные поступки. Нередко на подобный образ купца накладывало отпечаток его поведение в быту. Для некоторой части деловых людей, особенно молодых купчиков, были характерны пьяные дебоши, карточная игра, драки, которые оправдывались «особым нравом» и богатством. В тоже время, наряду с купеческой жадностью, скупостью, расчетливостью в сознание современников и потомков прочно вошло понятие «купеческое слово», которое было лучшей рекомендацией в обществе, поскольку ассоциировалось с надежностью, честностью и исполнительностью.

Здесь уместно заметить, что далеко не каждый купец мог считаться предпринимателем. Не всем были присущи деловые качества, трезвый расчет, готовность рисковать и начинать новое дело. Не каждый купец мог осознавать себя частью городского общества и жить его интересами. Воспринимая свое богатство как своеобразную награду и испытание свыше, лучшие представители купечества стремились часть его использовать для общественных нужд, рассматривая это как своеобразную плату за собственный успех. Приобретая со временем профессиональные навыки, чувствуя за собой усиливающуюся с годами экономическую мощь своих капиталов, купцы вырабатывали в себе новую систему нравственных ценностей. В основе ее лежало понятие «купеческая честь», то есть свод правил, регулирующих поведение купца в различных ситуациях и определяющих основные моральные качества. В обществе таких людей нередко называли «совершенный купец»³⁸. В неписаном городском мнении под этим званием понимался купец не только предприимчивый и удачливый, но и широко известный на общественном поприще, как правило, являвшийся членом городского самоуправления, а нередко и городским головой. Такой купец был обычно хорошо образован, имел собственную библиотеку и собрание картин, непременно посещал театр и вообще слыл знатоком и покровителем искусств. Дом его был известен не только знатными обедами, но и своеобразными приемами, на которые собирались меломаны и любители изящной словесности. Его имя и деяния оставались в памяти горожан, передаваясь из поколения в поколение. Для таких купцов нормой жизни становилось активное участие в делах общества и благотворительность. Почти в каждом сибирском городе было несколько купцов такого рода, но особенно прославился подобными «совер-

шенными купцами» Иркутск. По всей Сибири были известны книжные собрания, оранжерея и литературные салоны В. Н. Баснина, собрания и приемы в особняках Сибиряковых, Дудоровских, Медведниковых, картинная галерея В. П. Сукачева, уникальная энтомологическая коллекция С. Н. Родионова.

Примечательно, что среди сибирского купечества растет интерес к совершенствованию своих профессиональных знаний, появляются молодые предприниматели, которые «занимаются торговлей не как ремеслом, но как наукою, изучают ее по фактам и на практике»³⁹. Все это способствует не только совершенствованию приемов и правил предпринимательской деятельности, но и появлению в купеческой среде новых морально-этических норм и ценностей. Эти изменения конца XVIII – первой половины XIX в. превратили сибирское купечество в ведущую силу городского общества, и значительно выделяли его из общей массы российского купечества, которое радикально меняется только во второй половине XIX в. после отмены крепостного права. О сибирском купечестве пореформенного периода с большим уважением отзывались многие современники. Так, известный экономист Г. Пейзен отмечал, что «купечество здешнее по своим умственным понятиям, сметливости, стоит несравненно выше купечества Европейской России»⁴⁰.

Вокруг купеческих домов группировались небольшие кружки местной интеллигенции, куда помимо купечества входили молодые чиновники, офицеры, учителя, врачи. Их отличал интерес к книге, краеведческим изысканиям, литературному и научному творчеству. Их было немного, представителей первого поколения сибирской интеллигенции, но именно они определяли своеобразие и тенденции культурного развития края. Именно с этими купеческими домами тесно общались ссыльные декабристы, неизменно находя здесь не только материальную поддержку, но и чутких и внимательных собеседников. В Иркутске своеобразными культурными гнездами в разное время были усадьбы купцов Полевых, Басниных, Дудоровских. В Нерчинске душою общества были Зензиновы, Юренские, Бутины. Центром культурной жизни Верхнеудинска были купеческие дома А. М. Курбатова и Г. А. Шевелева. В Селенгинске немногочисленное образованное общество тянулось к Старцевым, Лушниковым, Наквасиным. Богатая Кяхта с ее купцами-миллионерами во второй половине XIX в. становится не только

деловым, но и общественно-культурным центром всего Забайкалья. Тон задавали усадьбы купцов Сабашникова, Игумнова, Носкова, Немчинова.

Традиции благотворительности и меценатства становились смыслом и делом жизни и передавались от поколения к поколению. Многие из купцов как бы стыдились своего богатства, благополучия, испытывали угрызения совести за нищету народных масс, стремились по мере возможности внести посильный вклад в изучение края, развитие просвещения и культуры городского общества. В их среде проявляется стремление участвовать в первых российских научно-просветительских организациях, таких как Санкт-Петербургское Вольное экономическое общество (ВЭО), Общество для собирания памятников отечественной истории и древностей при Московском университете (ОИДР), Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) и др. Как правило, эти первые общественные организации возникали по инициативе центральной власти и действовали под высочайшим покровительством.

Одним из примеров подобных правительственных инициатив по созданию общественных организаций было Библейское общество. Впервые оно было создано в 1804 г. в Англии и довольно быстро распространилось на страны Европы. В России его отделение было учреждено в 1812 г. А в 1814 г. его взял под покровительство Александр I, сам вступив в его члены и пожертвовав 50 тыс. руб. Председателем стал А. Н. Голицын, с 1817 г. исполнявший обязанности министра духовных дел и народного просвещения. Отделения общества были открыты во всех губерниях.

Иркутское отделение открылось в декабре 1819 г. при непосредственном участии М. М. Сперанского. Его вице-президентами стали сам генерал-губернатор, епископ Иркутский и Нерчинский Михаил, директорами гражданский губернатор И. Б. Цейдлер, ректор духовной семинарии архимандрит Антоний, игумен Посольского мужского монастыря Феодосий, иркутский благочинный протоиерей В. Шастин. В состав ченов общества вошли купцы К. М. Сибиряков, Н. П. Трапезников, М. И. Саватеев, Г. С. Белоголовый, чиновник А. В. Игумнов и др. Иркутское отделение общества включало 60 членов и 80 благотворителей. Всего было собрано более 3 тыс. руб. пожертвований. Во время путешествия М. М. Сперанского в Забайка-

лье были учреждены сотоварищества в Кяхте и Нерчинске. В первом было 47 членов и 59 благотворителей, собравших 4 тыс. руб., во втором – всего 51 человек и около 3 тыс. руб. пожертвований, причем тысячу внесли купцы Кандинские. В том же 1820 г. было создано отделение в Якутске. Целью общества было снабжение книгами священного писания духовных лиц, почтовых домов, устройство книгохранилищ в Иркутске, Кяхте, Якутске и других городах.

Благодаря деятельности Библейского общества в крае были распространены тысячи экземпляров религиозных текстов на разных языках. Особенно важно было распространение «Евангелия от Матфея» на калмыцко-монгольском языке, а также «Евангелия от Матфея и Иоанна» и целиком «Нового Завета» на монголо-бурятском языке. Перевод его был осуществлен хоринскими бурятами Б. Моршунаевым и Н. Унгаевым вместе с иркутским переводчиком Т. М. Татауровым.

Библейское общество неоднозначно воспринималось в духовных кругах. Вскоре интерес к нему угас и в правительстве. Уже в 1824 г. когда министерство возглавил А. С. Шишков оно прекратило свое существование. Иркутское отделение формально просуществовало до 1828 г., но уже с 1824 г. его активность заметно снизилась.

Говоря о сибирском купечестве, не следует идеализировать купеческие нравы и характеры того времени. Были и такие купцы, которые богоугодными делами стремились замолить собственные грехи. Уместно будет вспомнить язвительную эпиграмму П. Ершова на тобольского купца Плеханова:

«Сибирский наш Кашей
Всю жизнь обманывал людей,
И вот на старости, чтоб совесть успокоить,
Давай молебны петь и богадельни строить»⁴¹.

Но всё же для большинства купцов служение общественным нуждам были нравственным долгом и своеобразной формой местного патриотизма. Не случайно, большее число пожертвований шло на нужды просвещения, социального призрения, медицинской помощи, благоустройства городов, т. е. в те сферы городской жизни, где государственные затраты были минимальны или вообще сведены к нулю. Филантропия, таким образом, стала одним из направлений общественной инициативы, средством поддержания относительной стабильности в город-

ском сообществе. В благотворительных и других общественных объединениях участвовала наиболее активная часть общества, что уже свидетельствовало о зарождении гражданского общества и общественных инициатив. Участие в благотворительной деятельности обладало в глазах купечества высокой социальной значимостью. Для определенной части купечества она становилась сферой преодоления узко классовых устремлений и интересов, что, несомненно, содействовало консолидации городского общества и его движению в сторону развития гражданских инициатив и интересов.

Участие в делах общества, в работе благотворительных организаций, членство в различных попечительских советах считалось делом государственным и всячески поощрялось местным руководством и правительством. Особо отличившихся купцов ожидали медали и ордена, почетные звания. Следует отметить, что местная администрация старалась пропагандировать подобные начинания, обставляя открытия новых благотворительных заведений торжественно и пышно. В 1806 г., например, в Иркутске была открыта первая общественная больница, построенная на капитал купца Н. С. Чупалова. Открытие ее сопровождалось крестным ходом при стечении почти всего населения города. Стены больницы украсил большой портрет благодетеля, а сам он по ходатайству гражданского губернатора Н. И. Трескина был награжден золотой медалью. Информация об этом достойном подражания примере была направлена во все уезды губернии, в том числе и в Киренский, «чтоб оное сообщить публике города Киренска». Здесь также нашелся свой меценат – купец П. З. Черепанов. Городские власти планировали открытие лазарета для военной команды. Черепанов же предложил сделать в будущей больнице два отделения – одно для военных, другое для жителей города и уезда. Постройка и приобретение необходимого оборудования и мебели обошлись ему в 9 тыс. руб. Еще более 4 тыс. для содержания больницы и медицинского персонала было собрано киренскими гражданами. Торжественное открытие больницы состоялось 29 мая 1818 г. На средства того же Черепанова в 1816 г. при Спасском соборе была открыта богадельня для престарелых и инвалидов, рассчитанная на девять мест. Современники высоко оценили благотворительную деятельность купца Черепанова. Его портрет долгие годы украшал стены городской больницы. По ходатайству иркутского граж-

данского губернатора Н. И. Трескина он был награжден золотой медалью на алой ленте⁴². В дальнейшем подобные заведения были открыты на купеческие деньги и в других городах региона. Активной меценатской деятельностью отличались иркутские купцы Баснины, Медведниковы, Сибиряковы, Трапезниковы, Е. А. Кузнецов, верхнеудинские Г. А. Шевелев и М. К. Курбатов, селенгинские Старцевы, Наквасины, кяхтинские Н. М. Игумнов, И. И. Котельников, Лушниковы, нерчинские И. А. Юренский, Зензиновы, М. и Н. Бутины.

Значительные качественные изменения в культурном и общественном быте городов Байкальской Сибири привели к общей демократизации городского общества. По-прежнему ведущей силой его оставалось купечество, но и в нем произошли заметные перемены. Наиболее активные и социально зрелые его представители успешно сочетали коммерческую деятельность с общественным служением и благотворительностью, жаждали уже «не столько богатства, сколько славы». Необычайного размаха достигло в пореформенное время меценатство и благотворительность, причем их направленность была ориентирована на развитие образования и социально-культурной сферы. В городе появляются первые общественные и благотворительные организации, в деятельности которых участвовали не только купцы и чиновники, но и разночинская интеллигенция. Из среды купечества выходят не только меценаты и общественные лидеры, но и творческие личности – врачи, художники, ученые, публицисты. Можно вспомнить имена писателя, историка и общественного деятеля Н. А. Полевого, врача с мировым именем Н. А. Белоголового, лечившего И. Тургенева и Н. Некрасова, известного исследователя ледников, погибшего в Альпах, А. П. Федченко, А. М. Сибирякова, много сделавшего для изучения сибирской Арктики, и его брата Константина, известного скульптора, и многих других иркутян. «В настоящее время, – писал Г. Н. Потанин в 1880-х гг., – начинает появляться класс людей, которых можно назвать благородной буржуазией. Это ряды жертвователей по убеждению, люди, сами принимающие участие в трудах интеллигенции»⁴³.

К середине XIX в. оживление общественной жизни в стране способствовало развитию общественных инициатив. В общественной жизни городов Байкальской Сибири начинают постепенно появляться общественные структуры, созданных не рас-

поряжением местной власти, а отдельными группами городского населения. В условиях диктата имперской политики в Сибири они были попыткой городской общественности края сформировать легитимное пространство для диалога с властью, направленного, прежде всего, на «удовлетворение местных нужд» в области культуры, просвещения и изучения края, борьбы с бедностью, решения ряда вопросов городского хозяйства. При этом акцент ставился не на противостояние, а на разумное взаимодействие и компромисс с местной администрацией. В частности, по инициативе чиновника Б. А. Милютин в 1864 г. в Иркутске появился первый проект создания культурно-просветительной организации «Общества грамотности Восточной Сибири». Однако он не был утвержден, поскольку не соответствовал представлениям властей о содержательной стороне общественной деятельности в сфере просвещения.

Крупными общественными организациями, в которых участвовали представители местной общественности были: отделение Российского общества Красного Креста (1868), Иркутское благотворительное общество (1874), Общество помощи учащимся в Восточной Сибири (1875), Общество любителей музыки и литературы (1881 г.), Общество содействия учащимся в Петербурге сибирякам (1884 г.) и др., а также научно – исследовательские объединения – Восточно-сибирское отделение Русского географического общества (1851) и Иркутского отделения Русского технического общества (1868). Всего во второй половине XIX в. в городах Байкальской Сибири было создано около 40 общественных объединений, направленных на развитие благотворительности, научной, культурно-просветительной и досуговой деятельности. Они способствовали расширению и оживлению общественной и культурной среды, распространению образования и научных знаний, профессионализации различных видов деятельности, инновациям в сфере повседневной жизни и досуга, консолидации различных социальных групп. В целом, эти организации, как и органы городского самоуправления, являлись одним из важнейших каналов формирования гражданской активности городского населения Байкальской Сибири, представляя социальную базу либерализма и демократии⁴⁴.

Существенным фактором становления «гражданского элемента» городского общества Байкальской Сибири выступала политическая ссылка и местная разночинная интеллигенция,

формировавшаяся из среды мелкого чиновничества, духовенства, купечества и мещанства. В значительной степени именно политическая ссылка играла роль катализатора общественно-политического движения второй половины XIX в. С их участием издавались газеты, создавались и функционировали общественные и культурно-просветительские объединения, организовывались общественные и публичные акции, открывались клубы, собрания, библиотеки, последовательно формируя среду гражданской самоорганизации.

Говоря о размывании сословных перегородок и развитии общественной жизни, нельзя забывать, что она затрагивала лишь незначительную часть общества, его наиболее образованные и социально активные слои. Значительная часть городских обывателей, особенно в малых городах, по-прежнему было консервативна, и слабо реагировала на изменения вокруг себя. Даже в губернском центре далеко не многие из купечества понимали необходимость общественных инициатив и поддерживали их. Эту неповоротливость и серость городских будней отмечал П. А. Словцов: «В Иркутске, как под каким-то полюсом, метафизической круг человеческого бытия течет медленно, тяжело, однажды в неделю почта принесет газету и разговор; прочие шесть дней проходят в сумраке повторений! Надобно иметь нарочитую готовность ума, чтобы в таких потьмах уметь часто высекать огонь или довольно масла, чтобы его поддерживать»⁴⁵. Эти слова относятся к 1820-м гг., но в большинстве уездных и малых городов Байкальской Сибири и в пореформенное время общественная жизнь сохраняла элементы традиционализма и общинного самоуправления, а социальная активность горожан росла крайне медленно. Некоторой инициативой отличалась лишь небольшая группа зажиточных купцов и мещан, а также малочисленная местная интеллигенция и политические ссыльные.

Степень влияния социальных групп на общественную жизнь городов была различна и во многом определялась положением в общественной структуре города. Самая многочисленная часть городского населения – крестьяне, мещане и ремесленники – занимали в ней низшие ступени, оказывая незначительное воздействие на ход общественной жизни.

Положение мелкого чиновничества, особенно внеэрадного, мало чем отличалось от основной массы «городских обывателей». Традиционный образ жизни, низкий образовательный

ценз, социальная индифферентность являлись типичными признаками этой прослойки государственных служащих. Они выполняли роль пассивного наблюдателя или, в лучшем случае, опосредованного участника общественной жизни города, серьезного воздействия на ход которой, в большинстве случаев, они оказывать не могли.

Напротив, среднее и высшее чиновничество, образованное и социально более развитое, задавало тон в обществе, становилось объектом подражания для других сословных групп. Чиновничество способствовало не только подъему внешней культуры, но «учило» горожан интересоваться вопросами общественной и государственной жизни. В их домах устраивались музыкально-литературные и театрализованные вечера, на которых можно было «слышать смелые суждения и жаркие споры». Представители административной власти стояли во главе многих общественных начинаний и дел, вносили заметное оживление в деятельность уже существующих общественных и культурных учреждений, попечительных советов различных заведений. Местная же общественность выступала лишь в роли поддерживающей инициативы стороны, но не лидера. Интеллигенция, представленная, главным образом, учителями и врачами более уверенно начинает заявлять о себе лишь в пореформенный период.

В то же время дальнейшее развитие рыночных отношений во второй половине XIX в. способствовало дальнейшей дифференциации городского общества по его доходам и имущественному положению. Зажиточные купцы и чиновничья элита, составлявшие «благородное» общество, вели роскошную жизнь, щеголяли нарядами, выписанными из Петербурга и Парижа, приобретали «предметы роскоши и изящного вкуса» в многочисленных магазинах и салонах, веселились в коммерческом клубе и дворянском собрании, устраивали балы, вечера, маскарады. Городская же беднота едва сводила концы с концами, испытывая нужду и лишения. На эти социальные контрасты ещё в 1870-х обратил внимание М. В. Загоскин: «Годовой доход иркутских жителей различных заведений и занятий, конечно, невозможно определить даже приблизительно. Есть здесь люди, получающие до 50 тысяч, и есть такие, которые не зарабатывают до 50 руб. Годового дохода рабочего недостаёт на самое необходимое. Если взять во внимание невозможность отыскать работу иногда

в течение нескольких дней, праздники, семейство, болезни, то окажется, что состояние рабочих сословий весьма незавидно. Недаром же они помещаются в самых грязных лачугах, в нижних этажах, сырых и холодных, недаром так много в Иркутске умирающих, больных, нищих»⁴⁶. Об этом же писал известный русский этнограф П. Ровинский. За блеском и роскошью центральных улиц Иркутска он увидел кварталы рабочего люда, низкие, тесные и ветхие лачуги бедняков. «Всего ужаснее, конечно, – писал учёный, – положение бедняков в отдалённых улицах – Нагорной, Матрешинской и др., где низкие, полусгнившие, влезшие в землю домики окнами касаются земли, и их жителям приходится целое лето вдыхать в себя эти зловонные испарения»⁴⁷.

Таким образом, к середине XIX в. в городском обществе наиболее крупных городов Байкальской Сибири произошли значительные изменения, свидетельствующие о формировании буржуазного менталитета. Показателями их были большая динамичность хозяйственной жизни города, расширение коммерческого кругозора и торговых связей купечества, стабилизация и растущее влияние капитала в городском управлении и общественной жизни, разительные перемены в образе жизни и культуре горожан. В малых городах с их неторопливым экономическим и социальным развитием формирование городского сообщества и общественных инициатив проходило более медленно и в целом соответствовало тенденциям дореформенного русского провинциального города.

Выборность органов городской власти, многочисленные общественные службы содействовали социализации и сплоченности городского социума, выдвигали лидеров и подвижников общественного служения. Качественные изменения, произошедшие в составе сибирского купечества в конце XVIII – начале XIX вв. содействовали его консолидации и повышению роли в городском сообществе. Именно в их среде формируются новые жизненные ценности и ориентиры, включающие в себя не только коммерческие приоритеты, но и стремление к просвещению, общественной деятельности, благотворительности. Активное участие в экономической и социокультурной жизни города, борьба с чиновничьим произволом выделяли региональное купечество из общей массы русского, которое радикально меняется только во второй половине XIX в. после отмены крепостного права.

Неоднородность городского общества, разделенного сословными и имущественными перегородками, различие мировоззренческих и идейных представлений, степенью зрелости общественного сознания обусловила медленную эволюцию общественной жизни, за исключением немногих крупных городов Байкальской Сибири. Вместе с тем в развитии городского общества в рассматриваемый период произошли существенные сдвиги, связанные с формированием и развитием общественного самосознания, процессом выработки и оформления гражданских позиций и инициатив.

Заметным явлением стало появление общественных объединений, сословного, приходского и внесословного уровней, ставших практически единственной формой общественной самоорганизации различных слоев городского населения Байкальской Сибири. Заметное место такие объединения заняли в общественной жизни среднего и высшего эшелонов чиновничества городов, части духовенства, купечества, ряда профессиональных групп. Участие в благотворительной деятельности и общественных объединениях имело важное значение для социализации различных слоев городского общества. Повышение культурного уровня, рост самосознания буржуазии не только способствовали более активному ее вовлечению в общественную жизнь региона, но вели к изменению самих целей, причин и характера ее участия в ней. Одним из наиболее действенных средств вовлечения купечества в сферу общественной жизни становилась его благотворительная деятельность, получившая в XIX в. особый размах.

Заключение

В течение всего рассматриваемого периода в Байкальской Сибири, как и во всей стране в целом, происходило формирование системы городского самоуправления. Создание городских магистратов и ратуш, а затем городских дум и управ при всей их громоздкости, сложности, подконтрольности коронной власти все же значительно изменило структуру и характер городского сообщества. Городские органы власти достаточно успешно решали задачи городского хозяйства и обустройства, содействовали экономическому развитию городов, осуществляя контроль и поддержку местных рыночных отношений и капиталов. Выборность органов городской власти, многочисленные общественные службы содействовали социализации и сплоченности городского социума, выдвигали лидеров и подвижников общественного служения.

Развитие торгово-промышленного хозяйства в Сибири и близость к китайскому рынку привели к возникновению купеческого капитала в городах Байкальской Сибири уже в первой половине XVIII в. Формирование регионального купечества в целом отвечало процессам и сословно-общественной организации городского населения, сложившимся в России в дореформенный период. Особенностью было отсутствие в Сибири дворянского предпринимательства, как и самого дворянства, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов. Несмотря на то, что в сибирском городе, как, впрочем, и по всей стране, численно преобладало мелкое купечество, лидирующие позиции в экономической и общественной структуре города принадлежали небольшой группе купцов – первогильдейцев, которые во многом и определяли социальную активность и зрелость городских обществ. Именно в их среде формируются новые жизненные ценности и ориентиры, включающие в себя не только коммерческие приоритеты, но и стремление к просвещению, общественной деятельности, благотворительности.

Изучение изменений, происходивших в законодательстве, городской экономической и общественной среде, позволяет выделить два хронологических этапа. Первый связан с появлением первых городских поселений и становлением системы городского

го хозяйства и населения Байкальской Сибири с конца XVII в. до 1780-х гг. Наиболее важные изменения, ставшие следствием реформ второй половины XVIII в., происходят в городском обществе и самом городе в конце XVIII – первой половине XIX в. К середине XIX в. в городском обществе наиболее экономически развитых городов Байкальской Сибири произошли значительные изменения, свидетельствующие о формировании буржуазного менталитета. Показателями их были большая динамичность хозяйственной жизни города, расширение коммерческого кругозора и торговых связей купечества, стабилизация и растущее влияние капитала в городском управлении и общественной жизни, разительные перемены в образе жизни и культуре горожан. Так, уже с конца XVIII в. путешественники и бытописатели дружно отмечают в Иркутске европейский склад жизни горожан, связанный с новой планировкой города и жилых зданий, его торговой специализацией и развитием потребительского рынка, временем препровождения и досуга, тягой к культуре, заметными переменами в повседневной жизни. Еще более разительные перемены происходят в Иркутске в XIX столетии, придавая ему столичную элегантность и лоск. Изменения в других городах Байкальской Сибири были не столь показательны. Пожалуй, только Верхнеудинск и Троицкосавск с торговой слободой Кяхтой в целом соответствовали новым тенденциям организации городского пространства. Очень низкими темпами развития отличались уездные Нерчинск, Нижнеудинск, Киренск и другие малые города региона. Практически все города региона в той или иной степени сохраняли сельский вид. В этом отношении сибирский город мало чем отличался от так называемых «аграрных городов» провинциальной России. Но важно отметить, что внешний вид даже самых малых городских поселений региона отличался от облика крестьянских селений прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки, а также обязательным наличием ярмарок и торжков, розничной торговли и производственно-потребительских интересов городского населения.

В рассматриваемый период в городах Байкальской Сибири происходило формирование сети образовательных и культурно-просветительных учреждений, муниципальных органов самоуправления и общественных объединений, что обозначило по-

степенную смену приоритетов и ценностей в духовной жизни горожан, расширяло их образовательный и культурный уровень. В условиях неразвитости и разобщенности городского общества особую значимость приобрела общественная инициатива по поддержке социокультурных инноваций и формированию благотворительности в сфере культуры и поддержки социально незащищенных категорий городского населения.

Особенностью формирования культурной среды сибирского города было то, что инновационные процессы не замыкались только в каком-то одном слое населения, а постепенно захватывали значительную часть чиновничества, купечества и мещанства. Как подмечали современники, между чиновниками и купцами «есть частое общение» и этой атмосферой сибирские города выгодно отличались от большинства российских. Более того, купеческие круги не только активно спонсировали общественно-культурную среду города, но и сами принимали заметное участие в развитии культурного процесса. Значительное воздействие на бытовую культуру и кругозор жителей края имело проникновение азиатской, прежде всего, китайской культуры. Такой сплав разных культур не мог не привести к формированию самобытного и разнообразного городского быта, к развитию гражданского и культурного кругозора иркутских жителей.

Неоднородность городского общества, разделенного сословными и имущественными перегородками, различие мировоззренческих и идейных представлений, степенью зрелости общественного сознания обусловила медленную эволюцию общественной жизни, за исключением немногих крупных городов Байкальской Сибири. Вместе с тем в развитии городского общества в рассматриваемый период произошли существенные сдвиги, связанные с формированием и развитием общественного самосознания, процессом выработки и оформления гражданских позиций и инициатив.

Заметным явлением стало появление общественных объединений, сословного, приходского и внесословного уровней, ставших практически единственной формой общественной самоорганизации различных слоев городского населения Байкальской Сибири. Участие в благотворительной деятельности и общественных объединениях имело важное значение для социализации различных слоев городского общества, повышения их правового и культурного уровня, роста гражданского самосознания.

Список сокращений

АРГО – Архив Русского географического общества
ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАКО – Государственный архив Костромской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ЖМВД – Журнал министерства внутренних дел
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РГБ ОР – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей
РНБ ОР – Российская национальная библиотека. Отдел рукописей

Примечания

Введение

1. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1926. С. 21.
2. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ, 2010. С. 54.
3. Шахеров В. П. Иркутск купеческий. Хабаровск : Издат. дом «Приамурские ведомости», 2006. 176 с.; Шахеров В. П. Экономика сибирского до-реформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) : монография. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.; Шахеров В. П. Предприниматели Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Формирование и основные сферы деятельности. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 244 с.
4. Куприянов А. И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. С. 10; Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 3–4.
5. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941; Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
6. Московский телеграф. 1833. № 52. С. 84–85.
7. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. СПб., 1886. Кн. 2. С. IV.
8. См.: Манассеин В. С. Сибирь в казанской периодической печати первой половины XIX столетия : библиогр. указатель. Иркутск, 1927; Янушкевич А. С. Особенности сибирской краеведческой критики 1810–1830-х гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири : сб. науч. ст. Новосибирск, 1989. С. 21–35.
9. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 153.
10. Степанов А. П. Описание енисейской губернии. СПб., 1835; Семивский Н. В. Новейшие, любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири. СПб., 1817; Корнилов П. Н. Замечания о Сибири. СПб., 1828; Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830; Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827; Линк И. Описание городов Енисейской губернии. // Журнал МВД. 1839. Ч. 31, № 3. С. 372–441.
11. Мирзоев В. Г. Указ. соч. С. 137.
12. Зябловский Е. Новейшее землеописание Российского государства в нынешнем его состоянии. М., 1814. Ч. 1–2; Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. СПб., 1818; Андросов В. Хозяйственная статистика России. М., 1827 и др.
13. Словцов П. А. Указ. соч. Кн. 1. С. 8.
14. Цит. по: Словцов П. А. Указ. соч. С. 65.
15. Баснин П. П. Из прошлого Сибири // Ист. вестн. [18–?]. Т. 90, № 11; Трапезников Н. О. О состоянии г. Иркутска в 1836 г. // Иркут. губерн. ведомости. 1858. № 17–18; Курбатов А. М. Статистические сведения о лесной и рыб-

ной промышленности Верхнеудинского округа // Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1841; Носков И. А. Кяхта. Иркутск, 1861.

16. Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч. 1–2; Львов Л. Общее обозрение Забайкальского края // Русский вестн. 1842. № 9–10; Щукин Н. С. Забайкальская область // Москвитянин. 1852. Ч. 4, № 13–14.

17. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. М., 1854. Ч. 1–3.

18. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1; То же. Ярославль. 1877. Т. 2.

19. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России X–XIX вв. М., 1910; Он же. Исторические очерки. М., 1912.

20. Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представленным Полным собранием законов : в 5 т. Иркутск ; Томск ; Одесса, 1886–1889.

21. Вагин В. Исторические сведения о деятельности гр. М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. СПб, 1872. Т. 1–2.

22. Шашков С. С. Сибирское общество в начале XIX в. // Дело. 1879. № 1–2; Шапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // Сочинения. СПб., 1908. Т. 3.

23. Шапов А. П. Указ. соч. С. 660.

24. Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234.

25. Ядринцев Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884; Шашков С. С. Сибирское общество в начале XIX в. // Дело. 1879. № 1–2; Головачев П. М. Сибирь в екатерининской комиссии. Эюд по истории Сибири XVIII в. М., 1889.

26. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891; Головачев П. М. Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в. // Первое столетие Иркутска. СПб., 1902. С. 167–186.

27. Щукин Н. С. Забайкальская область // Москвитянин. 1852. Кн. 1–2; Щукин Н. С. Влияние золотых промыслов на ценность жизненных припасов в Восточной Сибири // Журн. м-ва внутренних дел. 1848. Т. 91, № 3. С. 403–424; Серебренников А. М. Очерк некоторых сторон из жизни города Иркутска в первые три года по введению городского положения 21-го апреля 1785 года. Иркутск, 1894. Вып. 1–2; Птицын В. В. Селенгинская Даурия. СПб., 1896.

28. Гревс И. М. История в краеведении // Отечество : краевед. альманах. М., 1991. Вып. 2. С. 13.

29. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода Л., 1926. С. 4.

30. Экскурсии в культуру. М., 1925.

31. Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М., 1928. С. 4, 20.

32. Азадовский М. К. Очерки истории и культуры в Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1947.

33. Резун Д. Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 20.

34. Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953; Полянский Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958; Он же. Городское ремесло и мануфактура в России в XVIII в. М., 1960.

35. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск, 1947.
36. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949. С. 409.
37. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958.
38. ГАИО. Ф. р-2698. Оп. 1. Д. 1–3.
39. Кудрявцев Ф. А. К характеристике городов южной части Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 239–259.
40. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
41. Рындзюнский П. Г. Основные факторы горообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город. М., 1976. Вып. 1. С. 109.
42. Шулунов Ф. М. Улан-Удэ, 1955; Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII – начала XX вв.). Улан-Удэ, 1965; Шмулевич М. М. Экономическое положение города Верхнеудинска в первой половине XIX в. // Вопр. краеведения Бурятии. Улан-Удэ, 1975; Тугутов Р. Ф. Прошлое и настоящее Кяхты. Улан-Удэ, 1954; Петряев Е. Д. Очерки по истории города Нерчинска. Чита, 1959; Мурзин Н. Д. Город Нерчинск. Иркутск, 1978.
43. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968.
44. Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974; История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX в.). Новосибирск, 1977; Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978 и др.
45. Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. Новосибирск, 1988; Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990; Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991; Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – нач. XX вв.). Новосибирск, 1992.
46. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-е – начало 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Л., 1984.
47. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 1. Приангарье. Новосибирск, 1971; Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX века. Новосибирск, 1970; Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1968; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974.
48. Анохина Н. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских. М., 1989 и др.
49. Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Он же. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
50. Оглы Б. П. Строительство городов Сибири. Л., 1980; Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978; Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974.
51. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

52. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы... С. 235.
53. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. Т. 1–2. СПб., 1999.
54. Кошман Л. В. Русский город в XIX веке: социокультурный аспект исследования : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 3–4.
55. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
56. Куприянов А. И. Русский город первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. М., 1995.
57. Гончаров Ю. М. Купеческая семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002; Он же. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004; Он же. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004 и др.
58. Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000; Он же. Города Западной Сибири в последней четверти XVIII – начале 60-х гг. XIX вв. (динамика городских пространств). Барнаул, 2009.
59. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002.
60. Сибирский город XVIII – начала XX века. Вып. 1–8. Иркутск, 1998–2012.
61. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в конце XVIII – первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1983; Шахеров В. П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001; Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.
62. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 2007.
63. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ, 2008.
64. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ, 2010.
65. Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38; Кабузан В. М., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Сов. этнография. 1996. № 3. С. 23–46; Они же. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 261–277.
66. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975.
67. Солопий Л. А. Крупная буржуазия Забайкальской области в XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1978; Шахеров В. П. Экономико-правовые аспекты классово-сословной структуры сибирского города в период позднего феодализма // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984; Рутц М. Г. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991.
68. Зуева Е. А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. Новосибирск, 2007; Гончаров Ю. М. Купеческая семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.

69. Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1999.
70. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 1–4. Новосибирск, 1994–1997.
71. Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М., 2006; Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006; Щукин И. А. История купечества Восточной Сибири в XIX веке: формирование и социальное положение : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Швец Е. Г. Забайкальское купечество во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2002; Гаврилова Н. И. Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002; Кальмина Л. В., Мишакова О. Э. Купечество Верхнеудинск – Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2007.
72. Ушакова О. В. Михаил Дмитриевич Бутин. Предприниматель и меценат Забайкалья (60-е гг. XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2006; Шорохова Т. С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков : биогр. повествование. СПб., 2005; Деловая элита старой Сибири : ист. очерки. Новосибирск, 2005.
73. Связь времен: Баснины в истории Иркутска. Иркутск, 2008.
74. Громыко М. М. К характеристике социальной психологии сибирского купечества // История СССР. 1971. № 3.
75. Разгон В. Н. Менталитет сибирского купечества в XVIII – первой половины XIX в. // Предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1994. С. 10–17; Старцев А. В. Общественная и культурная деятельность предпринимателей Алтая // Предпринимательство на Алтае (XVIII – 1920-е гг.). Барнаул, 1993. С. 113–128; Беспалова Ю. М. Ценностные ориентации предпринимательства России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX – начала XX вв.). СПб., 1999.
76. Бочанова Г. А., Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000; Старцев А. В. Благотворительность и меценатство предпринимателей Сибири во 2-й половине XIX – начале XX вв. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. Петербург, 2003; Шорохова Т. С. Благотворитель Иннокентий Сибиряков. СПб., 2005; Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX в. Красноярск, 1997; Гаврилова Н. И. Благотворительность иркутского купечества во второй половине XIX века // Сибирский город XVIII – начала XX века. Иркутск, 1998. Вып. 1. С. 104–119.
77. Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2006.
78. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск, 1984.
79. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006.
80. Евдокимова С. В. Очерки истории городов Забайкалья. Улан-Удэ, 1993; Шахеров В. П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. : очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001; Городское самоуправление в Иркутске: от Екатерины Великой до Дмитрия

Медведева. Иркутск, 2008; Петров Л. В., Плотникова М. М. Городские головы, гласные и депутаты Иркутской думы 1872–2011 : биограф. справочник. Иркутск, 2011.

81. Гаврилова Н. И. Участие горожан Иркутской губернии в органах местного самоуправления во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII – начала XX веков. С. 83–110.

82. Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в.; Замула И. Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 – февраль 1917). Иркутск, 2001.

83. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974.

84. Памятники истории и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1986; Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989; Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск, 1991.

85. См.: Памятники истории и культуры Иркутска. Иркутск, 1993.

86. Города Сибири XVII – начала XX в. Вып. 2. История повседневности. Барнаул, 2004.

87. Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 2004.

88. Дегальцева Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. Барнаул, 2005.

89. Резун Д. Я., Резун И. Д. Информационная структура сибирского города и ее генезис в период с XVII по XIX в. Взгляд историка и взгляд журналиста // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVIII–XIX веков. Новосибирск, 2008.

90. Разгон В. Н. Указ. соч. С. 611.

Глава 1. Города Байкальской Сибири

1.1. Формирование и структура городских поселений Байкальской Сибири

1. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России // Зап. ИРГО. СПб., 1910. Т. 10, вып. 2. С. 87.

2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII в. Т. 2. Игры обмена. М., 1990. С. 512.

3. Корнилов П. Н. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 20.

4. ОР РГБ. Ф. 20. К. 4 об.–13. Д. 12. Л. 11.

5. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 605. Л. 28–29.

6. Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 139.

7. Более подробно о развитии Иркутска см.: Иркутск в панораме веков ...

8. Цит. по: Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 68.

9. Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983. С. 86.

10. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 112. Л. 39 об.

11. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 80.

12. Там же. С. 81.

13. Минерт Л. К. Два памятника архитектуры города Троицкосавска – Кяхты // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Новосибирск, 1994. С. 117.

14. Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 92.

15. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели (фрагменты истории повседневности) // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул, 2005. С. 141.
16. Цит. по: Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 57.
17. Там же. С. 59.
18. ОР РНБ. Ф. 883. Бумаги Элпидова. Т. 2. С. 136.
19. ГАИО. Ф. 29. Оп. 2. Д. 41. Л. 19.
20. Константинова А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита, 2002. С. 171.
21. Малый город. Социально-демографическое исследование небольшого города. М., 1972. С. 22.
22. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1051. Л. 52 об.
23. Описание города Нижнеудинска // ЖМВД. 1860. № 7. Июль. Ч. 43, отд. 4. Смесь. С. 5–6.
24. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 21. С. 46.
25. ПСЗРИ-1. Т. 20, № 14242. С. 23–32.
26. ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2122. Л. 1 об.
27. Ровинский П. А. Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. 1875. № 1. С. 78.
28. Там же.
29. В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы. М., 1851. С. 31.
30. Рынзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 33.
31. В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы. С. 15.
32. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2. С. 186.
33. ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 229. Л. 10.
34. Резун Д. Я. О некоторых проблемах современной сибирской исторической урбанистики // Сибирский город XVIII – начала XX века. Иркутск, 1998. Вып. 1. С. 6.

1.2. Городское управление и хозяйство

1. РГАДА. Ф. 248. Оп. 13, кн. 761. Л. 34–34 об.
2. Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Новосибирск, 2006. С. 116.
3. Рафиенко Л. С. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40–70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966 г. Новосибирск, 1968. Вып. 2. С. 48.
4. Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири ... С. 116–117.
5. Рабцевич В. В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII – первой половины XIX в. // Сибирские города XVIII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 157.
6. Рабцевич В. В. Указ. соч. С. 164.
7. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибирью XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск, 2003. С. 314–315.
8. Иркутская летопись ... С. 116.
9. ГАИО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

10. Шахеров В. П. Города Восточной Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: очерки социально-экономической и культурной жизни. Иркутск, 2001. С. 131.
11. ПСЗРИ – 1. Т. 22, № 16188.
12. РГИА. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 174. Л. 1.
13. Богашев В. Иркутск в статистическом отношении // Сын Отечества. СПб., 1833. Т. 35. С. 370.
14. ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 138. Л. 108.
15. ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. К. 2305. Д. 18. Л. 11–13.
16. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 154. Л. 13 об.
17. Там же. Л. 14 об.
18. Резун Д. Я., Беседина О. Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 13.
19. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 578. Л. 11.
20. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 183.
21. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1051. Л. 84.
22. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2340. Л. 32–34.
23. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 1128. Л. 46–46 об.
24. Там же.
25. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 154. Л. 74.
26. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Ярославль, 1877. Т. 2. С. 344–345.
27. Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ. Улан-Удэ, 1966. С. 36, 56.
28. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели ... С. 141.
29. РГИА. Ф. 1281. Оп. 2. Д. 27. Л. 66 об.
30. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. С. 54.
31. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 595. Л. 3.
32. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 86. Л. 24 об.
33. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6805. Л. 2.
34. ГАИО. Ф. 24. Оп. 6. К. 2305. Д. 18. Л. 1–4 об.
35. Стахеев Д. Кяхта // Живописная Россия. СПб. ; М., 1895. Т. 20, ч. 1 : Восточная Сибирь. С. 196.
36. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 45 об.
37. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 154. Л. 11 об.
38. Там же. Л. 28 об.
39. Там же. Л. 108 об.–110.
40. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели ... С. 150.
41. Попов И. И. Минувшее и пережитое. Ч. 2. Сибирь и эмиграция. Л., 1924. С. 68.
42. РГИА. Ф. 1287. Оп. 42. Д. 75. Л. 87.
43. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 31.
44. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 378.
45. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 78. Л. 5.
46. РГИА. Ф. 1405. Оп. 65. Д. 90.
47. РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Д. 646. Л. 23–23 об.

1.3. Население городов Байкальской Сибири

1. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск, 1975. С. 250.
2. Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990. С. 136.
3. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII – XIX вв. Улан-Удэ, 2007. С. 77.
4. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск, 1949. С. 115.
5. Водарский Я. Е. Численность русского населения Сибири в XVII–XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 200–203.
6. ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5308. Л. 3 об.–4.
7. Воробьев В. В. Указ. соч. С. 91.
8. Там же. С. 94.
9. Рынзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 367.
10. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17539. Л. 2–18.
11. Таблица составлена по: ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 5308. Л. 3 об.–4; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 356 об.–361; РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 47. Л. 345 об.–348.
12. Воробьев В. В. Указ. соч. С. 95.
13. РГИА. Ф. 1314. Оп. 1. Д. 174. Л. 8.
14. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 46.
15. История Сибири : в 5 т. Т. 2. Л., 1968. С. 274.
16. Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 139.
17. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 48. Л. 22.
18. Иркутск в панораме веков ... С. 140.
19. РГИА. Ф. 1287. Оп. 42. Д. 75. Л. 171 об.
20. РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д. 1506. Л. 2 об.
21. Там же. Л. 22.
22. Богашев В. Иркутск в статистическом отношении // Сын Отечества. 1833. Т. 35. С. 316.
23. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2. (Ж–К), кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 139.
24. РГАДА. Ф. 19. Госархив, финансы. Оп. 1. Д. 40. Л. 164–165.
25. РГАДА. Ф. 219. Оп. 4. Д. 20723. Л. 2; Ф. 1069. Оп. 1. Д. 126. Л. 9.
26. ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 87.
27. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1484; Ф. 308. Оп. 1. Д. 87, 300, 335.
28. ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4021. Л. 9–12.
29. ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–4.
30. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2340. Л. 32–34, 37–38.
31. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья ... С. 48.
32. Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 50.
33. Шахеров В. П. Купечество Иркутской губернии в XVIII – первой половине XIX в.: основные тенденции социально-экономического развития // Вестн. НГУ. Сер. История. Филология. Новосибирск, 2003. Вып. 2. С. 28.

34. Щапов А. П. Сибирское общество до Сперанского // Сочинения. СПб., 1908. Т. 3. С. 657.
35. Пейзен Г. Заметки о производительных силах Восточной Сибири // Экономист. 1858. Т. 1, кн. 1. С. 20.
36. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1101. Л. 1.
37. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М., 1988. С. 218.
38. Разгон В. Н. Отставание сибирским купечеством сословных привилегий в сфере торгово-промышленного предпринимательства (XVIII – первая половина XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 2001. Вып. 3. С. 32.
39. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1751. Л. 10–13.
40. ГАРБ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 5740. Л. 7.
41. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 21.
42. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 40.
43. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие г. Верхнеудинска в XVII–XIX вв. // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 1996. С. 39.
44. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1124. Л. 346 об.–347.
45. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2793. Л. 48.
46. ГАИО. Ф. 308. Оп. 1. Д. 158. Л. 2–3.
47. Журнал мануфактур и торговли. 1833. № 11. С. 56.
48. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2340. Л. 18.
49. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1975. Л. 17–19.
50. Из бумаг о Сибирякове и Мильникове // Сибирь : сб. газ. СПб., 1876. Т. 1. С. 472.
51. Сметанин С. И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800 – 1861 гг. // Ист. зап. М., 1978. Т. 102. С. 154–155.
52. Там же. С. 156.
53. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Т. 2, прил. 8. М., 1854.
54. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 40, 43 об.
55. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2511. Л. 7–8.
56. Там же. Л. 10 об.
57. ГАИО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 73. Л. 16.
58. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1076. Л. 5–7.
59. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1339. Л. 11–11 об.
60. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2658. Л. 4, 9–10.

Глава 2. Архитектура и благоустройство городов Байкальской Сибири

2.1. Формирование планировочного и архитектурного облика

1. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л., 1921. С. 9.
2. См., например, Оглы Б. П. Строительство городов Сибири. Л., 1980; Кочемадов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978; Минерт Л. К. Памятники архитектуры Бурятии. Новосибирск, 1983; Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974 и др.

3. Крадин Н. П. Русское деревянное зодчество. М., 1988; Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в советский период). Новосибирск, 1974. С. 7–37; Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.
4. Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 124.
5. Горбачев В. Т. Усадьба и квартал в сибирском городе во второй половине XIX – начале XX в. // Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири. Новосибирск, 1989. С. 146.
6. Истомина Э. Г. Малые города России в контексте социокультурной географии: проблемы изучения // Историческая география России: новые подходы. М., 2004. С. 10.
7. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 111.
8. Там же. С. 174–175.
9. Иркутск в панораме веков. Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 49.
10. Наказ от жителей г. Иркутска // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1911. Т. 134. С. 398.
11. Копылова С. В. Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII–XVIII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 309.
12. Баландин С. Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 192.
13. Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. Иркутск, 2003. С. 29.
14. Гарашенко А. Н. Частное каменное домостроение Иркутска в XVIII в. // Сибирский город XVIII – XX веков. Иркутск, 2011. Вып. 8. С. 53.
15. Лосев А. И. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии // Весь Иркутскъ. Иркутск, 1992. С. 239.
16. Гарашенко А. Н. Указ. соч. С. 57.
17. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 462. Л. 93, 187, 288, 380.
18. Лосев А. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии ... С. 241.
19. Копылов А. Н. Указ. соч. с. 135.
20. В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы. М., 1851. С. 8.
21. Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 68.
22. Минерт Л. К. Указ. соч. С. 86.
23. Улан-Удэ: история и современность. Улан-Удэ, 2001. С. 69.
24. Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 57.
25. Там же. С. 59.
26. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2. Иркутск, 1957. С. 61.
27. Радищев А. Н. Полн. Собр. соч. М. ; Л., 1952. Т. 3. С. 473.
28. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск, 1988. С. 99.
29. РГИА. Ф. 1350. Оп. 56. Д. 380. Л. 3–3 об.
30. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Застройка городов Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Города Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 33–34.
31. Словцов П. А. Указ. соч. С. 406.
32. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 19.
33. Там же. С. 20.

34. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Застройка городов Западной Сибири. С. 34.
35. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1664. Л. 7–7 об.
36. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. М., 1854. Ч. 2. С. 125.
37. Наказ от жителей г. Иркутска ... С. 398.
38. Щербин В. Т. О плане Иркутска 1865 года, предшествующей планиграфии и топонимике города // Изв. архитектурно-этнографического музея «Гальцы». Иркутск, 2004. Вып. 3. С. 115.
39. Оглы Б. И. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978. С. 260.
40. Козыренко Н. Е., Рачек Е. П. Русский город на колониальных территориях // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). Владивосток, 2001. С. 159.
41. Минерт Л. К. Указ. соч. С. 57.
42. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62. Ч. 1. Л. 1–1 об.
43. Оглы Б. И. Указ. соч. С. 264.
44. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. С. 77.
45. Там же. С. 81.
46. Там же. С. 92.
47. Степанов А. П. Повести и путешествие в Маймачен. Ч. 2. СПб., 1838. С. 101–102.
48. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Застройка городов Западной Сибири ... С. 45.
49. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 156.
50. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. Иркутск, 1996. С. 197.
51. Щербин В. Т. О плане Иркутска ... С. 120.
52. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 150.
53. Люцидарская А. А. Усадебный комплекс Восточной Сибири начала XVIII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск, 1989. С. 147.
54. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1543. Л. 10 об.–11.
55. ГАИО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 29. Л. 82.
56. Минерт Л. К. Указ. соч. С. 18–19.
57. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1543. Л. 11.
58. Джулиани Ю. Иркутский быт // Северная пчела. 1833. № 284–285.
59. ГАИО. Ф. 70. Оп. 10. Д. 17.
60. Записки иркутских жителей ... С. 461–462.
61. Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880 гг. Иркутск, 1914. С. 15.
62. Щербин В. Т. О плане Иркутска ... С. 116.
63. Там же.
64. ГАИО. Ф. 31. Оп. 3. Д. 47. Л. 6, 8.
65. Щербин В. Т. О плане Иркутска ... С. 124.
66. Романов Н. С. Указ. соч. С. 371.
67. Ровинский П. Очерки Восточной Сибири // Древняя и Новая Россия. 1875. № 2. С. 201.
68. Романов Н. С. Указ. соч. С. 371.
69. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 422.

70. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886). Т. 1. СПб., 1999. С. 318; Т. 2. С. 5.
71. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 122.
72. Улан-Удэ: история и современность ... С. 81.
73. Там же. С. 84.
74. Минерт Л. К. Указ. соч. С. 28.
75. Шахеров В. П. Об одном малоизвестном описании Верхнеудинска первой половины XIX века // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 1996. С. 78.
76. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. С. 38, 40.
77. Там же. С. 71.
78. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 112. Л. 10–10 об.
79. Там же. Л. 39 об.
80. Бестужев Н. А. Сочинения и письма. Иркутск, 2003. С. 579.
81. Там же.
82. Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 180.
83. Паршин В. Указ. соч. С. 74.
84. Минерт Л. К. Два памятника архитектуры города Троицкосавска – Кыхты // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. Новосибирск, 1994. С. 117.
85. Артемьев А. Р. Указ. соч. С. 92.
86. Минерт Л. К. Указ. соч. С. 67–68.
87. ГАРБ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 127. Л. 4.
88. РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 6805. Л. 2.
89. Бестужев Н. А. Указ. соч. С. 579.
90. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2, кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 171.
91. Паршин В. Указ. соч. С. 74.
92. В память графа М. М. Сперанского. СПб., 1872. С. 56.
93. ОР РНБ. Ф. 883. Бумаги Элпидова. Т. 2. С. 136.
94. Живописное путешествие по Азии. Т. 1. М., 1839. С. 23.
95. Паршин В. Указ. соч. С. 133.
96. Петряев Е. Д. Указ. соч. С. 28.
97. Паршин В. Указ. соч. С. 136.
98. РГИА. Ф. 1287. Оп. 36. Д. 1051. Л. 52 об.
99. Описание Нижнеудинска // ЖМВД. 1860. № 7, ч. 43, отд. VI. Смесь. С. 5–6.
100. В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы ... С. 27.
101. Казанские известия. 1816. № 52. С. 260.
102. РГИА. Ф. 1281. Оп. 2. Д. 78. Л. 8.

2.2. Благоустройство и городское хозяйство

1. Петров М. Западная Сибирь: Губернии Тобольская и Томская. М., 1908. С. 75.
2. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 415
3. РГИА. Ф. 1287. Оп. 3. Д. 81. Л. 2.
4. Манассеин В. С. Иркутский острог (историко-археологический очерк) // Изв. общества изучения Вост.-Сиб. края. Иркутск, 1936. Т. 1. С. 24.

5. Тиваненко А. В. Основные этапы истории Верхнеудинска первого столетия // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 1996. С. 32–33.
6. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 359–360.
7. Корнилов П. Н. Замечания о Сибири. СПб., 1828. С. 27.
8. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) // Тр. ВСОИРГО. Иркутск, 1911. № 5. С. 106.
9. Там же. С. 153.
10. См. подробнее: Шахеров В. П. Формирование планировочного и архитектурного облика городов южной части Восточной Сибири в XVII – начале XIX вв. // Сибирский город XVIII – начала XX в. Иркутск, 2005. С. 19–20.
11. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. Т. 2. С. 187–188.
12. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 438.
13. Там же. Л. 439–439 об.
14. Там же. Л. 480.
15. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 46. Л. 317, 468.
16. Улан-Удэ: история и современность. Улан-Удэ, 2001. С. 114–115.
17. Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661 – 1940 гг. Иркутск, 2003. С. 40.
18. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. С. 111.
19. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 4611. Л. 13 об.
20. В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы. М., 1851. С. 27.
21. РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 1066. Л. 2.
22. В. П. Описание пути от Иркутска до Москвы. С. 31.
23. Шперк Ф. Верхотенский округ Иркутской губернии // Медикотопографический сборник. СПб., 1870. Вып. 1. С. 106.
24. Головачев П. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С. 271.
25. Гончаров Ю. М. Благоустройство городов Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский город XVIII – начала XX веков. Иркутск, 2005. С. 40.
26. ГАИО. Ф. 24. Оп. 6, к. 2305. Д. 18. Л. 1–4 об.
27. Петряев Е. Д. «Кяхтинский листок». Улан-Удэ, 1963. С. 16, 18.
28. Петряев Е. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита, 1959. С. 47.
29. Там же. С. 59.
30. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 47. Л. 68 об.
31. Ляпин А. Зеленое кольцо Иркутска. Возрождение утопии 100 лет спустя // Проект Байкал. 2005. № 5. С. 12.
32. Салдруева Т. В. «Зеленое строительство» в Верхнеудинске в конце XIX – начале XX веков // Исследования молодых ученых. Улан-Удэ, 2006. Вып. 9. С. 106.
33. ГАИО. Ф. 276. Оп. 2. Д. 1. Л. 105.
34. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках. М., 1984. С. 134.
35. Там же. С. 135; ПСЗРИ-1. Т. 34, № 27180.
36. Чернигов А. К. Иркутские повествования 1661–1917 годы. Т. 1. Иркутск, 2003. С. 248–252.
37. Гончаров Ю. М. Указ. соч. С. 43.
38. Резун Д. Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 178.

39. Путешествие г. надворного советника И. Е. Миллера из Иркутска в Нерчинск // Дух журналов. 1816. Ч. 13, кн. 29. С. 102.
40. Батуева Т. Б. Краткие заметки Э. Котто о Верхнеудинске // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 1996. С. 76.
41. Чернигов А. К. Исторические повествования. Т. 2. Иркутск, 2003. С. 396.
42. Там же. С. 395.
43. Гончаров Ю. М. Указ. соч. С. 43.

Глава 3. Социокультурная среда городов Байкальской Сибири

3.1. Культура и повседневный быт горожан

1. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 7.
2. Анциферов Н. П. Пути изучения города как социального организма. Л., 1926. С. 9.
3. Резун Д. Я., Резун И. Д. Информационная структура сибирского города и ее генезис в период с XVII по XIX в. Взгляд историка и взгляд журналиста // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX веков. Новосибирск, 2008. С. 5.
4. Там же. С. 14.
5. Люцидарская А. А. Механизма передачи информации в Сибири XVII – начала XVIII в. // Вопр. эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII–XIX веков. Новосибирск, 2008. С. 28.
6. Резун Д. Я., Резун И. Д. Указ. соч. С. 18.
7. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 285.
8. РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 7. Л. 12.
9. ОР РНБ. Г. IV.21. № 4562. Л. 16 об.
10. Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 67, 114.
11. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. 2. С. 453.
12. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. Новосибирск, 1974. С. 45.
13. Там же.
14. Шерстобоев В. Н. Указ. соч. С. 478.
15. Там же.
16. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 55–56.
17. Цит. по: Копылов А. Н. Указ. соч. С. 100.
18. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1090. Л. 115.
19. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 54.
20. Сгибнев А. Навигацкие школы в Сибири // Морской сборник. 1877. № 11, т. 87. С. 29.
21. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 220.
22. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 73.
23. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа Сперанского в Сибири. Т. 1. СПб., 1872. С. 134.
24. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 82.

25. Лалаев М. Наши нисшия школы военного ведомства и близкие к ним, по стоимости содержания, интернаты других ведомств // Педагог. СПб., 1866. Кн. 3. С. 248.
26. Там же. С. 249.
27. История и культура бурятского народа. Улан-Удэ, 1999. С. 167.
28. ГАРБ. Ф. ВУУ. Д. 309. Л. 5.
29. Линьков А. Из истории народного образования в Забайкальской области до 1872 г. // Сиб. архив. Иркутск, 1912. С. 372–375.
30. Романов Н. С. Иркутская летопись 1857–1880. Иркутск, 1914. С. 19–48.
31. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 85.
32. Петряев Е. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита, 1959. С. 42.
33. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 85.
34. РГАДА. Ф. 1428. Оп. 1. Д. 322. Л. 168.
35. Шерстобоев В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 245.
36. ГАИО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 29. Л. 82 об.
37. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 1128, л. 5.
38. Пучковский Л. С. А. В. Игумнов // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960. С. 173.
39. Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II. Пг., 1915. С. 39.
40. Там же. С. 61.
41. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-николаевск, 1923. С. 29–30.
42. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 86.
43. РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 124.
44. Там же.
45. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 539. Л. 5 об.
46. Корейша Я. Исторический очерк иркутской губернской гимназии (1789–1905). Иркутск, 1910. Вып. 1. С. 40–41.
47. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 92.
48. Иркутские губернские ведомости. 1858. № 4.
49. РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 3. Л. 2.
50. РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 293. Л. 89–90; Ф. 733. Оп. 83. Д. 21, Л. 3–4.
51. ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 2. Д. 116. Л. 27 об.
52. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в XVII – первой половине XIX в. Иркутск, 2000. Л. 69.
53. Авдеева Е. Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 54.
54. Иркутский сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой и учрежденный при нем банк. Иркутск, 1838. Ч. 1. С. 41.
55. Исторический очерк деятельности Иркутского института императора Николая I. Первое пятидесятилетие (1845–1896). Иркутск, 1896. С. 75.
56. РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 154. Л. 79
57. Кокоулин К. Школы и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии // Памятная книжка Иркутской губернии. Иркутск, 1895. С. 17.
58. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 230.
59. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. С. 230.
60. Цит по: Тугутов Р. Ф. Прошлое и настоящее города Кяхты. Улан-Удэ, 1954. С. 12.
61. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 105.

62. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3.
63. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 106.
64. ГАИО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 29. Л. 9.
65. ГАКК. Ф. 805. Оп. 1. Д. 75. Л. 2 об.
66. Иркутские губернские ведомости. 1859. № 4. С. 9.
67. Иркутские губернские ведомости. 1859. № 14.
68. РГИА. Ф. 733. Оп. 1. Д. 499.
69. См., например, Бахаев В. Б. Общественно-просветительская и краеведческая деятельность декабристов в Бурятии. Новосибирск, 1980; Копылов А. Н., Малышева М. П. Декабристы и просвещение Сибири в первой пол. XIX в. // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 89–108 и др.
70. Блюм А. В. Массовое чтение в русской провинции конца XVIII – первой четверти XIX вв. // История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1. С. 52.
71. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. Н. В. Каликаускене. Иркутск, 1996. С. 9.
72. Романов Н. С. Летопись г. Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 7.
73. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 373–374.
74. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. С. 278 – 280.
75. Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2003; Иркутская летопись 1941–1991 гг. / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск, 2011.
76. Полищук Ф. М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII – февраль 1917 года). Иркутск, 1983. С. 18.
77. Исторический очерк деятельности института императора Николая I. Иркутск, 1896. С. 29; Некоторые данные об Иркутской учительской семинарии за 25 лет ее существования. Иркутск, 1897. С. 8.
78. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья ... С. 71.
79. Полищук Ф. М. Указ. соч. С. 29.
80. Романов Н. С. Иркутская губернская публичная библиотека и ее предшественники // Вестн. Иркут. городского общественного управления. 1913. № 1. С. 20.
81. Записки иркутских жителей. С. 55.
82. Московский телеграф. 1833. № 52. С. 84–85.
83. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1947. С. 70.
84. Записки иркутских жителей. С. 467.
85. Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П. Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967. Т. 1. С. 113.
86. Записки иркутских жителей. С. 465.
87. Цит. по: Петряев Е. Указ. соч. С. 32.
88. Там же. С. 48.
89. Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 131.
90. Мартос А. Письма из Восточной Сибири. М., 1827. С. 173.
91. Гапоненко В. В. Верхнеудинские меценаты первой половины XIX века // Улан-Удэ в прошлом и настоящем. Улан-Удэ, 1996. С. 46–47.
92. РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 110. Л. 8–9.

93. Цит по: Петряев Е. Д. «Кяхтинский листок»: к 100-летию первой забайкальской газеты. Улан-Удэ, 1963.
94. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья. С. 70.
95. Дичаров З. Необычайные похождения в России Джана Ледиарда – американца. СПб., 1996. С. 85.
96. Мартос А. Указ. соч. С. 201.
97. О нем см.: Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988.
98. Цит по: Копылов А. Н. Указ. соч. С. 226.
99. Записки иркутских жителей. С. 288.
100. Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 2. Записки и статьи. Иркутск, 1992. С. 339.
101. Записки иркутских жителей. С. 285.
102. Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968. С. 144.
103. Копылов А. Н. Указ. соч. С. 231.
104. Там же. С. 232.
105. Шукин Н. С. Письмо из Иркутска // Северная пчела. 1828. № 3.
106. Записки иркутских жителей. С. 8.
107. Там же. С. 57–58.
108. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка: Из детских лет. Иркутск, 1988. С. 272.
109. Записки Э. И. Стогова // Русская старина. 1903. Т. 113, кн. 3. С. 124.
110. Записки иркутских жителей. С. 8–9.
111. Цит. по: Резун Д. Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск, 1998. С. 179.
112. Там же. С. 181.
113. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 41.
114. Записки иркутских жителей. С. 281.
115. Талько-Гринцевич Ю. Из книги «О прожитых днях (1850–1908)» // Поляки в Бурятии. Улан-Удэ, 1998. Т. 2. С. 155.
116. Жиров А. А. Купеческая слобода Кяхта и ее обитатели // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул, 2005. С. 144.
117. Бестужева-декабристы в Забайкалье. Воспоминания братьев Бестужевых. Пг., 1914. С. 249, 295.
118. Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российского государства : в 3 ч. СПб. 1788. Ч. 3. С. 480.
119. Талько-Гринцевич Ю. Указ. соч. С. 162.
120. Попов И. И. Минувшее и пережитое. Ч. 2. Сибирь и эмиграция. Л., 1924. С. 68.
121. Записки иркутских жителей. С. 270.
122. Там же. С. 469.
123. Талько-Гринцевич Ю. Указ. соч. С. 156.
124. Максимов С. На Восток. СПб., 1871. С. 584.
125. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Т. 2. СПб., 1999. С. 78.
126. Резун Д. Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской ... С. 178.

127. Шмаков А. Известные письма «Колумбу Российскому» // Сибирь. 1980. № 2. С. 117.

128. Более подробно см.: Шахеров В. П. «Расстроен, разорен, уничтожен...». Судьба иркутского купца Федора Щегорина // Родина. 2012. № 8. С. 75–77.

3.2. Формирование городского социума и проявление общественных инициатив

1. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 431.

2. Иркутская летопись (летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова). Иркутск, 1911. С. 7.

3. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1991. С. 327.

4. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 269.

5. Иркутская летопись ... С. 47.

6. Там же. С. 50.

7. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Указ. соч. С. 58–59.

8. РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 58. Л. 4 – 4 об.

9. Штейнгейль В. И. К иркутскому летописцу пояснение. Записки о Сибири // Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1992. Т. 2. С. 185.

10. Головачев П. М. Сибирь в Екатерининской комиссии: Этюды по истории Сибири XVIII века. М., 1889. С. 28.

11. Манасеин В. С. Указ. соч. С. 22–23.

12. Цит. по: Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики: семейные хроники. М., 1993. С. 8.

13. Рафиенко Л. С. Ответы сибирских городов на анкету комиссии о коммерции как исторический источник // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 26.

14. Головачев П. М. Указ. соч. С. 26.

15. Покровская И. М. Наказы от городов Сибири в Уложенную комиссию 1767 года как исторический источник // Археографический ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 92–93.

16. Кудряшов П. Отношение населения к выборам в Екатерининскую комиссию // Вестн. Европы. 1909. Кн. 11. С. 99–120; Кн. 12. С. 531–548.

17. РГИА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 62, ч. 1. Л. 19–19 об.

18. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 1. С. 575–576.

19. Из бумаг о Сибирякове и Мыльникове ... С. 461–462.

20. Вишняков Н. П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1911. Ч. 3. С. 19.

21. Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Указ. соч. С. 100.

22. См., например: Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990; Дулов А. В., Санников А. П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Ч. 2. Иркутск, 2006.

23. Линьков А. Пожертвования на Отечественную войну в городе Иркутске // Сиб. архив. 1911. № 2. С. 116.

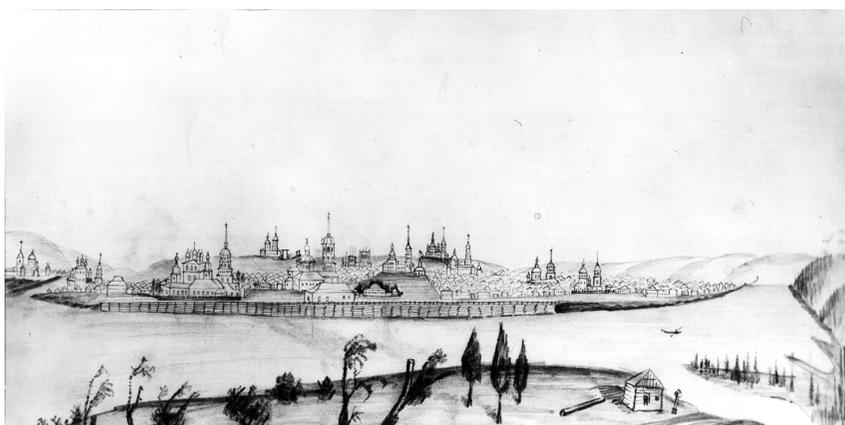
24. Там же. С. 117.

25. ОПИ ГИМ. Ф. 469. Д. 6. Л. 4 об.

26. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 469 об.
27. Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 279.
28. Там же. С. 279
29. Там же. С. 280.
30. Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 46.
31. Белоголовый Н. А. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988. С. 286.
32. Тукалевский И. Воспоминания. СПб., 1834. С. 99–100.
33. Записки иркутских жителей ... С. 58.
34. Белоголовый Н. А. Указ. соч. С. 308.
35. Вишняков Н. П. Указ. соч. С. 39.
36. Джулиани Ю. Иркутский быт // Северная пчела. 1833. № 284–285.
37. Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 37.
38. Шахеров В. П. Иркутск купеческий. История города в лицах и судьбах. Хабаровск, 2006. С. 127–128.
39. Записки иркутских жителей ... С. 445.
40. Пейзен Г. Заметки о производительных силах Восточной Сибири // Экономист. 1858. Т. 1, кн. 1. С. 20.
41. Ершов П. Сузге. Иркутск, 1984. С. 167.
42. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья ... С. 72.
43. Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 230.
44. См. подробнее: Гаврилова Н. И. Добровольные объединения в общественном быту горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири. Барнаул, 2005; Она же. Благотворительная деятельность в общественном быту горожан Иркутской губернии во второй половине XIX века // Сибирский город в XVIII – начале XX вв. Иркутск, 2005. Вып. 5.
45. Словцов П. А. Письма из Сибири. СПб., 1828. С. 7.
46. Загоскин М. В. Иркутск и Иркутская губерния. Иркутск, 1870. С. 36.
47. Ровинский П. Очерки Восточной Сибири // Древняя и Новая Россия. 1875. № 2. С. 201.

Вид г. Читы. Фото конца XIX в.

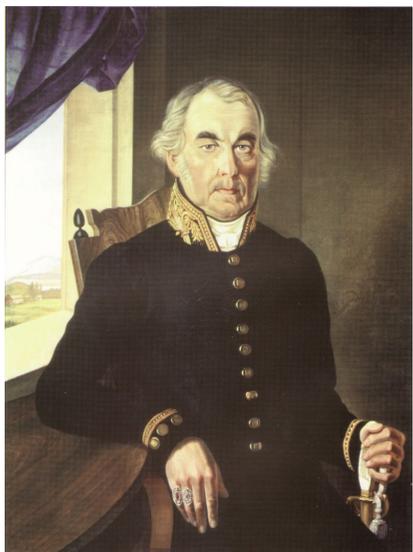
А. И. Лосев. Вид Иркутска в 1782 г.

Городской голова Иркутска
в 1907–1910 гг. И. Ф. Исцеленнов

Иркутский купец, гласный думы
П. Н. Лаврентьев

Н. А. Климов. Портрет иркутского
купца и городского головы
в 1835–1837 гг.
Н. П. Трапезникова. 1847 г.

В. П. Сукачев,
почетный гражданин
г. Иркутска, городской голова
и меценат

Здание городской Думы г. Иркутска. Фото 1900-х гг.

Вид Иркутска с Иерусалимской горы. Фото 1880-х гг.

План Иркутска начала XIX в.

Особняк иркутских купцов Киселевых, затем почтовая контора

Интендантский сад в Иркутске. Фото 1900-х гг.

Забор питьевой воды на Ангаре. Фото конца 1890-х гг.

Московские ворота. 1900-х гг.

Купеческий особняк М. В. Сибирякова,
затем резиденция генерал-губернаторов (Белый дом)

Усадьба купцов Бутиных в Нерчинске

Гостиный двор в Иркутске. Фото 1875 г.

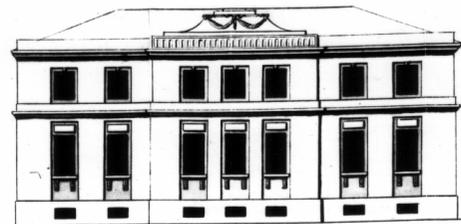

Вознесенский мужской монастырь. Фото 1900-х гг.

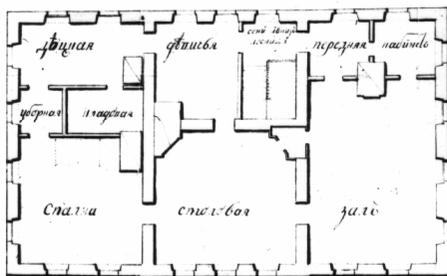

Интерьер дома зажиточного иркутянина. Фото нач. XX в.

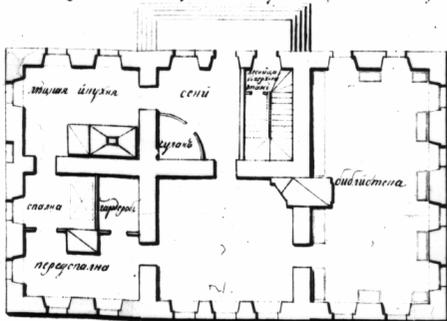
Планы фасада и этажей Иркутской публичной библиотеки, 1782 г.

План первого этажа

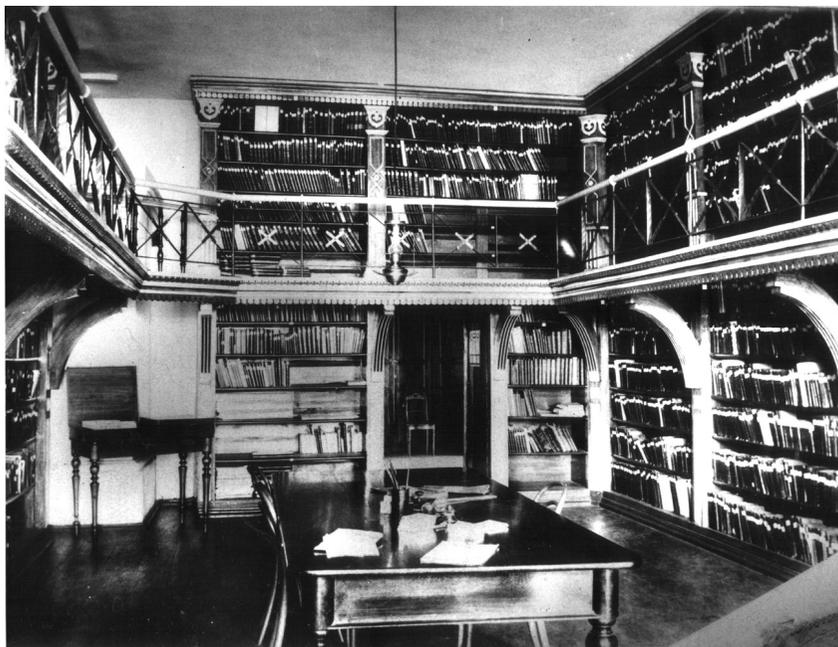

План второго этажа здания в сведениях постройке из сестерев

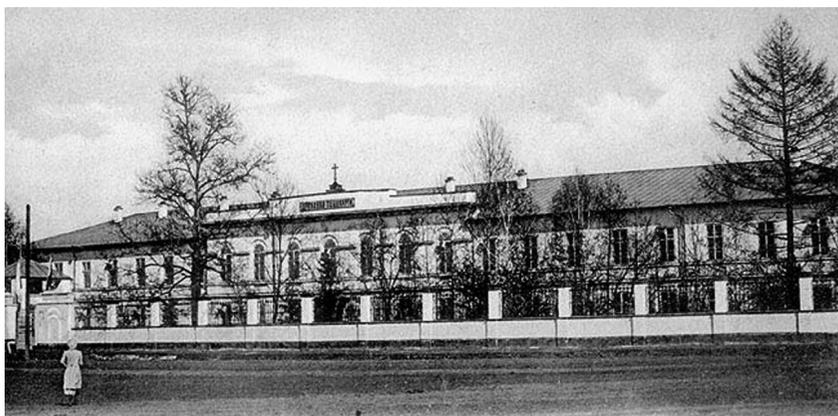

Сделано в Иркутске 1782 г.
С. Суров

План фасада и этажей иркутской публичной библиотеки, 1782 г.

Внутренний вид городской библиотеки г. Иркутска.
Фото 1890-х гг.

Здание иркутской духовной семинарии

Актер иркутского театра
В. Р. Пикок в опере «Русалка»

Актер иркутского театра
А. М. Лабинский

Телефонъ 271. **И Р К У Т С К І Й** Спектакль 108-й.

ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ
антреприза Н. И. Вольскаго и Н. В. Денисова.

Въ Среду 4-го декабря 1902 г.
въ 1-й разъ по возобновленіи представлено будетъ

ОПРИЧНИКЪ

опера въ 4-хъ дѣйств. и 5-ти карт., муз. П. Чайковского.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА:

Князь Жемчужный	1-го <i>Григорія.</i>
Наталья, дочь его	1-же <i>Куря.</i>
Молчанъ Мятковъ, женихъ Натальи	1-го <i>Коробитова.</i>
Болыня Морозова, вдова	1-же <i>Сюккерберга.</i>
Андрей, ея сынъ	1-го <i>Арцимовича.</i>
Басмановъ, молодой опричникъ	1-же <i>Якса.</i>
Князь Вязьминскій	1-го <i>Бранина.</i>
Захарьевна	1-же <i>Тихомирова.</i>

Опричники, народъ, свѣнные дѣвушки, слуги Жемчужнаго.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ во время опричнины.

БА Л Е Т Ъ

въ 4-мъ дѣйствіи поставленъ г. Виттигъ.

Дирижеръ А. В. Павловъ. Режиссеръ П. Ф. Дунаевскій.
Хормейстеръ г. Гольдштейнъ.

Начало ровно въ 8 час. вечера.

Касса открыта ежедневно съ 10 час. утра и до окончанія спектакля. Въ неспек-
такельные дни до 6 ч. вечера. Абониментъ на весь сезонъ со скидкой 25%,
на нѣсколько спектаклей по соглашенію.

Анонсъ: Въ Четвергъ 5-го декабря — «ЛАКМЪ»
Во Вторникъ 10-го декабря **бенефисъ** А. Ф. Арцимовича.

Печать раздѣляется: и. д. Иркутскаго Полиграфистера, купчина Николайскій.

Бал в Иркутске в 1805 г.
С рисунка А. Е. Мартынова

Здание музея ВСОРГО

Здание института благородных девиц им. Николая I

Бал-маскарад в Девичьем институте. Фото 1903 г.

Здание сиропитального дома Е. М. Медведниковой

Портрет иркутского предпринимателя, общественного деятеля и мецената А. М. Сибириякова

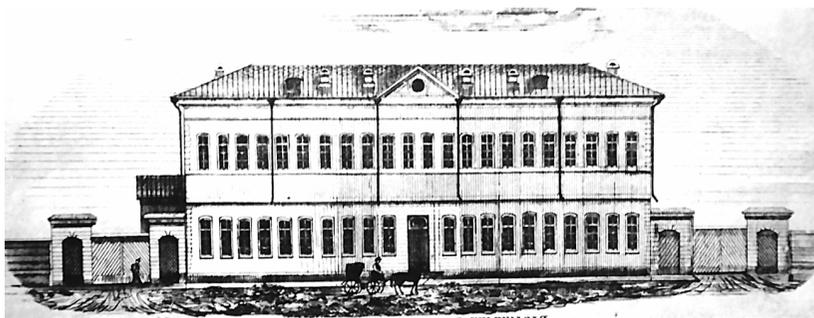
А. Тимофеев. Портрет иркутской купчихи Е. М. Медведниковой

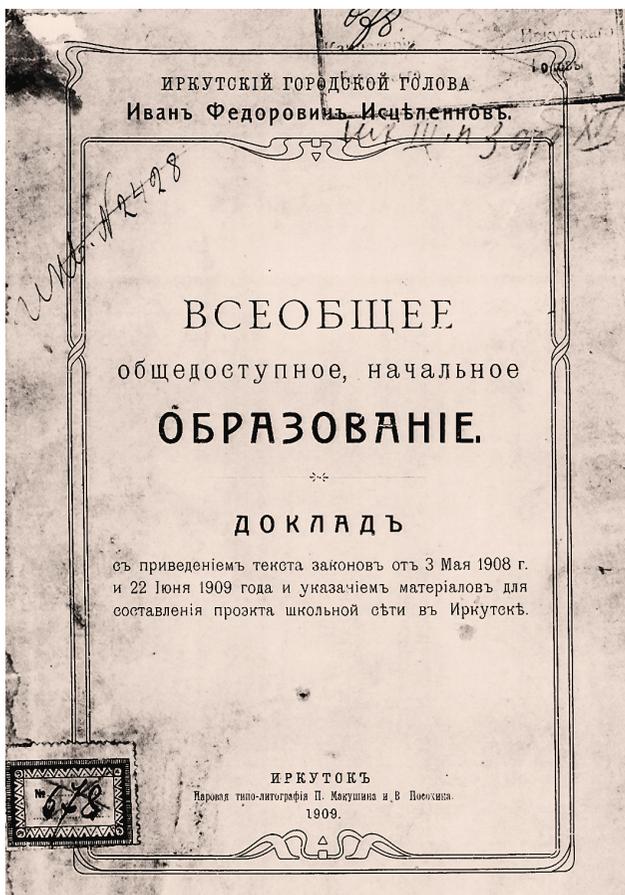
Иркутское пятиклассное городское училище. Фото 1900-х гг.

Ученицы 1-й Хаминовской женской гимназии

Здание Иркутской классической гимназии. 1885 г.

Титульный лист доклада И. Ф. Исцеленнова о школьном образовании

АТТЕСТАТЪ.

Дочь священника Ольга Николаевна
Починарева православного

вѣроисповѣданія, окончившая курсъ семи общихъ классовъ
въ Иркутскомъ Институтѣ Императора Николая I-го, во время
пребыванія въ семъ заведеніи, при *отличномъ (12)*
поведеніи, оказала успѣхи:

- № 206.
- По Закону Божію *отличныя (12)*
 - „ Русскому языку и Словесности *удовлетворительныя (8)*
 - „ Французскому языку *удовлетворительныя (8)*
 - „ Нѣмецкому языку *удовлетворительныя (8)*
 - „ Математикѣ *удовлетворительныя (8)*
 - „ Исторіи *очень хорошия (10)*
 - „ Географіи *очень хорошия (10)*
 - „ Физикѣ и Космографіи *удовлетворительныя (8)*
 - „ Педагогикѣ *очень хорошия (10)*.

Въ первыхъ четырехъ классахъ института Починарева
обучалась Естественнѣднію.

По сему аттестату Починарева имѣеть право получить,
не подвергаясь особому испытанію, свидѣтельство на званіе
домашней *наставницы* тѣхъ предметовъ, по которымъ

Аттестат об окончании Девичьего института

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Предъявительница сего, ученица восьмого дополнительного общеобразовательного класса Иркутской 1-й И. С. Хаминова женской гимназии, *Балашико*

Вилена Григорьевна, как видно из документов, *Крестовидного* звания, *православного* вероисповедания, родившаяся *5 мая* тысяча *восемьсот девятнадцатого*

восьмого года, по окончании общего курса наук в *Иркутской 1-й женской И. С. Хаминовой гимназии*, поступила в VIII-й дополнительный общеобразовательный класс в августе месяце тысяча девятьсот семнадцатого года для специального изучения нижеупомянутых предметов и, находясь в оном по тысяча девятьсот *восемнадцатого* года, при отличном поведении, оказала нижеследующие познания:

1. В Законе Божиим	<i>отличные</i> (5)
2. „ словесности и русском языке	<i>хорошие</i> (4)
3. „ логики	<i>удовлетворительные</i> (3)
4. „ психологии	<i>удовлетворительные</i> (3)
5. „ математики	<i>удовлетворительные</i> (3)
6. „ физике	<i>отличные</i> (5)
7. „ латинском языке	<i>удовлетворительные</i> (3)
8. „ французском языке	_____
9. „ немецком языке	_____
10. „ обществоведению	<i>отличные</i> (5)
11. „ политической экономии	<i>отличные</i> (5)

Посему на основании действующих узаконений ей, *Балашико*
Вилена Григорьевна, предоставляется все права, приобретаемые окончившим мужской гимназии или реального училища, по принадлежности, за исключе-

Свидетельство об окончании
1-й Хаминовской женской гимназии